

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**INSTITUTO DE LATINOAMÉRICA
ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA**

**Instituto de Latinoamérica
Academia de Ciencias de Rusia**

Nikolay V. Rákutz

**Cultura de pueblos indígenas y
política del Estado
Realidades suramericanas**

Moscú

2018

**Институт Латинской Америки
Российской академии наук**

Н.В. РАКУЦ

**Культура индейских народов
и политика государства
Южноамериканские реалии**

Москва

2018

УДК 304
ББК 71.04+71.06+71.07 (Лат. Ам.)

Ответственный редактор:
доктор исторических наук Шемякин Я.Г.

Рецензенты:
канд. полит. наук Воротникова Т.А., канд. ист. наук Дьякова Л.В., канд.
экон. наук Калашников Н.В., канд. ист. наук
Кудеярова Н. Ю.

Ракуц Н.В.

Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии). М.: ИЛА РАН, 2018. – 264 с.

ISBN 978-5-6040484-2-9

Одной из определяющих черт современной ситуации в мире является столкновение двух противоположных по своей направленности процессов – глобализации и усиленной акцентировки черт своеобразия самых различных локальных человеческих общностей – этнических, культурных, религиозных, территориальных и др., упорно отстаивающих свою идентичность. «Индийское возрождение», развернувшееся в XX – начале XXI веков, является одним из самых ярких проявлений этого второго процесса. Опыт последних десятилетий свидетельствует: не решив проблему органичного вливания индейских народов в жизнь национальных сообществ стран Латинской Америки, невозможно добиться их консолидации, которая является необходимым условием успешного достижения целей модернизации. Поэтому исследование характера взаимоотношений индейских культур с государственными институтами стран региона к югу от Рио-Гранде-дель-Порте является задачей в высшей степени актуальной. Книга Н.В. Ракуца, написанная на южноамериканских материалах, представляет собой важный шаг на пути решения этой задачи.

Una de las características que determina la situación actual en el mundo es el choque de dos procesos opuestos por su tendencia, a saber, la globalización y la acentuación intensa de originalidad de varias comunidades locales - étnicas, culturales, religiosas, territoriales, etc., que defienden tercamente su identidad. “Renacimiento indígena”, que se inició en el siglo XX – a comienzos del siglo XXI, es una de las manifestaciones más llamativas de este segundo proceso. La experiencia de las últimas décadas evidencia: sin resolver el problema de inclusión de forma orgánica a los pueblos indígenas en la vida de las comunidades nacionales en América Latina, no se puede alcanzar su consolidación que es un requisito necesario para la modernización exitosa. Por lo tanto, el estudio del carácter de las relaciones entre las culturas indígenas y diferentes instituciones estatales en la región que está al sur del Río Grande del Norte es la tarea de gran actualidad. El libro de N.V. Rákutz escrito en base de los materiales originales es un paso importante en la senda de solucionar este problema.

ISBN 978-5-6040484-2-9

© Ракуц Н.В.

© ИЛА РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	21
Андские страны	36
Перу.....	36
Боливия.....	58
Эквадор.....	80
Карибский регион	94
Колумбия.....	94
Венесуэла.....	109
Южный конус	130
Аргентина.....	130
Чили.....	140
Парагвай.....	157
Бразилия.....	174
Четыре особых случая	200
Уругвай.....	200
Французская Гвиана.....	209
Суринам.....	217
Гайана.....	224
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
Примечания	239

CONTENIDO

PREFACIO	7
INTRODUCCIÓN	21
Países andinos	36
Perú.....	36
Bolivia.....	58
Ecuador.....	80
Región del Caribe	94
Colombia.....	94
Venezuela.....	109
Cono Sur	130
Argentina.....	130
Chile.....	140
Paraguay.....	157
Brasil.....	174
Cuatro casos especiales	200
Uruguay.....	200
Guiana Francesa.....	209
Surinam.....	217
Guayana.....	224
CONCLUSIÓN	230
Notas	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XX-XXI вв. получила очень широкое распространение (и на уровне массового сознания, и в политическом дискурсе, и среди научного сообщества) тенденция сводить все содержание происходящих в мире процессов к глобализации. Однако сторонники этой тенденции постоянно сталкиваются с фактами усиленной акцентировки, во многих случаях – гипертрофии черт своеобразия локальных сообществ различного уровня и масштаба – этнических, языковых, культурных, территориальных, наконец, самых крупных и значимых из таких сообществ–цивилизаций. Знаменитый мексиканский поэт и мыслитель, Нобелевский лауреат О. Пас очень ярко и образно охарактеризовал этот процесс как «мятеж исключений», «не страдающих от своей аномальности или от разрыва с предлагаемым универсальным общим правилом, но, напротив, взявших на себя роль единственной истины, воплощения неизбежности»¹.

Одним из самых ярких проявлений этого «мятежа исключений» в регионе к югу от Рио-Гранде-дель-Норте стало «индейское возрождение» XX – начала XXI вв. – процесс, получивший особенно бурное развитие в последние десятилетия и проявившийся в самых различных сферах – от возрождения исторической памяти автохтонных народов до резкой политической активизации индейских масс, возникновения большого количества индейских организаций. «Индейский ренессанс» – важнейший фактор социальной, политической, духовной жизни современной Латинской Америки. Без включения индейцев в жизнь современного общества не может быть стабильного

¹ Paz O. One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History. New York; London, San Diego; 1986. P. 100.

развития демократии, как не может быть и подлинной национальной консолидации (особенно в тех странах, где велика доля автохтонного населения), которая может быть достигнута лишь в случае, если будет найдено оптимальное соотношение различных и зачастую сталкивающихся друг с другом типов идентификации – этнической, национальной, социальной, цивилизационной. Учитывая данные обстоятельства, появление книги Н. В. Ракуца, известного специалиста по индейской проблематике, представляется весьма своевременным, отвечает настоятельной объективной потребности отечественной латиноамериканистики в «индеанистских» исследованиях (прежде всего, в том, что касается современного состояния «индейской» проблемы), дефицит которых очевиден: за исключением опубликованного в 2011 г. в ИЛА РАН сборника² в этой области не наблюдалось почти никакой творческой активности.

В монографии Н.В. Ракуца представлен очень значительный по объему материал, немалая часть которого впервые вводится в научный оборот. И материал этот позволяет в полной мере оценить всю сложность и противоречивость «индейской проблемы» в странах Южной Америки. Ракуц рассматривает эту проблему с вполне определенной позиции. Главная идея, которая проходит красной нитью через всю книгу, – абсолютная чуждость, а в подавляющем большинстве случаев, несовместимость современного мира и индейских культур. Причем «современное общество» полностью отождествляется с капитализмом, с логикой извлечения максимальной прибыли любой ценой. Надо признать, что, обосновывая свою точку зрения, автор приводит массу ярких, убедительных примеров. Впрочем, если содержание книги сводилось бы только к этому, она вряд ли могла бы

² Индейский мир перед вызовами XXI века. М.: ИЛА РАН, 2011.

рассматриваться как объективное научное исследование. Однако это не так. Автор упоминает и практически все то позитивное, что было сделано в сфере «индейской» политики латиноамериканскими государствами. Тем не менее, общая авторская позиция «задает» вполне определенный ракурс рассмотрения «индейской проблемы», и в этом ракурсе делается постоянный акцент не на то, что удалось сделать, а на то, что не сделано для улучшения положения автохтонного населения государственными структурами тех или иных стран, на недостатки и просчеты, на явное непонимание во многих случаях специфики автохтонных культур, на многочисленные нарушения уже закрепленных за индейцами конституционных прав, на столь же многочисленные случаи агрессивного утверждения примата узко (в духе капиталистической «формальной рациональности») понимаемой экономической эффективности над интересами сохранения и развития индейских сообществ.

Автор, безусловно, имеет право именно на такую акцентировку рассматриваемой проблематики. Но если проанализировать в комплексе весь приводимый в книге материал, то постоянное подчеркивание только того негатива (в реальности которого, конечно, сомневаться не приходится), который наличествует в политике государств региона по «индейскому» вопросу, оставляет впечатление односторонности.

Для того чтобы понять и оценить в полной мере всю сложность и противоречивость индейской проблематики, необходимо рассмотреть ее в общем контексте темы модернизации. Тем более что именно цель осуществления модернизации остается главной в повестке дня во всех государствах региона. В связи с этим следует отметить, что комплекс ценностей модернизации, впервые сложившийся в западном социокультурном контексте в XVII-XVIII вв.,

изначально имел две основы, два базовых принципа – рациональности и свободы выбора во всех сферах жизни. Нам уже не раз приходилось обосновывать точку зрения, согласно которой эти два принципа находились в отношениях противоречия³. А в связи с тем, что на Западе утвердился вполне определенный тип рацио – формальная рациональность (в которой, по определению М. Вебера, воплотился «дух капитализма»)⁴, в XIX – начале XX вв. в западном цивилизационном ареале сложилась ситуация, характеризующаяся гипертрофией принципа формальной рациональности в ущерб принципу свободы выбора. Ситуация, в решающей мере обусловившая как драматические коллизии истории XX в., так и попытки частичного преодоления этих коллизий на путях определенной коррекции чрезмерного крена цивилизационной системы Запада в сторону «формальной рациональности» капиталистического типа⁵. И Латинская Америка отнюдь не осталась в стороне от этих общемировых процессов⁶.

В развитии практически всех современных обществ наблюдается постоянное столкновение и напряженное взаимодействие двух императивов – экономической эффективности (в духе «формальной рациональности») и социальной интеграции тех или иных национальных сообществ. В Латинской Америке в ситуации крайней

³ См., например: Шемякин Я.Г. Феномен модернизации: цивилизационное измерение. Статья 2. Ценность модернизации на Западе и в «не западном» мире: особенности восприятия и эволюция идентификационных стратегий // *Общественные науки и современность*, 2016. № 1. С. 117–119.

⁴ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–306.

⁵ Шемякин Я.Г. Феномен модернизации..., С. 118–119; Шемякин Я.Г. *История мировых цивилизаций. XX век*. М.: АПКИПРО, 2001.

⁶ Шемякин Я.Г. Феномен модернизации..., С. 119–126.

социальной поляризации подобное столкновение ощущается особенно остро. В связи с этим следует сказать со всей определенностью: вся «индейская» политика латиноамериканских государств опирается именно на осознание императива интеграции, необходимости решения задачи достижения целостности социальных организмов соответствующих стран. Задачи, уровень сложности которой резко возрастает в условиях столкновения и в высшей степени противоречивого сосуществования разнородных культурных традиций и разделенных герменевтическими барьерами разностадиальных пластов исторического бытия народов (ситуация «соположенности» по Л. Сеа)⁷. Для «индейских» стран наиболее актуально столкновение этнической и национальной идентификаций, что связано с двумя противоположными по своей направленности тенденциями этнического развития – к интеграции формирующихся наций и к консолидации крупных индейских народов (аймара, мапуче, в определенной мере и кечуа)⁸.

Следует отметить, что в латиноамериканских государствах сделано немало, главным образом после перехода к демократическому правлению, в деле продвижения по пути решения проблемы интеграции индейцев в национальные сообщества при сохранении их этнокультурной идентичности, автономии, соблюдении основных прав человека и как отдельных индивидов, и как

⁷ Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, 1984. С. 176–191.

⁸ Пожалуй, наиболее остро (по крайней мере, в последние годы) стоит проблема столкновения этнической идентификации мапуче и национально–государственной идентификации Чили и Аргентины. См., например: Peter Wade. A Nation Divided: Building the Cross-Border Mapuche Nation in Chile // *Journal of Latin American Studies*. 2013. Vol.45. Part 2. P. 235-264.

членов соответствующих индейских коллективов. Хотелось бы еще раз подчеркнуть: главные факты, которые могут быть приведены в подтверждение изложенной только что позиции, приведены в книге Ракуца, что, несомненно, является свидетельством научной объективности и добросовестности автора. Но все эти факты остаются зачастую как бы «в тени» преобладающих негативных оценок ситуации. Кроме того, приводимый им же самим материал в ряде случаев входит в очевидное противоречие с некоторыми слишком жесткими и однозначными оценками автора.

Чтобы не быть голословным, приведу наличествующие в тексте книги примеры действий латиноамериканских государств в соответствии с императивом интеграции. Прежде всего, необходимо отметить, что все латиноамериканские государства, за исключением Уругвая, Гайаны и Суринама (а также Франции, департаментом которой официально считается Французская Гвиана), ратифицировали Конвенцию Международной Организации Труда (МОТ) № 169 от 1989 г. и все единогласно подписали Декларацию ООН о правах коренных народов 2007 г. Автор совершенно справедливо указывает на основополагающее значение этих документов, в которых отражена позиция международного сообщества в вопросе о необходимости создания условий для сохранения и развития самобытных культур, автономных человеческих общностей, воспринимаемых как архаичные, в том числе традиций, языков, образа жизни индейцев. Впрочем, после такого признания Ракуц немедленно переходит к весьма жесткой (и отчасти справедливой) критике этих документов, отмечая их в основном декларативный характер, совершенно недостаточный учет специфики автохтонных народов. Из текста монографии совершенно очевидно, что специфика эта в гораздо большей степени учитывается именно латиноаме-

риканскими государствами. По словам автора, «согласно некоторым конституциям (например, Колумбии, Боливии, Перу, Венесуэлы), по крайней мере, на уровне официальном, у индейцев больше прав, чем определено документами ООН».

В соответствующих главах автор конкретизирует эти утверждения. Так, конституция *Колумбии* 1991 г. признает основные права индейцев, государству предписана особая забота о правах 34 коренных народов, существование которых находилось под угрозой вследствие вооруженного конфликта. Упомянутая конституция предусматривает возможность создания индейских территорий, управляемых самими индейцами. Почти треть территории страны – индейские резерваты.

В *Боливии* в конституции 2009 г. защита индейских и крестьянских общин провозглашена государственным приоритетом. Официально закреплено двуязычие (использование наряду с испанским языка большинства индейского населения конкретной территории), декларировано отправление правосудия в общинах согласно их обычаям и традициям. В рамках конституции объявлена свобода вероисповедания, причем особо подчеркивается, что она распространяется и на индейские культы, шаманские практики, методы социализации, т.е., иными словами, предполагает сохранение традиционной духовной культуры. Предусмотрено обязательное использование как правительством страны, так и правительствами департаментов по крайней мере двух языков – испанского и одного из индейских. В дальнейшем президент страны Э. Моралес пошел еще дальше, объявив 37 индейских языков Боливии официальными наряду с испанским, вменив их знание в обязанность чиновникам и преподавателям, работающим на конкретных территориях. Было разрешено предоставление вступительных документов, написание курсовых и

дипломных работ на индейских языках в университетах. Правительством Э. Моралеса активно продвигались различные программы, предусматривающие использование понятных индейцам культурных символов, прежде всего – традиционной одежды, санкционировано открытое употребление коки, которая объявлена национальным культурным достоянием и фактором, способствующим единению нации. Своего рода символической кульминацией индейской политики Э. Моралеса стало одобрение Законодательной Ассамблеей страны закона о правах Матери-Земли.

Конституция 1993 г. провозглашает *Перу* поликультурным государством, в котором уважаются языки и традиции коренного населения, декларировано двуязычное образование, причем эта декларация частично воплотилась в таких практических действиях, как создание Центра двуязычного образования (после перерыва в работе он воссоздан в 1996 г.) и Ассоциации учителей двуязычного образования. На местном уровне в департаменте Кахамарка в 2008 г. власти объявили официальными языками на территории этого департамента испанский, кечуа и агуаруна. В том же году в департаменте Хуни местные власти сделали официальными наряду с испанским языки кечуа, ашанинка, какинте и янана, причем предполагается развивать местную систему образования на данных языках на всех уровнях. В 2006 г. издан закон о защите индейцев, находящихся в состоянии изоляции, в котором предусматривается создание специальных резерватов. Вступил в силу и закон о предварительных консультациях с индейскими общинами по вопросам, непосредственно их затрагивающим. В Перу отмечен пример успешной реэтнизации – индейского народа мучик на северном побережье страны: были возрождены язык мучик, традиционные ремесла и технологии, в общем,

налицо восстановление идентичности этой автохтонной общности.

Конституция *Венесуэлы* 1999 г. впервые в истории страны была выработана при участии индейцев. Также впервые признан полиэтничный, поликультурный и многоязычный характер венесуэльского общества, вклад индейцев в формирование Венесуэлы как особой культурно-исторической реальности. Конституция гарантирует права индейцев на исконные земли, формы хозяйствования и социальной организации, на образование и охрану здоровья. Государство обязалось защищать индейские языки и культуру, органичную для коренных жителей природную среду. Гарантируется также право индейцев на предварительные консультации по вопросам, непосредственно их затрагивающим. Были приняты: закон о демаркации и гарантиях среды обитания и земель индейцев (2001 г.), закон об индейских народах (2005 г.), закон об индейских языках (2007 г.), закон о культурном наследии индейских народов и общин и закон об индейских ремеслах (2009 г.). Во всех этих законах нашли свое конкретное воплощение принципы, декларированные в конституции 1999 года. Перечисляя конкретные действия правительства У. Чавеса, автор отмечает, что индейские общины при его правлении были обеспечены электричеством, телефонной связью, топливом для транспорта за государственный счет. Индейцы получили возможность разрабатывать собственные проекты в том, что касается сельского хозяйства, рыболовства, ремесел. В ряде случаев государством предлагались альтернативные экономические стратегии в таких сферах, как сельское хозяйство, главным образом скотоводство, и туризм, призванные преодолеть одно-стороннюю зависимость от горнодобывающих отраслей. Были введены в действие программы по ликвидации неграмотности, созданию и совершенствованию сети

здравоохранения, материальной поддержки (выплаты стипендий) студентам. В 2007 г. было создано Министерство по делам индейцев, во главе которого с самого начала и по сей день стояли и стоят индейцы, в 2006 г. возникло специальное управление по здравоохранению для индейцев. Во «Втором Социалистическом плане экономического и социального развития нации» (рассчитанном на период 2013–2019 гг.) содержится целая программа осуществления мер по дальнейшей практической реализации положений конституции 1999 г., которая, однако, очень далека от воплощения на практике в связи с переживаемыми страной трудностями. И последнее о Венесуэле: здесь также имеется яркий положительный пример реэтнизации (община тимоте, штат Мерида), тем более важный, что здесь сохранение основ традиционной культуры удалось совместить с включением новаций (тщательно отбираемых самими индейцами), позволивших тимоте успешно адаптироваться к реалиям современного общества.

В конституции *Бразилии* 1988 г. признаются права индейцев на сохранение и развитие собственных обычаев, языков, традиционных верований, на традиционно занимаемые земли, на свойственные им специфические формы социальной организации. (раздел VII, глава VIII, ст. 231). После принятия конституции было положено начало процессу возвращения индейцам их исконных земель. Процесс этот сопровождался и созданием системы двуязычного образования, причем основная часть учителей (по оценке Н.В. Ракуца, 85-88% преподавателей более 200 индейских школ в резервациях) – это индейцы. Важным фактом современной истории Бразилии стало возникновение индейской интеллигенции, к которой, помимо учителей, принадлежат медики и служащие экологических организаций. К положительным примерам попыток реше-

ния проблем, связанных с коренным населением, относятся такие факты, как финансирование исследований индейских языков, находящихся под угрозой исчезновения, попытки возрождения таких языков, государственные вложения в создание учебных материалов для индейских школ, создание в ряде мест общинных радиостанций. К числу мер, учитывающих интересы индейцев, следует отнести и тот факт, что в штате Амазонас специальным декретом вторым официальным языком объявлен лингуа жерал, который служит языком общения для многих индейских общин. Как совершенно справедливо отмечает автор монографии, из 7 стран Латинской Америки, в которых зафиксированы индейские группы в состоянии добровольной изоляции, фактически только в Бразилии существуют специальная и очень детально разработанная программа и свод конкретных правил работы с такими группами. В конституции декларирована защита «индейских территорий». В 1987 г. состоялась принципиально важная встреча т.н. «сертанистов» (т.е. самых разнообразных специалистов, работающих с индейцами), на которой был определен важный принцип будущей индейской политики: вступать в контакт с общинами-изолятами только в том случае, если их существованию угрожает опасность; любое форсирование контактов отныне расценивалось как недопустимое. И что особенно важно, существующие изоляты были объявлены объектами мирового культурного наследия, т.е. их культуры признаны полноценным (при всей их оригинальности) проявлением творческой ипостаси человека разумного. Бразилии известен и пример успешной реэтнизации: жители общины Оливенсы близ г. Ильеце, штат Баия, добились признания их властями в качестве коренных жителей бразильского побережья.

Автор отмечает в Заключении, что примеров успешной реэтнизации (т.е. возрождения идентичности индейских

общностей) достаточно много: помимо упоминавшихся бразильских тупинамба, это аргентинские уарпе и она, колумбийские канкуамо, уругвайские чарруа. И это, по словам Н. Ракуца, «далеко не полный перечень». Даже в Уругвае, стране официально не признающей наличия у себя в настоящее время «индейской» проблемы, в 2009 г. парламент принял закон, установивший 14 апреля как «день нации чарруа и индейской идентичности» – в память о массовой расправе над индейцами чарруа 14 апреля 1831 года. Тем самым была признана значимость «индейской» темы для исторической памяти (а, тем самым, и национальной идентичности) уругвайцев.

Хотелось бы особо подчеркнуть: само признание права на существование «архаических» индейских культур и этносов, на сохранение их собственного образа жизни и традиций, тем более разработка конкретных программ, предусматривающих реализацию этого права, коренным образом противоречит «формальной рациональности». Ибо это предполагает сохранение человеческих общностей, вообще не вписывающихся в логику функционирования капиталистического рынка, абсолютно неэффективных с чисто экономической точки зрения, основанных на совершенно отличном от западного подходе к решению ключевых проблем человеческого существования. И здесь очевидно стремление подавляющего большинства государств региона (разумеется, между ними есть в этом плане и немалые отличия) в той или иной степени преодолеть тенденцию к гипертрофии формальной рациональности, учесть в интересах консолидации национальных сообществ необходимость сосуществования с качественно иной в своей основе цивилизационной логикой. Все «индейское законодательство», все усилия, предпринимаемые и предпринимаемые в этом направлении в основных странах региона – это поиск компромисса между обозначенными

выше двумя императивами. Выработать конкретные пути осуществления этого компромисса, добиться реального диалога современного общества с индейской архаикой – задача высшего уровня сложности. И текст Ракуца являет собой яркую иллюстрацию степени сложности, позволяет увидеть, что во многих случаях взаимодействия «современности» и «индейского мира» имеет место не диалог, а столкновение монологов, причем с обеих сторон. Дело в том, что индейцев тоже идеализировать не стоит, можно привести примеры того, когда они не проявляют никакой готовности к диалогу, причем в условиях, когда такой диалог стал вполне возможен в условиях демократии.

Впрочем, история попыток решения «индейского вопроса» в странах региона в последние два с лишним десятилетия выявила и недостаточную эффективность современных моделей демократического устройства, и цивилизационную ограниченность до сих пор преобладающую в мировом сообществе, западную по своему происхождению и характеру трактовки проблемы прав человека – здесь Ракуц совершенно прав. Опыт поисков путей решения этой проблемы применительно к «индейской» тематике убедительно свидетельствует: без признания права на идентичность в качестве одного из основополагающих прав человека, как на индивидуальном уровне, так и на уровне человеческих сообществ различного характера и масштаба все остальные права, гарантируемые латиноамериканскими конституциями, попросту не действуют. Индейцы очень хорошо это ощущают, что называется, на собственной шкуре. Но все же: не следует ли рассматривать то, что уже сделано (и продолжает делаться) многими государствами Латинской Америки для достижения компромисса между обозначенными двумя императивами как, пусть первые и еще совершенно недостаточные, но тем не менее *реальные* шаги на пути к

началу реального диалога? В случае подобной смены акцентов приведенный в книге богатый и интересный материал будет, на наш взгляд, восприниматься в несколько ином ключе, чем настаивает автор. По-моему, выход в свет книги Н.В. Ракуца станет важным побудительным стимулом к развертыванию творческой дискуссии по «индейской» проблематике.

Я.Г. Шемякин
д.и.н., главный научный сотрудник ИЛА РАН

ВВЕДЕНИЕ

В представленной книге хотелось бы обратиться к такому, весьма важному в современных условиях, вопросу, как политика государств в отношении культур коренных народов. В обстановке глобализации это имеет значение не только для Латинской Америки, но и для других регионов мира. Автор не ставил себе целью рассмотреть положение во всех латиноамериканских государствах: в книге представлены материалы исключительно по странам Южной Америки. Так уж «сложилось исторически», что все предыдущие работы автора (независимо от того, касались ли они доколумбова, колониального, или современного периода) исследовали проблемы именно этой части континента. По некоторым странам к тому же ранее уже публиковались материалы, затрагивающие тематику данной работы.

Кроме того, Южная Америка – регион особый. Как писала еще в 1947 г. одна из знаменитых американских антропологов, Рут Бенедикт, это самый неизученный континент на Земле. Хотя с тех пор многие пытались данное заключение оспорить, по мнению автора, оно остается справедливым и по сей день¹ (достаточно посмотреть на современные открытия в области археологии и этнографии, в результате которых взгляды на историю Южной Америки и на культуры индейского населения кардинально меняются в среднем каждые 20 лет).

Внимание в данной работе сконцентрировано исключительно на индейском населении континента. Его роль в жизни разных стран в последнее время возрастает. Это происходит параллельно с увеличением численности, вовлечением в политические и экономические процессы, активизацией движения за сохранение культурной самобытности или даже ее восстановление (так называемой реэтнизацией, т.е. возрождением этнической идентичности), а в некоторых

случаях и конструирование ее заново. Если бы все было так, как это виделось правительствам и интеллигенции южноамериканских государств в XIX-XX вв., со времен обретения странами континента независимости упорно следовавших курсом на ассимиляцию коренного населения, – то сегодня не должно было бы уже существовать никаких индейцев, а оставались бы только «метисные нации»².

Но проблема для современных латиноамериканских правительств в том и состоит, что индейцы по-прежнему есть и не собираются ассимилироваться, а пытаются отстаивать свои права не только на национальном, но и на международном уровне. Это для них особенно актуально хотя бы потому, что в латиноамериканских странах именно индейцы – беднейшая, наиболее уязвимая, социально незащищенная часть населения. Например, последствия экономического кризиса 2008 г., от которых государства континента не оправились до сих пор, сильнее всего почувствовали на себе именно индейцы (усиление натиска «чужих» на их земли, недостаток образования для получения хорошей работы и постоянная угроза в условиях кризиса быстро лишиться даже и этой работы, уход в города, т.е. в непривычную по многим характеристикам среду, где нередки расистские настроения, и т.д.).

Никакие провозглашавшиеся на протяжении всего прошлого века и первых лет нашего столетия в ходе политической либерализации в странах региона реформы и правительственные социальные программы это положение дел изменить не смогли. К тому же, по целому ряду причин, внимание к самому наличию индейской проблемы очень неудобно для тех кругов, которые получают выгоду от современной экономической модели, построенной на эксплуатации сырьевых ресурсов. А ими как раз богаты территории, заселенные индейскими народами. Неудобно существование индейской проблемы прежде всего потому, что ка-

тегорически отличаются друг от друга евроцентрированный, меркантилистский, с одной стороны, и индейский, с другой, подходы к тому, как наилучшим и наиболее правильным образом эксплуатировать природу. Одно дело – стремление извлечь наибольшую прибыль любой ценой здесь и сейчас, без раздумий о завтрашнем дне, а другое – разумная эксплуатация природных ресурсов с расчетом на будущие поколения. Однажды в частном разговоре о проблемах индейцев США автору пришлось услышать, что любому, кто выступал за проведение той иной реформы или предлагалось прежде всего рассчитать ее последствия на восемь поколений вперед, предложение принималось только в том случае, если, согласно расчетам, никаких отрицательных моментов на протяжении всего этого времени, согласно подсчетам, не грозило. Кто и где видел такое в «цивилизованном мире»? Именно последний из перечисленных подход и отличает то, что можно назвать «индейской» экономической моделью, категорически отвергаемой сегодня определенными кругами «цивилизованного» общества (не всеми, разумеется, а в первую очередь транснациональным капиталом и слоями, с ним тесно связанными, например, крупными аграриями и промышленниками).

Индейский взгляд на вещи заключается в том, что «жить хорошо» (*vivir bien*) или, если выразиться точнее, «жить правильно» – значит жить в гармонии с природой. Под ней понимается вся окружающая среда – земля, вода, недра, воздух. А также в гармонии со всем живым – животными, растениями и т.д., и, разумеется, с окружающими людьми, своими и чужими. «Цивилизованный» же подход чаще всего выражается в том, чтобы брать от природы все подряд по принципу, всем нам хорошо известному, то есть грубо потребительскому: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача»³. Не мешает при этом помнить, что еще Ф. Энгельс предостерегал от увлечения

таким подходом: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит»⁴.

Для крупного капитала неприемлемость индейского подхода к природе обусловлена, прежде всего, тем, что для индейца земля – это не объект купли-продажи, а просто территория, персонально владеть которой никто не может, она – основа культурной и институционализированной идентичности, производитель всех благ. Обыденное и сакральное здесь неразделимы, а потому обязанностью всех живущих на земле является ее защита. Своя территория нужна каждому народу не только и не просто как среда обитания, но и как необходимое условие формирования, существования и поддержания традиционной культуры. «Без земли нет культуры» – так с известной долей условности можно перевести выражение индейцев-гуарани, с которым, судя по имеющимся материалам, полностью согласны и прочие коренные народы континента. Более того, как подчеркивает видный аргентинский юрист Сильвина Рамирес невозможно представить, что индейские народы смогут воспользоваться какими бы то ни было предоставленными им конституционно правами, если они не являются хозяевами своей земли⁵. А поскольку земельная проблема на континенте носит, мягко говоря, острый характер, неудивительно, что действия крупного капитала, своего и иностранного, разного рода самовольных колонистов, нелегальных старателей, наркоторговцев и прочих маргинальных элементов рассматриваются индейцами и различными экологическими, природоохранными и т.п. поддерживающими их организациями как угроза не только окружающей среде, но и индейским культурам. И наталкиваются эти действия на все более активное, более или менее организованное сопротивление. При этом вполне естественно, что индейское движение в странах континента, учитывая мировоззрение

коренных народов, принимает форму, прежде всего, движения экологического, в защиту окружающей среды.

На Латинскую Америку в последние десятилетия обрушился вал конфликтов на экологической почве, точнее – этноэкологических (*conflictos etnoambientales*), поскольку чаще всего это конфликты местных жителей (не обязательно только индейцев, но именно их в первую очередь) с пришлыми, с их точки зрения, силами. В это противостояние, естественно, вовлекаются и местные власти, и центральные правительства. И вопрос лишь в том, чью сторону они в этих конфликтах занимают и почему. Сегодня таких конфликтов в Латинской Америке, в подавляющем своем большинстве далеких от разрешения, насчитывают более 200⁶. Причем, на Западе эти проблемы, близкие автору как антропологу, активно обсуждаются, в то время как в России о них практически не пишут или пишут крайне редко.

Сложность рассмотрения темы взаимоотношений индейских культур с государствами определяется еще одним важным обстоятельством: в разных странах сложились различные взгляды относительно того, кого собственно считать индейцем, а кого нет. Не в столь уж давние времена любое правительство могло решить этот вопрос простым декретом. Так было, например, в Венесуэле в 1885 г. Да и впоследствии от этой практики не отказались. И совсем недавно президент Перу Ольянта Умала (2011-2016) объявил индейцами только жителей Амазонии, да и то не всех, а лишь группы, находящиеся в добровольной изоляции⁷. Помимо того, что сам термин «индеец» коренному населению Америки был навязан завоевателями и многие индейские общества сегодня от него отказались, предпочитая понятие «коренные народы» или просто конкретные самоназвания (аймара, мапуче, яномами и др.), имеются еще и господствующие в неиндейском обществе (а это обычно большинство населения) определенные стереотипы относительно

индейцев. Результат – индейцев чаще всего воспринимают, например, как крестьян (в Перу, при правительстве Хуана Веласко Альварадо было официально запрещено использовать первое понятие в пользу второго) или просто диких жителей лесов, хотя это, мягко говоря, не соответствует действительности, поскольку сегодня есть и индейская интеллигенция, и индейская буржуазия. К тому же значительная часть (а в некоторых странах и большинство) индейского населения сегодня, по разным причинам – горожане.

Вопрос о рассмотрении положения во всех сферах культуры, хотя бы и только индейской, автором не ставился, поскольку это необъятная тема, и к тому же некоторые связанные с индейскими культурами вопросы уже были проанализированы в ранее вышедших статьях. Поэтому наряду со странами, положение в которых в указанной сфере в прежние годы автором уже рассматривалось, особое внимание обращалось на страны, по тем или иным причинам в связи с данной проблемой описываемые редко или же недостаточно и часто необъективно (принимая во внимание происходящие изменения в их внутренней политике). Ситуация в такие государства, как Перу, о котором автору уже приходилось писать особенно подробно⁸, а также в Аргентине и Бразилии, рассматривается, прежде всего, на основе опубликованного ранее материала. Вносятся лишь необходимые дополнения (особенно это касается Бразилии), поскольку в результате появления новых данных по затронутым проблемам оказалось необходимым пересмотреть некоторые прежние выводы. Более же пристальное внимание хотелось в данном случае уделить таким странам, как Боливия, Венесуэла, Чили и Парагвай (информация о которых по рассматриваемой проблеме недостаточна и в российской печати появляется редко), а также часто просто игнорируемому в связи с индейской проблематикой Уругваю,

гвианским государствам и не нашедшей своего места в недавно вышедшем сборнике ИЛА РАН Колумбии⁹.

Кроме того, в исследование, когда для этого имелись соответствующие материалы, впервые в отечественной науке были включены данные, обычно не привлекаемые даже в специальной литературе (за исключением зарубежной). Данные по группам, находящимся в так называемом состоянии добровольной изоляции или на начальной стадии контакта (встречается также выражение «в состоянии спорадических контактов») с национальными обществами, поскольку как раз в Южной Америке таких групп особенно много. Это вызвано и тем обстоятельством, что в глазах самих представителей коренных народов на сегодняшний день именно эти группы лучше других (или вообще только они) сохранили традиционную культуру.

Особо следует отметить один существенный факт. Ввиду известной ограниченности доступного (речь в данном случае не о количественной стороне, а о качественной) репрезентативного материала, особенно подлинных источников, работа основана, прежде всего, на наличествующих в библиотеках и Интернете публикациях. Здесь необходимо оговориться, что отбиралась информация в первую очередь по принципу достоверности. Автор считает более правильным опираться, прежде всего, на работы исследователей, уже зарекомендовавших себя как специалистов своего дела, а также с учетом целей, которые эти работы преследовали и для кого и для чего проводились.

Сегодня уже можно считать вполне сформировавшимися различные подходы к изучению индейских культур и государственной политики по отношению к ним. Среди них следует выделить антропологический, культурологический, социологический, юридический, экологический (включая исследования по здравоохранению), экономический. Зависит выбор подхода от того, специалисты какого профиля

соответствующие проблемы рассматривают, причем зачастую они пересекаются, и бывает нелегко отнести ту или иную работу к какому-то одному из перечисленных направлений. Таким образом, сама тема определяет тот факт, что при ее изучении важны также междисциплинарный подход и совместные исследования групп специалистов различного профиля. Но при изучении проблем индейских культур и государственной политики в отношении коренного населения все исследователи, так или иначе, исходят, прежде всего, из анализа положений двух на сегодняшний день основополагающих документов по индейскому вопросу: Конвенции МОТ №169 от 1989 г. и Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. Их подготовка затянулась на десятилетия и сопровождалась жаркими дискуссиями. Впрочем, эти споры не утихают и сегодня, хотя бы потому, что ратификация той же Конвенции проходила крайне медленно, а три южноамериканские страны – Уругвай, Гайана, Суринам, а также Франция, владеющая департаментом Французская Гвиана, не сделали этого до сих пор, хотя Декларация была принята странами континента в ООН практически единогласно. В ходе исследований привлекаются, разумеется, также положения конституций и других законодательных документов соответствующих государств.

В настоящее время по вопросам сохранения и развития индейских культур и государственной политики в отношении коренного населения исследователь имеет возможность обращаться к регулярно выходящим в разных странах специальным ежегодникам и выпускам различных правозащитных организаций (это, прежде всего, публикации Международной рабочей группы по делам коренных народов в Копенгагене, IWGIA, публикации о положении групп в состоянии добровольной изоляции, публикации Survival International), не говоря уже о большой работе, проводимой в этом направлении многочисленными латиноамерикански-

ми, европейскими и североамериканскими университетами и другими научными учреждениями. Большая часть этого материала – статьи в периодических изданиях, поскольку обобщающих работ по данной проблематике даже по отдельным группам стран все-таки немного.

Но при знакомстве с этой литературой складывается впечатление, что оценки ситуации в таких сферах, как состояние культуры и культурных прав индейских народов континента у большинства специалистов разных стран (работающих именно в указанных областях, т.е. антропологов, культурологов, экологов, правозащитников, часто юристов) во многом, если даже не полностью, совпадают. И настроены они в целом весьма скептически. В то же время авторам публикаций, отражающих точку зрения соответствующих правительственных органов и местных властей, промышленных корпораций или олигархических группировок, ситуация видится в ином свете, хотя и не всегда. Но об этом – ниже, при рассмотрении положения дел в конкретных странах.

Наличие материалов для каждого конкретного случая определяло и построение отдельных глав работы. От единой схемы изложения пришлось отказаться, поскольку не всегда в имеющемся материале можно выделить определенные блоки информации (например, языковая политика, образование, здравоохранение). Это оправдывается и тем обстоятельством, что и в зарубежных сборниках соответствующей тематики такой свободный порядок изложения достаточно обычен.

Еще одно предварительное замечание. Культурные проблемы рассматриваемых здесь стран анализируются, прежде всего, исходя из общих критериев подхода к вопросам культуры индейских народов. То есть во главу угла ставится проблема самой возможности существования и развития индейских культур в современных условиях, а не такие узкие понятия, как школьное образование (в том числе и на

соответствующих языках, есть оно или его нет), традиционное ремесленное производство и т.п., которые являются лишь частными проявлениями культуры. Поскольку в индейских культурах основным вопросом сегодня, как, впрочем, и прежде, является земельный, проблемы культурной политики неизбежно смыкаются с проблемами прав индейских народов на землю (и уже исходя из этого на все остальное – родной язык, традиционные практики и так далее), т.е. на само их существование как именно индейских.

Мы намеренно оставили в стороне особую проблему городских индейцев, которые в ряде стран составляют большинство представителей соответствующих этносов, поскольку, по нашему мнению, это – отдельная большая тема, к которой мы надеемся обратиться в дальнейшем. В данном же случае рассматриваются вопросы возможности сохранения того, что можно, – разумеется, с достаточной долей условности, – называть традиционной индейской культурой.

Несколько слов о терминологии. В отношении индейского населения было сочтено предпочтительным избегать колониалистского, по определению некоторых авторов, понятия «этническая группа», заведомо ставящего индейское население в положение незначительного меньшинства в конкретной стране¹⁰. Тем более что это понятие, на наш взгляд, во многих случаях не выглядит достаточно адекватным. Например, тех же мапуче в Аргентине насчитывается более 100 тысяч человек, а в Чили, по последним данным, – полтора миллиона. Не многовато ли для «группы»? И это не говоря уже о кечуа или аймара, особенно в Боливии (миллионы человек), или, пусть даже не столь многочисленных, вайуу (гуахино) в Венесуэле и Колумбии – их сотни тысяч человек. Поэтому предпочтение отдавалось таким терминам, как «нация», что вполне принято в американской антропологии фактически еще с колониальных времен, или «этнос» в том его расширительном понимании, которое ши-

роко применялось в советское время вследствие его нейтральности (с учетом и того факта, что в разных странах в понятия «национальность», «народ» и т.п. вкладывается разный смысл). К тому же ни тот ни другой термин не несут в себе количественной оценки соответствующего коллектива (неважно – несколько десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч и более человек).

Что касается распределения материала – начинать с андского региона автору показалось естественным ввиду наибольшего процента индейского населения в соответствующих странах (даже независимо от того, считается ли оно таковым официально или нет). А то, что первой из андских стран рассматривается ситуация в Перу – своего рода дань традиции, поскольку именно эта страна чаще всего в обыденном сознании ассоциируется с андским регионом. К тому же из андских стран Перу – крупнейшая по территории и населению. Выделение в отдельные блоки Колумбии-Венесуэлы (где индейцы – меньшинство, но достаточно значимое в количественном отношении – более 3% населения) и стран Южного Конуса (в него уже традиционно включают Чили, Аргентину, Парагвай и Уругвай, хотя первые две страны, с позиций географических, можно было бы отнести и к Андскому региону), а также Бразилии (во всех этих случаях индейцев менее 3% населения), объясняется причинами исторического характера и типами расселения индейских групп. Отдельное же рассмотрение Уругвая и далеких от него Гайаны, Суринама и Французской Гвианы связано с тем, что именно эти страны наличия у себя индейского населения официально вообще не признают (относительное исключение составляет только Гайана) и Конвенцию №169 МОТ о правах коренных народов, как мы отметили выше, данные государства до сих пор не подписали. К тому же эти страны отличает и своеобразный этнический состав: Уругвай традиционно считается самой «белой»

страной Латинской Америки, а в странах гвианской группы высок удельный вес африканского и азиатского (по происхождению) компонентов.

К сожалению, имеющийся материал заставляет констатировать, что конец прошлого – начало нынешнего тысячелетия ознаменовались, в подавляющем большинстве случаев, резким осложнением в сфере культурной политики в отношении индейских народов в странах Южной Америки. И это напрямую связано, прежде всего, с экстрактивистской моделью экономики, делающей ставку на добычу и экспорт природных ресурсов, принятой практически всеми странами континента. Согласно этой модели, хотя уже не раз доказывавшей свою неэффективность в прошлом, именно усиленная разработка природных ресурсов является залогом экономического процветания, борьбы с бедностью и т.д. Соответственно возрос интерес к индейским территориям, эксплуатация или даже экспроприация которых рассматривается определенными кругами как залог успешного экономического развития конкретных стран. Исключения редки (Боливия, хотя и с большими оговорками) и лишь подтверждают правило. Ситуация в общем-то понятная – развивать сырьевую экономику в условиях недостатка средств проще, чем высокотехнологичную, легче привлекать инвестиции. Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что для стран континента характерна крайняя социальная поляризация населения, а в обстановке, когда миллионы людей живут в бедности и за чертой бедности, это обуславливает и высокий уровень криминогенности. Маргинальные же группы населения так же, как, например, транснациональные корпорации и местная буржуазия, считают индейские земли всего лишь возможным источником дохода. Результат – высокие уровни конфликтности, преступности, криминализация общества в целом (при этом СМИ усиленно проводят идею о криминализации именно индейских протестных ак-

ций). Конституционные гарантии и международные соглашения в защиту прав коренных народов также не всегда работают в нужном направлении, тем более, что маргиналы и олигархия с законами часто просто не считаются. Сюда можно добавить нередко несовершенное законодательство, в том числе и международное, на которое те же индейские народы часто возлагают больше надежд, нежели на национальные юридические инстанции. Национальных законодательств мы коснемся ниже, при рассмотрении положения в конкретных странах, а пока остановимся кратко только на проблеме двух упомянутых выше основополагающих документов ООН – Конвенции и Декларации.

Сам факт признания ими за коренными народами после веков колониализма равных прав, в том числе и культурных, с другими народами переоценить трудно. Среди них права на землю, на автономию, на предварительные консультации по всем затрагивающих их вопросам, отказ от политики ассимиляции и т.д. Однако мнение многих юристов и социологов сводится к тому, что эти документы в своем нынешнем виде недостаточно учитывают всю сложность проблемы¹¹. Например, они признают древность индейских культур, но в них не идет и речи о хотя бы гипотетической возможности создания индейцами своих государств (т.е. самоопределения вплоть до отделения). Им предлагается только автономия в составе уже существующих государств. Хотя, кстати говоря, сами индейцы обычно такого вопроса (об отделении) и не ставят, понимая малую возможность его реализации. Конвенция, кроме того, не признает автономию индейцев в применении своего собственного права. Она также изобилует оговорками типа: «если не противоречит закону», «если не противоречит конституции», «если не противоречит международному праву», «если не противоречит правам человека» и т.п., т.е. в ней официально признается, что правом можно воспользоваться

только при соблюдении определенных условий. И индейские лидеры начинают выражать недовольство тем, что документы ООН сформулировали права человека, исходя опять-таки из норм европейского индивидуалистического мышления. Но индейцы не принимали (или почти не принимали) участия ни в их выработке, ни в разработке положений конституций и законов тех стран, где они живут. Вот почему, как ни парадоксально это звучит, борьба ООН и других организаций за соблюдение прав человека оказывается малоэффективной, ибо не индейцы эти права и правила устанавливали, они им навязываются «сверху», без реального учета специфики аборигенных культур. В итоге получается, что согласно некоторым конституциям (например, Колумбии, Боливии, Перу, Венесуэлы), по крайней мере, на уровне официальном, у индейцев даже больше прав, чем определено документами ООН¹², которые носят, в сущности, чисто декларативный характер.

Как видно, даже в международном праве пока еще не учитывается индейская специфика. И соответственно, в подспудной форме продолжая разделять человечество на «людей обычая» и «людей разума», оно не готово в адекватном объеме выработать и гарантировать индейцам в полной мере их культурные и другие права. А национальным правительствам требуется много сил и желания, если они действительно стремятся решать индейские проблемы, накопившиеся за 500 лет. Хотя бы потому, что магистральным курсом в минувшие века было стремление к принудительной ассимиляции или даже ликвидации коренного населения (как, например, в Аргентине при покорении Патагонии в 1880-х годах, запрет на использование термина «индеец» в Перу в период правления Хуана Веласко Альвардо; вытеснение индейцев в города вследствие захвата общинных земель, как это практиковалось в Чили, при дикта-

туре Пиночета и до нее. Но обо всем этом будет подробно сказано в книге.

Автор выражает глубокую благодарность руководству Института за предложение подготовить работу, которую он теперь и представляет на суд читателей, а также своим коллегам, материалами которых он воспользовался при написании данной книги и которые помогали ему советами в процессе труда над ней.

АНДСКИЕ СТРАНЫ

Перу

В Перу, по традиционным представлениям – одной из самых «индейских» стран континента, – сегодня индейцы по разным оценкам составляют 13-40% (примечателен уже сам по себе разброс в этих самых оценках) от общего количества населения страны, включают 72 «народа»: 7 в Андах и 65 в Амазонии. Но при этом все они официально не признаны, ибо перуанское законодательство рассматривает индейцев не как народы, а как общины¹³. Специальная перепись 2007 г. зафиксировала только в Амазонии 1786 индейских общин, собрав при этом данные лишь по 51 народу из 65. Последнее объяснили тем, что часть амазонских жителей уже, как считается, не образуют общин, будучи поглощены другими народами, а о других ничего не удалось выяснить, так как они живут в изоляции и доступ к ним затруднен. Всего численность индейского населения перуанской Амазонии была тогда определена в 333 тысячи человек. Другие народы оценивали, прежде всего, по языковым данным, поскольку они, в отличие от амазонских коренных жителей, не приемлют названия «индеец». Говорящих на крупнейшем америндейском языке, кечуа, было зафиксировано 3 млн 360 тыс. 331 человек, на аймара – 443 тыс. 248 человек, что не может не вызывать опасений в плане сохранения автохтонных языков и культур, так как другие данные, чуть более ранние, показывали гораздо большую численность говорящих на америндейских языках, а на индейское население страны в целом приходилось, согласно информации на конец прошлого века, 47% от общего числа жителей¹⁴.

В 1994 г., при президенте А. Фухимори, Перу ратифицировало известную Конвенцию № 169 Международной организации труда (МОТ) о правах коренных народов. Однако, как показали дальнейшие события, на деле все осталось на уровне декларации. Так, например, Перу было провозглашено в конституции 1993 г. поликультурным государством, в котором уважаются языки и традиции коренного населения и декларировано двуязычное образование. Его значение в столь многонациональной стране переоценить трудно.

Это образование в правление А. Фухимори (1990-2000 гг.), однако, практически отсутствовало, хотя в 1996 г., под нажимом международной общественности был воссоздан Центр двуязычного межкультурного образования при Министерстве образования, за годы до того упраздненный. Это стало результатом обследования состояния образования в Перу в конце прошлого века представителями Всемирного банка, программы развития ООН, организации технического сотрудничества ФРГ и перуанского министерства образования, участники тогда оценили его как плачевное. Сегодня действует Ассоциация учителей двуязычного образования. Обследования ее работы, однако, показали, что основным занятием преподавателей в соответствующих школах стал перевод учебных текстов с испанского на индейские языки. Введенное в таком виде после Фухимори, двуязычное образование, в соответствии с новым законом об образовании 2003 г., предписывает изучение двух языков (родного и испанского как второго) и гарантирует участие представителей индейских общин в выработке школьных программ. К сожалению, эти установки пока не приносят особых результатов. И вот почему. Основной расчет делается на то, что, закончив начальную школу, ученик в средней будет учиться уже на испанском. Добавим, что ни школ, ни учителей соответствующей подготовки в Перу абсолютно недостаточно. Изучение состояния дел специалистами в об-

ласти двуязычного образования показало, например, что учителя создавали свои переводные тексты, исходя из дискурсивной логики испанского, а не индейских языков. В итоге ученики покидают начальную школу, не умея правильно ни читать, ни писать ни на одном из двух изучавшихся ими языков. Но даже при том, что все ограничено образованием в основном начальным (среднее и высшее могут при такой подготовке получить единицы, а если и получают, то благодаря специальным программам отдельных университетов и благотворительным фондам), в 2007 г., например, реально таким двуязычным образованием в индейских районах было охвачено лишь 10% учеников¹⁵. Кроме того, в той форме, в какой оно реализуется (без всякой связи с индейским миром, с ориентацией на метисные городские стандарты и т.п.), крестьяне часто и смысла в нем не видят: в общине им грамотность ни к чему, за ее пределами их язык не функционирует, поскольку отношение к нему среди неиндейцев отрицательное. К тому же важно подчеркнуть, что родной язык остается маргинальным в глазах населения уже хотя бы потому, что двуязычное образование предназначено только для индейцев, но не наоборот. К тому же эти школы также не рассчитаны на тот случай, когда индейцы утратили свой язык, а затем, в процессе культурного возрождения, имеющего место по всему континенту, захотели его восстановить.

Таким образом, на сегодня двуязычное образование в Перу остается бессистемным, страдающим острым недостатком профессиональных кадров и его постулаты – это скорее лишь выражение добрых намерений¹⁶. Недостаток учебных материалов нередко приводит к тому, что образование, даже там, где оно сейчас действительно двуязычное, ведется учителями, с учетом конкретной обстановки и часто по-своему: например, в департаменте Куско, бывает, препода-

дают не кусканский, а аякучанский, соседний с ним географически «диалект» кечуа.

Кечуа, даже будучи официально признанным конституцией как со-государственный язык в местах его широкого распространения, остается маргинальным: в 2006 г. речи двух членов конгресса на нем вызвали бурю протестов депутатов на том основании, что в конгрессе-де положено говорить только по-испански. Кусканская Академия языка кечуа признает «настоящим» только кусканский диалект, который не понимает большинство населения других департаментов, так как он еще до конкисты подвергся сильному влиянию аймарского языка (лексическому, в первую очередь) и проводит политику пуризма, например, на радио (ей следуют также и миссионерские радиостанции) и на праздниках в Куско, так что окрестные крестьяне, на них присутствующие, часто вообще не понимают, что действие идет на кечуа. Таким образом, остается насущной задачей унификация языка, выработка единой литературной нормы (или, что более вероятно в данном случае, нескольких), но дело не движется (в кечуа, если брать всю территорию его распространения, от юга Колумбии до севера Аргентины, в целом выделяется до 46 условно говоря «диалектов», различие между ними нередко больше, чем между, например, языками романской группы), а сами перуанцы считают, что для того, чтобы изучать «настоящий» кечуа, надо ехать во Францию, Германию, Италию...¹⁷ И при этом, в результате активной деятельности прежних правительств по вытеснению кечуа испанским, сегодня в школах района того же Куско ученики не хотят учить родной язык вообще, к большому огорчению своих родителей¹⁸. С другой стороны, в том же департаменте Куско, где 64% населения по статистике кечуаязычны, не выходит ни одной газеты или журнала на кечуа, лишь одна частная школа в городе данный язык преподает, а в местном университете есть только два курса

кечуа для медиков и педагогов. И сегодня перуанские ученые поднимают вопрос: сможет ли язык кечуа вообще выжить в Перу, если политика в отношении его не изменится? Надежды на это, однако, пока нет¹⁹.

Иногда кое-что делается на местном уровне: так, в департаменте Кахамарка в 2008 г. власти объявили официальными языками на этой территории испанский, кечуа и агуаруна²⁰. В том же году в департаменте Хуниин местными властями единодушно были объявлены официальными, наряду с испанским, языки кечуа, ашанинка, какинте и янеша, с предписанием развивать образование на данных языках на всех уровнях²¹. Это, разумеется, положительный момент для страны, где преподавание коренных языков ведется обычно лишь в начальной школе. Но пока судить о результатах таких шагов, разумеется, рано. Тем более, что они не нашли продолжения в других департаментах. Наибольшего успеха в деле двуязычного образования добилось на сегодняшний день не государство, а различные неправительственные организации, например, Летний лингвистический институт (SIL) – миссионерская организация с резиденцией в Далласе (Техас, США), – подготовивший кадры из общинной элиты (попутно «перекрестив» их из католицизма в протестантизм). Впрочем, деятельность SIL оценивается в Южной Америке по-разному, вплоть до обвинений его в шпионаже. Существуют и другие разрешенные государством миссионерские школы. Интересно, что католические ориентированы сегодня исключительно на испанский язык преподавания (при этом нередко он неродной для самих миссионеров), хотя изначально именно католические миссионеры, по крайней мере, до начала XX в. активно изучали и использовали индейские языки, составляли на них словари и грамматики, религиозную литературу, и эти материалы сегодня используют индейские активисты в борьбе за сохранение аборигенных языков. Протестантские же пасторы

делают ставку именно на двуязычное образование, для чего в их понимании ключевым моментом является обязательный перевод Библии на соответствующий язык. И на многие индейские языки их стараниями она уже переведена, хотя в каждом конкретном случае необходимо учитывать, – насколько точно это сделано.

Очень мало данных в доступной литературе относительно состояния здравоохранения среди индейцев. Но некоторые из уже имеющихся весьма красноречивы. Одним из бедствий для индейского (и соседнего с ним «белого») населения является хроническое детское недоедание. Причем самые высокие его уровни отмечаются в районах активных горнодобывающих работ: Уанкавелика – 46,4%, Кахамарка – 29,9%, Уануко – 28,8%, Апуримак – 31,3%, Аякучо – 28,1% детей. Это можно объяснить только прямым воздействием разработок на экологическую обстановку, так как земли деградируют, вода загрязняется, исчезает рыба, воздух отравляется разного рода выбросами, вплоть до цианида, тем более что разработки часто ведутся открытым способом. И все это районы как раз значительной концентрации коренного населения. Отмечено также, что женская смертность у индейцев превышает средние национальные показатели. В Амазонии к этому добавляется отсутствие медицинских учреждений, оборудования, квалифицированного персонала. По данным на 2007 г. только 40,99% общин Амазонии имели медпункты²². Национальная же политика здравоохранения фактически вообще находится на стадии разработки²³.

Весьма активно продвигаемая последние годы правительством программа по развитию туризма как важной сферы экономики и которая, как считается, ведет к распространению знаний о культурах коренных народов, скорее, приводит к разрушению индейских культур, благодаря внедрению, например, так называемых индейских ремесел в каче-

стве индустриального производства, неумеренному наплыву туристов на территории исторических памятников, активному вторжению их в места обитания амазонских народов, отдельных представителей которых вербуют для обслуживания приезжих. Происходит принудительная фольклоризация культуры на потребу рынка, но это, к сожалению, общемировая тенденция. И такая программа также приносит основной доход отнюдь не индейцам, а туристическим, транспортным, гостиничным и другим компаниям.

В то же время приходится констатировать, что там, где охрана древнего культурного наследия страны находится в руках властей, а не местных активистов, как у народа мучик на северном побережье, дело обстоит катастрофически плохо, поскольку законы об охране памятников существуют, но нет эффективных средств для их выполнения. Это дает простор не только для деятельности «уакерос», т.е., проще говоря, грабителей могил. Например, можно указать два недавних случая, связанных со всемирно известным заповедником в пустыне Наска, с ее уникальными геоглифами (рисунками и фигурами на земле). Власти не смогли предотвратить вандализм деятелей из «природоохранной» организации GREEN PEACE, разместивших свой лозунг прямо на одном из петроглифов и тем самым непоправимо испортивших его. Но эти же местные власти также сумели два года «не замечать» функционирования в той же пустыне Наска нелегальной шахты по добыче минералов. И это – при наличии патрулирования территории с воздуха. Оправдывают же подобного рода «промахи» всегда одинаково – нет достаточного финансирования²⁴.

Результаты культурной политики предшествующих лет таковы. Если говорить о степени сохранения этнической идентичности коренного населения, то в Перу многие кечуа, особенно молодежь, достаточно активно стремятся перестать ими быть, хотят побыстрее стать «гражданами», т.е.

отказываются от традиционной самоидентификации²⁵. Особенно на этот процесс влияет миграция населения в Лиму и другие крупные города, пусть даже так называемая «маятниковая», а также неизжитые, по сути, расистские, взгляды на индейцев как на лентяев. Как следствие идет активный процесс деэтнизации кечуа, включая отказ от родного языка. Аймара пока свою этническую идентичность сохраняют лучше, во многом в результате влияния соплеменников из соседней Боливии и компактному расселению в департаменте Пуно, тогда как кечуанское население разбросано отдельными «островами» по всей стране. Более стойко держатся также амазонские группы, включая и перешедшие в свое время на кечуа под влиянием миссионеров в колониальный период (северные области близ границы с Эквадором). В отличие от других коренных народов они приняли термин «индеец» как именно самоидентификацию и двуязычное образование у них более распространено благодаря помощи со стороны разного рода негосударственных структур (местные индейские организации – AIDSESEP – Ассоциация по развитию перуанской сельвы и ее подразделения – неправительственные организации, миссионеры и др.).

С другой стороны, и в условиях современного Перу имеют место случаи так называемой рээтнизации или, если иначе, рекультуризации, т.е. обратные процессы, восстановления или возрождения прежней этнической принадлежности и культуры. Самый яркий пример такого рода, имеющий к тому же чисто культурный аспект (о других случаях надо говорить особо) отрадный как в смысле его направленности, так и уже достигнутых результатов, является продолжающийся рост стремления к утверждению собственной идентичности народа мучик северного побережья Перу, принявшего древнее название своих предков в качестве этнонима. Говорить о роли государства в этих событиях не приходится, это в чистом виде инициатива местных

энтузиастов и специалистов-археологов, в том числе американских, но власти процессу и не препятствуют, поскольку происходящее выгодно им, хотя бы с точки зрения развития туристской индустрии. Все держится на энтузиазме местной интеллигенции, усилиями которой, после открытия всемирно знаменитого теперь захоронения тысячелетней давности мочикского правителя на городище Сипан перуанским археологом В. Альвой и его коллегами, не только был создан музей, собравший эти находки в г. Ламбайеке. Археология здесь непосредственно повлияла на местное национальное самосознание. В итоге в г. Чиклайо был основан университет «Правитель Сипана». Примечательная сторона его деятельности в том, что им были организованы масштабные исследования и работы, направленные на восстановление и распространение среди местных жителей традиционных для района ремесел и технологий, а также, что особенно интересно, на возрождение исчезнувшего в XX в. языка мучик, на основе сохранившихся лингвистических материалов. И уже появились люди, способные на нем как-то изъясняться. В случае удачи, этот факт в условиях Перу трудно переоценить, поскольку пока он единственный в своем роде. Примеры удачных предприятий такого типа в мире хорошо известны (иврит, например). Изучение языка студентами проводится в том же университете²⁶. Организовали местные жители и охрану археологических объектов, причем своими силами.

Другие же случаи реэтнизации в Перу обязаны своим появлением не столько культурным процессам, сколько и в гораздо большей степени порождены самой острой проблемой, напрямую связанной с вопросами выживания индейских культур, т.е. земельной. И в создавшейся вокруг нее ситуации именно властные структуры страны сыграли, к сожалению, определяющую роль. Разумеется, можно было бы все объяснить мировым экономическим кризисом. Но

ориентация страны на сырьевую модель экономики родилась отнюдь не вчера, и не является следствием кризиса, который лишь обострил ситуацию. В итоге борьба коренных народов за землю приняла невиданный прежде размах, вызвала эскалацию насилия (конфликт в Багуа в 2009 г., когда в столкновениях с полицией погибли, по официальным данным, десятки человек, и, если внутренняя обстановка в стране не изменится, он может оказаться не последним). Дело в том, что никакие конституционные гарантии на сегодняшний день не защищают индейские общины от натиска на их территории как собственно перуанских, так и международных корпораций, и просто браконьеров и нелегальных старателей, стремящихся получить доступ к местам добычи наиболее востребованных сегодня на рынке древесины, руд, газа, нефти и другого сырья. Надо учитывать, что именно сырьевые товары абсолютно доминируют в перуанском экспорте²⁷, и их требуется все больше. К тому же правительство в финансовом отношении зависит от международных кредиторов (тех же ТНК). И в такой ситуации оно более всего опасается, что протестные движения могут помешать развитию сложившегося в стране экономического климата, проще говоря – отпугнут инвесторов. Ориентация же именно на экстрактивную экономику для индейских общин означает как реальную угрозу потери земель, так и ухудшение экологической обстановки, рост пауперизации и заболеваемости населения и даже просто ставит на повестку дня проблему физического выживания индейских групп в районах традиционного охотничье-собирательского хозяйства, где исчезает дичь, рыба, загрязняются реки и почвы.

В ответ на рост крестьянского движения правительство и государственные структуры в целом стали все более ориентироваться, особенно в период правления Алана Гарсии (2006-2011гг.) и сменившего его Ольянты Умалы, не на диалог, а на силовые методы и полное игнорирование каких

бы то ни было прав индейцев. Тем более, что еще со времен Фухимори утвердилось мнение о недопустимости участия индейцев в политике, и индейские общины могли принимать участие, например, в президентство А. Гарсии, только в программах по проблемам развития традиционной культуры (встреча в Лиме в 2007 г. по вопросам сохранения мирового культурного наследия с участием индейских активистов, например), однако все это – на фоне продолжающегося несоблюдения гражданских свобод, насилия со стороны полиции и т.п.²⁸.

К концу правления кабинета А. Гарсии (2011 г.), эксперты охарактеризовали положение в Перу следующим образом. Длительный отказ признавать крестьянские общины сообществами коренного населения со стороны правительства позволил «снять» необходимость консультироваться с общинниками по вопросам, их непосредственно затрагивающим (как то записано в международном праве и в подписанных Перу документах). В частности, по горным разработкам. В 2011 г. закон о предварительных консультациях под давлением протестов индейцев все же вступил в силу, но это не значило, что он стал строго соблюдаться, а до того многое уже успело произойти. В 2010 г., вследствие прорыва дамбы на шахте по добыче свинца, меди, серебра и цинка в провинции Уанкавелика, в реки попало 25000 м³ токсичных отходов. На протесты крестьян и требования закрыть шахту власти отреагировали следующим образом: компания CAUDALOSA, виновник экологической катастрофы в результате организованного судебного разбирательства быстро получила благоприятное для нее решение суда и возобновила добычу.

В перуанской Амазонии, например, сегодня 70% территории фактически сдано в концессии по добыче разных видов сырья, что угрожает, прежде всего, биоразнообразию этих территорий, т.е. самим основам культуры местного на-

селения, основанной на использовании в первую очередь лесных ресурсов. Новый виток нефтегазового бума здесь только еще начинался, но его воздействие уже стало очевидным: осенью 2010 г. государственная компания PERUPETRO предложила еще 25 концессий в долинах рек Мараньон, Укаяли и др. Между тем, за период 2006-2010 гг. лишь одна аргентинская компания PLUSPETROL 80 раз аварийно сбрасывала нефть в реки, только в последнем случае, в 2010 г., отравив р. Мараньон на протяжении 100 км. Протесты, требования компенсации за отравленную воду ни к чему не привели, поскольку сама же PLUSPETROL и оценивала ущерб. Разумеется, масштаб загрязнения был ею сильно приуменьшен.

Еще большую угрозу для индейских народов перуанской Амазонии в смысле не только культуры, а просто физического выживания, являет собой проект постройки серии гидроэлектростанций для поставок электроэнергии в Бразилию, согласно договору между двумя странами, подписанному летом 2010 году. В случае его реализации, населению будут угрожать наводнения, уничтожение тропического леса (сведение лесов в Перу давно уже является серьезной проблемой, как и в других странах, о которых речь ниже)*, изменение климата, минимум 3 тыс. человек придется переселить, т.е. реально разрушить их образ жизни.

Необходимо отметить, что сменившее кабинет А. Гарсии правительство О. Умалы продолжило во всех отношениях политику своего предшественника, и к тому же новый президент, предварительно «пройдя обучение» у бразильских политтехнологов, особо подчеркнул, что будет следовать

* В дальнейшем для краткости в тексте употребляются устоявшиеся в западной науке термины: «дефорестация» (сведение, уничтожение лесов, обезлесивание) и «рефорестация» (восстановление лесов, лесопосадки).

бразильской модели развития. Надо полагать, это относится и вопросам, касающимся индейцев и их культуры, с чем и в Бразилии дело обстоит, как будет сказано далее, далеко не благополучно²⁹.

На сегодня особая напряженность характерна как раз для тех районов Перу, где сосредоточено наибольшее количество концессий на добычу минерального сырья и углеводородов. Они предоставляются теперь без всякого предварительного информирования и консультаций, и даже без предварительной оценки земель, что является нарушением как конституции, так и подписанной Перу Конвенции МОТ № 169 о правах коренных народов. При этом не считается нужным информировать не только общины, которые это затрагивает, но даже и местные власти; в концессии сегодня сдано 21% всей территории Перу, а это 48,6% земель индейских и крестьянских общин. Ведется активная скупка земель под любыми предлогами, тогда как выдача общинам документов на землю практически заморожена. Начались перестановки в органах, связанных с индейскими делами. Хотя ведущие индейские организации страны, такие как Межэтническая ассоциация по развитию перуанской сельвы, AIDECER, Конфедерация общин, пострадавших от деятельности горнорудных компаний, CONACAMI – мы называем только крупнейшие, организаций же, индейских и крестьянских в стране много, может быть, даже слишком много, – предлагали и просили создать министерство по делам индейских и коренных народов как высший орган исполнительной власти. Правительство же, не желая акцентировать внимание на индейском вопросе, ограничилось упразднением Национального института развития андских, амазонских и афроперуанского народов, передачей его функций другим ведомствам (министерство культуры и др.) и кадровыми перестановками в последних.

Такая политика, разумеется, не могла не вызывать роста конфликтности в обществе. Фактически, к тому же, уже в 2013 г. перестал действовать закон 2011 г. о предварительных консультациях. Президент О. Умала решил, что закон этот распространяется только на общины Амазонии, и то не на все, а лишь на группы, находящиеся в состоянии добровольной изоляции, проявив полное незнание их реальной ситуации. А прочим в предварительных консультациях вообще отказал, заявив, что закон этот-де только для индейцев, а общины Сьерры и Косты никакими индейцами, т.е. коренными народами, не являются³⁰.

Пока получается, что правительство по-прежнему не готово к диалогу с собственным населением. И результаты следуют. С обеих сторон. В 2013 г. Министерство окружающей среды объявило чрезвычайное положение в долинах рек Постаса, Тигре и Коррьентес. Причиной стали последствия для района 40-летней активной нефтедобычи и волна протестов против таковой местных организаций. Президент же, как и его предшественник, представляет в своих заявлениях и в СМИ индейских лидеров и правозащитников преступными элементами, противниками развития («собаки на сене», по выражению А. Гарсии). Применение огнестрельного оружия при подавлении протестов, к сожалению, является нормой, как и множасьщиеся судебные иски и процессы против правозащитников и понесших ущерб от деятельности правительства общин.

При этом следует отметить, что никаких положительных сдвигов ни в сфере образования, ни здравоохранения коренных народов во время президентства О. Умалы отмечено не было³¹.

Если же говорить о вышеупомянутых процессах реэтнизации, то они напрямую связаны с происходящим в стране, а именно с борьбой за землю и за ресурсы, поскольку для того, чтобы иметь право на землю, нужно быть именно ин-

дейской общиной. Показательно в этом смысле, что конфедерация общин CONACAMI, начинавшая в 1999 г. как крестьянская организация, уже в 2006-м была провозглашена организацией коренного населения и вошла в состав Координационного андского центра индейских организаций. Она получила тем самым возможность использовать не только внутренние, но и международные политические рычаги в развертываемом ею этноэкологическом движении за землю, воду и воздух. Дело в том, что по перуанской конституции общины приписаны к занимаемой ими территории, но недра, воды и воздух являются собственностью государства, что и позволяет ему, в глазах правительства, эксплуатировать их по своему усмотрению, а в глазах индейцев, исходящих из своей философии матери-земли, нет. Тем более что, согласно международному праву, с ними должны проводиться те самые предварительные консультации (которых нет), и только в случае согласия общин, разработки можно проводить. Но, учитывая, кого понимал под индейцами предыдущий президент, добиться этого права сейчас, видимо, нереально, если новый глава государства не изменит подход к проблеме. А пока выхода из этого противостояния мировоззрений не наблюдается, не видно даже его возможности. Но активная борьба населения не только против горнодобывающей экономики и ее последствий для окружающей среды и соответственно здоровья населения, но и за признание коренных жителей не общинами, как записано в конституции, а народами, – все это стало результатом именно проводимой в течение ряда лет правительством политики. Примечательно, что из предложений по конституционной реформе в положениях, касающихся индейцев, выдвинутых еще в середине прошлого десятилетия (признания культурных прав, автономии, свободного самоопределения, участия в политике, прав на территории и ресурсы, индей-

ской юрисдикции и права официально считаться народами) до настоящего времени не реализовано, ни одного³².

Таким образом, вряд ли можно сегодня говорить о какой-либо продуманной и направленной на действительное сохранение и развитие индейских культур государственной политике в Перу. Есть конституция и есть соответствующие законы, но в условиях внутренней напряженности они не работают, поскольку нет стремления выполнять хотя бы то, что имеется. И неясно, сколь долго такая ситуация будет сохраняться. Пока правительство придерживается старого, еще колониального лозунга: «Инки – да, индейцы – нет». И пропагандирует древнее наследие, не обращая внимания на существующие сегодня индейские народы. Очевидно, что до тех пор, пока будет сохраняться нежелание или неспособность правительственных кругов вести диалог с коренным населением, будут сохраняться и причины конфликтности между властями и коренными народами.

Завершая данную главу, хотелось бы специально остановиться на проблеме сохранения культур и самих этносов, и их носителей, причисляемых к так называемым группам, находящимся в состоянии добровольной изоляции (тех единственных, кого президент О. Умала признает индейцами) или в состоянии начала контактирования с внешним миром. Такие дефиниции присутствуют, например, в Законе №28736, принятом в Перу в 2006 году. Оба определения, однако, чисто условные, неточные (они носят описательный характер) и могут вводить в заблуждение. Где, собственно, четкое различие между самоизоляцией и «начальным контактом»? Достаточно легко, в принципе, доказать, что настоящих полностью изолированных групп в Амазонии нет и никогда не было³³. Деятели индейской организации AIDESEP предпочитают именовать такие группы «автономными»³⁴. Однако, указанные термины распространились, в том числе и в науке, достаточно широко, и в задачу автора не

входит искать им замену. Далее поэтому, исключительно для краткости, указанные общества именуются изолированными группами или изолятами. Проблема создания условий даже для их простого выживания в современных условиях – не исключительно перуанская. Общества-изоляция есть и в Бразилии (где их больше всего), Эквадоре, Боливии и Парагвае, а сравнительно недавно вошедшие в контакт, но не склонные, интегрироваться, ограничиваясь минимумом связей с внешним миром (т.е., условно опять-таки говоря квази-изоляция), имеются также в Колумбии и Венесуэле.

Сегодня уже достаточно очевидно, что изолированные группы это, во всяком случае, никоим образом не остатки неких первобытных племен, чудом уцелевшие, и именно группы, ушедшие в то, что именуют добровольной изоляцией в результате слишком близкого знакомства с «цивилизованным» обществом. Это происходило в разное время, может происходить и сейчас – в результате натиска на индейские земли так называемых «носителей культуры» (нефтяников, лесорубов – легальных и нелегальных, разного рода старателей, миссионеров и туристов и другого), а также сопровождающих их появление эпидемий. Например, для Перу точно и давно известны случаи ухода в изоляцию под воздействием «каучукового бума» начала прошлого века, от миссионеров в 1970-х гг., и от лесорубов и нефтеразведчиков в 1980-1990-х. А на окраине департамента Куско, например, группы индейцев мачигенга и ашанинка были согнаны со своих земель колонистами-кечуа, нахлынувшими туда после неудавшейся земельной реформы правительства Хуана Веласко Альварадо в прошлом веке. Сейчас там выращивают коку, а уцелевшие 15 общин коренных жителей совершенно разорены пришельцами, утратили свою культуру и страдают от хронического недоедания. И подвергаются постоянной дискриминации со стороны кечуа и метисов. Они загнаны во внутренние районы, занимаются охотой и

лишены даже доступа к рекам³⁵. Есть ли среди них самоизолировавшиеся группы – неизвестно, но вполне вероятно.

Вообще, по крайней мере, как правило, в изоляцию обычно уходил не весь народ, уже, находившийся «в контакте», а отдельные его представители. Для них это была лишь стратегия выживания. Но сегодня их существованию угрожает как деятельность государства и его агентов, так и невнимание тех же государственных властей к их нуждам. И правам тоже³⁶. Это и все тот же земельный вопрос (с земли смогут согнать в любой момент), и невозможность заниматься традиционным хозяйством в местах активной колонизации или горных разработок, строительства и т.п., и плохое медицинское обслуживание, и криминогенная обстановка... Некоторые группы потому и решили уйти в лес, подальше от «благ цивилизации». На это никто из «верхов» тогда и внимания не обратил.

В результате, например, никто, собственно, не знает, сколько в Перу таких изолированных групп: точно, что более 10, если считать по народам, к которым они официально принадлежат. Правительство вообще долго отказывалось признавать их существование, пока под влиянием неопровержимых доказательств, представленных индейскими и правозащитными организациями, не было вынуждено принять тот самый закон № 28736 о защите индейцев, находящихся в состоянии изоляции. Согласно этому закону, для изолированных групп должны быть созданы специальные резерваты, на территории которых любая деятельность, кроме традиционной для этих групп, запрещена, как и эксплуатация природных ресурсов, кроме тех, которые не оказывают разрушительного воздействия на права этих групп. Но есть оговорка: если эта эксплуатация имеет важное государственное значение, она должна проводиться в соответствии с законом³⁷. К чему это приводит – будет показано ниже.

Изолированные группы по целому ряду позиций наиболее уязвимы по сравнению даже с остальным индейским населением. Прежде всего, в иммунологической сфере. Они живут в удаленных районах, обычно ведут подвижный образ жизни, занимаясь охотой, собирательством, рыболовством. Даже имеющиеся там кое-где медпункты недостаточны по количеству, как и численность их персонала, к тому же низко квалифицированного. В условиях постоянно угрожающих изолятам принудительных контактов с окружением (геологи, туристы и другие проникающие на их территории) эпидемии становятся просто неотвратимым явлением, как и рост конфликтности. А группы эти крайне невелики по численности, которая в таких условиях падает иногда стремительно. Свободное предоставление государством концессий на территориях их обитания, проникновение туда тысяч одних только нелегальных лесорубов, не останавливающихся перед насилием вплоть до убийств, делает невозможным традиционный образ жизни вследствие падения биоразнообразия и недостатка земель, с которых их просто сгоняют даже тогда, когда земли вроде бы признаны законом как индейские. Результат – хроническое недоедание, что опять-таки ослабляет их перед воздействием занесенных извне болезней. Впрочем, у государства, с его собственностью на недра, согласно конституции, есть упомянутая выше оговорка в законе (см. ст. 28), и в целях эксплуатации крупных месторождений углеводородов оно продолжает раздавать контракты на нефте- и газодобычу именно на этих землях³⁸.

Почему возможна именно такая ситуация, если существует закон о защите этих изолированных групп? Дело в том, что форма, в которой этот закон составлен, со стороны выглядит даже неплохо. Но только на первый взгляд. И оговорка насчет эксплуатации ресурсов – еще далеко не все.

Так, индейский резерват создается государством «в пользу» определенного изолята. Но надо отметить, что права на владение землей обитатели резервата не имеют. Для создания резервата нужно также учесть мнение местных органов власти, которые и стали главной угрозой существованию таких территорий, вследствие противоположности между экономическими интересами властей и фундаментальными правами индейцев, определенными конституцией. Например, размер резервата устанавливается произвольно, а не исходя из конкретных потребностей изолятов. При создании резерватов в организационную комиссию представители индейских организаций не входили. Еще есть такое положение: собственность на землю обитающему на ней населению гарантируется только при переходе на оседлость (а большинство изолятов – кочующие группы, даже специально подчас отказывавшиеся от земледелия, чтобы сохранить большую свободу уклонения от нежелательных контактов и безопасность). В итоге добыча углеводородов и других важных ресурсов (или рубка леса) рано или поздно в любом случае вынудят обитателей резервата пойти на принудительный контакт, что неминуемо обернется эпидемиями и/или насилием. Или же эти группы будут вынуждены уходить неизвестно куда. Так, уже зафиксированы случаи появления изолированных групп вблизи ряда поселений и даже случаи их бегства в Бразилию, где это привело к увеличению количества стычек с местными индейцами приграничья. Но ведь охрана групп, избравших состояние изоляции (а они имеют на это законное право), предусматривает, прежде всего, недопущение на их территорию любых посторонних. Однако, организовать это у властей явно нет ни сил, ни средств. В СМИ утверждают, что дело еще и в коррумпированности чиновников... И нелегальные добытчики свободно проникают даже, например, в национальные парки, которые частично перекрывают отдельные резерва-

ты. Мест, куда не вторгаются нелегальные лесорубы в Перу, судя по всему, просто не осталось. Впрочем, ничто ведь не охраняется. А добытое дерево потом спокойно, уже открыто, вывозят, на глазах у полиции. Кроме порубок леса, без всякого разрешения ведутся разведки на нефть и газ. Сюда можно добавить еще наркотрафик. Если в 2012 г. в зоне расселения изолятов было зафиксировано 20 засекреченных взлетно-посадочных полос, то в 2013 г. – уже 44³⁹.

Получается, что закон в пользу самоизолирующихся индейцев, существует. А с другой стороны, он не дает никаких гарантий их выживания, более того, фактически разрешает или не может воспрепятствовать действиям, прямо этому самому выживанию угрожающие.

Всего к 2007 г. в перуанской Амазонии было создано 5 резерватов, да и они – благодаря активной деятельности в пользу этих решений индейских организаций, прежде всего AIDSESP⁴⁰. Еще 5 предложено создать на севере, близ экваторской границы, но это предложение до сих пор всячески блокируется нефтяными компаниями (PERUPETRO, PERENCO) и даже Индейским институтом (INDEPA), несмотря на четкие доказательства, предъявленные AIDSESP и некоторыми антропологами (не считая тех, что проводили исследования по прямому заданию со стороны нефтяных магнатов, поэтому их информации автор не считает возможным доверять, так как она утверждает именно отсутствие этих самых доказательств) наличия на тех территориях изолированных групп⁴¹.

Смогут ли изолированные индейские группы перуанской Амазонии при таком отношении к ним властей уцелеть и сохранить ту традиционную, культуру, носителями которой они являются? При современном положении дел – крайне сомнительно. Во всяком случае, без активнейшей поддержки извне. Правда, в контакт с перуанскими правозащитниками индейцев вступили, с целью организовать совместные

действия, сотрудники бразильского Национального индейского фонда (FUNAI), возглавляемые известным своей деятельностью на этом поприще Сиднеем Посуэло, работающие на границе с Перу; в трех резерватах из пяти пока удалось добиться отмены контрактов на нефте- и газоразработки. Но где гарантия, что это надолго? Ведь индейские резерваты стали появляться не случайно – еще до выхода закона в 2006 году. Его регламент, принятый в 2007 г., предписывал привести существовавшие тогда так называемые территориальные резерваты в соответствие с резерватами индейскими. Именно потому, что последние позволяют меньшую степень защиты и разрешают добывающую деятельность на их территории. Так что все было явно продумано заранее. И сейчас дано добро на разработку уже печально известной вызванными ею экологическими катастрофами аргентинской компанией PLUSPETROL очередного газового месторождения. 75% его мощностей занимают 23% общей площади резервата Кугапакори Науа Нанти в регионе Мадре-де-Диос. Индейские организации, а также правозащитники сразу заявили, что это грозит истреблением обитающим там изолированным группам. И далее последовало решение правительства, не требующее комментариев: новый вице-министр по межкультурной политике Патрисия Вальбуэна дала в начале года «добро» на расширение действия изначального проекта добычи газа на территорию резервата, хотя бы и с риском ущемления/нарушения права на жизнь, здоровье и целостность «крайне уязвимых» групп населения, обитающих в резервате⁴².

Боливия

Даже в сравнении с Перу, это, безусловно, самая «индейская» страна Южной (и вообще) Америки, единственная, в которой индейцы составляют, по разным оценкам, более половины населения: согласно переписи 2001 г. – 62%, но, если считать только говорящих на индейских языках – 50% из 8 млн 274 тыс. граждан. В этом, собственно, и состоит уникальность Боливии, поскольку во всех других странах континента индейцы, так или иначе, воспринимаются как не более чем национальные меньшинства, вкрапленные разрозненными островками в территории, занимаемые конкретными национальными обществами. Будучи на сегодня одной из самых бедных стран континента, Боливия, однако, по преимуществу городская страна: более 62% ее жителей обитает в населенных пунктах с численностью более 2000 человек.

Индейское население – это 36 официально признанных народов. Из общей их численности 49,5% приходится на кечуа и 40,6% на аймара, а 7,5% составляют народы Восточной Боливии⁴³. Правда, более свежие данные рисуют совсем иную картину. Так, по переписи 2012 г. всего индейского населения оказалось лишь 41% от общей численности населения страны, составившей 10 млн человек, т.е. кечуа и аймара, вместе взятые, насчитывают, согласно этой переписи, менее 2,5 млн человек, а народы Восточной Боливии – менее 200 тыс. человек. Трудно сказать, с чем это связано, но скорее всего с затруднением ответов населения на сформулированные вопросы. Высказывались, однако, и другие причины: неточность в подсчетах, отсутствие у подсчитывавших ясной цели указать этническую принадлежность, отступление от стандартов опроса, принятых ООН, изменение у населения отношения к этнической идентификации,

результат процесса сплочения боливийской нации. Самого президента страны результат удивил, что и понятно: индейские народы – его основной электорат⁴⁴. Сильнее всего указатели численности снизились как раз среди крупнейших народов страны, казалось бы, более других выигравших от прихода к власти Э. Моралеса – кечуа и аймара. А вот численность большинства индейских народов восточной части страны даже возросла, что связано, очевидно, как с проведенной президентом аграрной реформой, так и с развернувшейся активной борьбой общин за права на автономию.

Активизация культурной политики вообще и в отношении индейских народов, в частности, с самого начала стала заметной составляющей деятельности правительства Э. Моралеса.

Наиболее примечательным фактом можно признать уже саму новую конституцию 2009 г., в которой защита интересов индейских и крестьянских общин была провозглашена государственным приоритетом. Было также официально закреплено двуязычие (использование наряду с испанским еще и языка большинства индейского населения конкретной территории). В общинах декларировано отправление правосудия согласно обычаям и традициям местного населения. В рамках конституции провозглашена свобода вероисповедания, что означает, по крайней мере, в идеале, возможность сохранения духовной культуры коренных народов (шаманские практики, методы социализации и т.д., что важно в условиях уже происшедшей утраты многих культурных элементов, например, – керамического производства у гуарани). Особо нужно отметить тот факт, что было установлено обязательное использование как правительством страны, так и правительствами департаментов, по крайней мере, двух языков, а более мелким автономиям (индейским) предписано пользоваться своими языками наряду с испанским⁴⁵. Идея сама по себе понятна. По числу говорящих на

первом месте оказался кечуа (более 4 млн человек) на втором – испанский, на третьем – аймара, на четвертом – гуарани. Было учтено и то, что, хотя на испанском в целом, так или иначе, говорит $\frac{3}{4}$ населения, но для большинства он не более чем второй язык. При этом правительство Э. Моралеса пошло еще дальше – 37 индейских языков Боливии были объявлены официальными, знание их было вменено в обязанность чиновникам и преподавателям, работающим на конкретных территориях. Это вызвало серьезное сопротивление испаноговорящей части населения и стоило Э. Моралесу падения рейтинга поддержки с 80 до 59%⁴⁶. Надо, однако, учитывать, что такие положения конституции подчас весьма сложно реализовать на практике. На востоке страны, где наиболее сильны позиции испаноговорящей креольско-метисной олигархии, сильна, как было отмечено выше, тенденция вытеснения индейских языков испанским. Кроме того, сегодня только три индейских языка (кечуа, аймара и гуарани) имеют алфавитную письменность на основе латиницы и 11 языков – учебные руководства для чтения и письма. У остальных 20-ти языков нет даже этого. Как в таких условиях можно организовать обязательное изучение родного языка (испанский считается вторым языком обучения), пока неясно. Успеха можно было бы добиться, если быстро подготовить все для этого необходимое, что затруднительно: не хватает ни кадров, ни средств. Необходимо принимать во внимание и еще одно обстоятельство: в отличие от андских языков, восточные гораздо хуже изучены и обеспечены необходимыми для их сохранения учебными и научными материалами, а знание их среди представителей неиндейского населения практически отсутствует. Так что, хотя даже в университетах разрешено предоставление вступительных документов, написание курсовых и дипломных работ на индейских языках, вряд ли кто-то, кроме кечуа и аймара, могут этим всерьез воспользоваться⁴⁷. Например,

крупнейший индейский этнос Восточной Боливии чикитано насчитывает, по разным оценкам, от 47 до 60 тыс. человек, но соответствующим языком сегодня владеет максимум 6000 представителей старшего поколения. Так что, если не произойдет решительных перемен, более чем реальна утрата этим этносом своего языка⁴⁸.

Языковая политика правительства Э. Моралеса безусловно может быть признана новаторской, поскольку Боливия сегодня – единственное государство Латинской Америки, где индейские языки (по крайней мере, крупнейшие – кечуа, аймара и гуарани) фактически оказались уравниены в правах с испанским. От знания индейских языков теперь зависит для госслужащих возможность получить работу, что немаловажно. Однако некоторые языки боливийской Амазонии и Чако уже практически исчезли, поскольку говорят на них единицы.

Еще в начале правления Э. Моралеса заметным событием в культурной политике государства в отношении индейского населения стала кампания по ликвидации неграмотности с помощью преподавателей, направленных Кубой и Венесуэлой. Но понятно, что неграмотность в этих случаях ликвидировалась только в смысле владения испанским языком, так как трудно предположить, что преподаватели, как венесуэльцы, так и кубинцы, хоть как-то владели местными индейскими языками. В стране действует и система двуязычного образования. Причем, если в других странах оно касается лишь индейцев, то в Боливии ситуация, как видим, иная, т.е. не только индейцы учат испанский, но и неиндейцы вынуждены изучать индейские языки.

В данном разделе будем основываться на материалах, прежде всего, Восточной Боливии (по причине большей доступности источников именно об этой части страны). Индейское население здесь является меньшинством, в культурном отношении многоязычно и резко отличается от до-

минирующих в стране численно кечуа и аймара боливийского Альтиплано, культура которых в основных чертах гораздо более гомогенна (традиционные занятия и связанные с ними обычаи). Еще более отличается она от метисного и «белого» населения, сближаясь по этому показателю с индейскими группами соседних Аргентины, Парагвая, а кое-где и Бразилии. Дело в том, что значительная часть индейцев Восточной Боливии относится к группам, говорящим (или еще недавно говорившим) на гуарани, аравакских и других «восточных», т.е. амазонских, языках. Политические же границы разделили зоны обитания, например, гуарани между Боливией, Парагваем и Аргентиной, а территорию, занятую индейцами чикитос, между Боливией и Бразилией.

В ряду рассматриваемых стран Боливия занимает особое место еще и в связи с тем, что правительство Э. Моралеса продвигает программы, нацеленные на сохранение и развитие не только индейских языков, но и культур в самом широком понимании этого слова. Оно активно использует в пропагандистских целях понятные индейцам культурные символы – традиционную одежду, открытое употребление наркотика-коки, который провозглашен в конституции национальным культурным достоянием и фактором, способствующим единению нации (тут, видимо, сказался антиамериканский настрой Моралеса и его окружения), взяло курс на предоставление коренному населению прав автономии. Все это – зачастую (в прямой противоположности с прежними правительствами) даже в ущерб испаноязычной части населения как меньшинства, хотя роль испанского языка остается значимой. Одно из последствий такой политики – в современной Боливии наблюдается всплеск расистских настроений среди испаноговорящего населения. При этом боливийский расист где-нибудь в г. Санта-Крус-де-ла-Сьерра внешне практически не отличается от тех индейцев, на ко-

торых его расизм направлен. Ситуация могла бы показаться странной, если бы не реальные ее проявления⁴⁹.

Начатая в 2006 г. аграрная реформа в результате привела к экспроприации части земель и передаче их индейским общинам⁵⁰. Это не могло не обострить отношения между «востоком и западом» Боливии, поскольку на востоке наиболее сильны позиции скотоводов-латифундистов и владельцев плантаций сои, чьи огромные поместья расположены как раз на отторгнутых в прошлом у индейцев землях. Неудивительно, что уже в 2006 г. 70% населения четырех восточных департаментов высказалось за автономию, чего в итоге им удалось добиться⁵¹. Оппозиционные настроения особенно усилились после того, как по новой конституции 2009 г. были запрещены латифундии, а максимум размера земельного владения был установлен в 5000 гектаров⁵².

Настораживает в этой ситуации тот факт, что реформы в целом, точнее – их реализация, начинают вызывать известное сопротивление даже среди населения горных областей, которое служит опорой Э. Моралеса и его партии «Движение к социализму». Добывающий сектор остался важнейшим по всей стране, сохранил в определенной мере свои позиции и влияние транснациональный капитал и, как следствие, стали приобретать большой размах экологические конфликты. Среди них имеются и старые, до сих пор не урегулированные и прибавляются новые. С 1985 г. не утихает конфликт по поводу загрязнения металлургическими отходами р. Пилькомайо, затронувший общины в департаментах Оруро, Потоси и Кочабамба. Новое правительство страны оставило его без внимания, несмотря на неоднократные обращения к президенту. В той же Кочабамбе другой конфликт – по поводу выкачки подземных вод, отрицательно влияющей на положение в сельском хозяйстве – лишь недавно привел к переговорам властей с крестьянами. Вспыхнул же он еще в 1992 году.

В департаменте Оруро жители одной из общин в 2007 г. потребовали строительства дамбы, чтобы загрязненные отходами воды реки Уамани во время разлива хотя бы не затопляли их поля. А в департаменте Потоси уже в 2010 г. местные крестьяне сожгли дома, принадлежавшие японской горнорудной компании, за невыполнение взятых ею на себя обязательств по благоустройству района, где открытым способом добываются цинк, свинец и серебро. В том же Потоси новый конфликт, сопровождавшийся насилиями – один человек погиб, еще несколько человек, включая полицейских, были похищены, – разразился в 2012 году. На этот раз общинники не сошлись во мнениях относительно того, хорошо или плохо, что правительство национализировало канадскую компанию, разрабатывавшую месторождение иридия, висмута и серебра. Речь шла и о том, кто «за», а кто «против» разработки металлов. Хотя большинство было «за», их оппоненты оказались намного лучше организованными. Сообщений о разрешении этого конфликта найти не удалось, но он показывает, что в Андах, где традиционно сильны позиции Э. Моралеса и его партии, дела во многом обстоят неблагоприятно. По крайней мере отчасти это можно объяснить тем, что, декларируя ориентацию на традиционные индейские ценности, сочетать это с прогрессом в добывающей отрасли не удастся, поскольку модель экономики в стране остается прежней, ибо только так можно добыть необходимые финансовые средства. Разумеется, экономика не меняется за один день, но нет и попыток что-либо предпринять в этом направлении. А это вполне может привести к усложнению ситуации в боливийских Андах. К тому же, пока, так или иначе, продолжается противостояние востока и запада страны. И в этих условиях давние экологические конфликты, а также тот факт, что сегодня двенадцать индейских территорий затронуты добычей углеводородов и

минералов, ставят под сомнение прочность будущих позиций правительства Э. Моралеса⁵³.

Можно также констатировать, что индейское население восточной части страны явно пользуется меньшим вниманием правительства, нежели кечуа и аймара. Хотя по уровню организованности и самосознания оно (как и в Перу) в чем-то даже опережает и тех, и других. Так, на востоке термин «крестьяне» в отношении индейцев стал ими самими заменяться понятием «коренные жители» еще до прихода к власти Э. Моралеса; именно так при переписи 2001 г. себя определили 300 тыс. человек в восточных департаментах. К тому же на востоке у этого населения есть своя сильная, созданная еще в 1982 г., организация – Конфедерация индейских народов Восточной Боливии (CIDOB), существующая наряду с другими, местного значения (как, например, Координационный комитет коренных народов Чикитании). Первоначальное требование у правительства предоставления «земли» уже на 6-м конгрессе CIDOB в 1988 г. сменилось требованием «территории»⁵⁴. В результате, CIDOB и выступила инициатором так называемого седьмого индейского марша летом 2010 г. от г. Тринидад (департамент Бени) до Ассенсьон-де-Гуарайос (департамент Санта-Крус). Он стал первым ярким выражением протеста местных индейцев в отношении действий правительства Э. Моралеса. Одним из его результатов можно считать одобрение Законодательной Ассамблеей страны закона о правах «матери-земли» в декабре того же года⁵⁵. Занявшись улаживанием дел с восточными департаментами, требующими широчайшей автономии, правительство недостаточно внимания уделило тому факту, что в этих же департаментах требует внутренней автономии и индейское население. Основания же для этого у него были весьма серьезные. Во-первых, восток – зона, где наиболее сильны расистские настроения и иностранное влияние (бразильское, аргентин-

ское, американское). Во-вторых, это еще и территория, где возобновление (при наличии не до конца упраздненных латифундий и активной деятельности ТНК) натиска на индейские земли и соответственно разрушение⁵⁶ экологических основ индейской культуры не только более чем вероятно, но фактически уже происходит. Главная причина сейчас даже не экстенсивное скотоводство. Первейшим врагом становится, как и в бразильском штате Мату-Гроссу-ду-Сул, трансгенная соя. Ее посевы неудержимо расширяются в последние полтора десятилетия, что уже привело к уничтожению столь важной составляющей индейской культуры, как лес, на площади более чем 1 млн га, и процесс продолжается со скоростью 60 тыс. га в год. Если в 90-х годах XX в. порядка 60% территории Боливии еще было покрыто лесами разных типов (т.е. она по этому показателю приближалась к Японии, где леса занимают около 70% территории), то сегодня леса сохранились лишь на 50% территории страны. Следствием обезлесения стали засухи, сильные наводнения в департаменте Санта-Крус в результате нарушения водного баланса рек. Причем соя выращивается на экспорт, и производство сосредоточено в немногих руках, в основном иностранных. Резко возрастает и зараженность почв химикатами. Все это сокращает базу для выращивания таких традиционных индейских культур, как маис, маниок и др., т.е. сохранения традиционного хозяйства. Соевые же плантации, при монокультурном земледелии, через несколько лет, по заключению боливийских агрономов, превращаются в земли, пригодные разве что для экстенсивного скотоводства⁵⁷.

Впрочем, лес вырубается не только под посадки сои. Особенно усердствуют в его уничтожении (включая простое выжигание с целью получить «свободные» земли для сельского хозяйства) крупные иностранные компании агроиндустриального сектора и иноземные колонисты: менно-

нисты (это протестантское направление представлено не столько немцами, сколько канадцами, мексиканцами и бразильцами). Так, в 2005 г. группа меннонитов нелегально осела в одном из районов департамента Бени, в девственной сельве, прибрав к рукам, несомненно, с благословения местных властей, территорию в 85 тыс. га. Только за один год более 1623 га леса было нелегально вырублено. Возбужденные дела в местной прокуратуре ничего не дали – колонисты-де использовали лес для строительства домов и изготовления мебели, а потому состава преступления нет. Площадь вырубленного леса равна почти 1640 стандартных футбольных полей. Вопросы местных индейцев о том, сколько же пришельцам нужно домов и мебели, остались без ответа, а лес с тех пор исчез уже на общей площади в 3000 га, и опять-таки безнаказанно. Аналогичным образом в 2010 г. другая община меннонитов незаконно вырубил лес на территории 100 га в департаменте Тариха, в результате чего было возбуждено судебное дело. В департаменте Санта-Крус в конце концов дело дошло до того, что даже подкупленные суды уже не могли объяснить действия колонистов, и индейские общины потребовали выдворить население ряда меннонитских селений, если понадобится, силой и выразили готовность сделать это сами. Только таким образом удалось обратить внимание на происходящее властей, как местных, так и столичных, Как и на то, что стало почему-то многовато этих самых пришельцев в Боливии – 45 тыс. человек⁵⁸.

Насколько серьезен этот вопрос в применении к Боливии, показывает хотя бы тот факт, что в 2009 г. произошло падение экспорта продукции лесного хозяйства на 18% исключительно потому, что нелегальные рубки резко возросли, и внутренний рынок оказался заполнен полученной от них древесиной. Только в г. Кобиха некий нелегальный предприниматель заработал 57 млн боливиано, уничтожив в

окрестностях 7000 га леса. Его, правда, обязали провести лесопосадки⁵⁹.

В свете происходящего в Боливии сведения лесов тем более странным стал запрет в 2009 г. в главных городах страны на разжигание костров в день Св. Иоанна в ночь зимнего солнцестояния (индейский Новый год) по соображениям защиты окружающей среды (sic!). Специальные полицейские и прочие патрули прочесывали улицы, чтобы не допустить нарушения запрета. Старинная народная традиция, а не браконьеры и ТНК, оказалась самой виноватой в дефорестации. И ведь это – тоже культурная политика⁶⁰.

Индейские лидеры востока, следует это отметить, отлично понимают негативные последствия сведения лесов для культуры своих народов. В 2010 г. CIDOB потребовала от президента отменить ряд лесных концессий, предоставленных различным компаниям в 1990-х гг. Впрочем, в ходе аграрной реформы, в период с 2006 по 2009 г. некоторые из таких концессий уже были отменены, если они располагались на индейских общинных землях или в пограничной полосе, где изъятие земель, согласно новым законам проводилось без какой-либо компенсации⁶¹. Наконец, Боливия пока остается единственной страной в регионе, где Федерация крестьян Санта-Крус в 2010 г. предложила принять закон, обязывающий крупных предпринимателей-лесозаготовителей проводить обязательную рефорестацию, что, несомненно, окажет положительное влияние как на состояние окружающей среды, так и на хозяйство и культуру индейских народов в целом, если такой закон будет принят⁶².

К сожалению, в этом вопросе есть один момент, который может сильно осложнить ситуацию с положением индейцев востока. Одними из активных участников сведения лесов являются еще и «свои» колонисты с запада страны, в частности те самые кокалерос – производители коки, которые активно поддержали выдвижение Э. Моралеса в президен-

ты. Но на востоке они выступают как разрушительный (для природной среды и, следовательно, для местных индейских культур) элемент, готовый не останавливаться перед применением оружия против местных общин, на землях которых кокалерос самовольно оседают. Присутствие этого элемента в таких департаментах как Санта-Крус и др., может обернуться серьезными конфликтами уже в недалеком будущем, и кого поддержит тогда президент – еще вопрос. Между тем, количество кокалерос в восточных областях неуклонно растет⁶³.

Наконец, негативное влияние на сохранение индейских культур востока оказывает наследие прошлого (продолжение экономического курса, унаследованного от предшествующих правительств). Так, еще в 2000 г. на территории Боливии была завершена прокладка газопровода, который по двустороннему договору должен снабжать боливийским газом из департамента Санта-Крус бразильский мегаполис Сан-Паулу. Газопровод не только проходит по уникальным в природном отношении боливийским территориям национального парка Гран-Чако и Пантаналу, но вдоль него было проложено еще и шоссе, создав благоприятные условия для вторжения новых колонистов⁶⁴.

В период правления Э. Моралеса борьба за сохранение своей культурной самобытности, по крайней мере, кое-где, начала выходить на новый уровень. Так, в 2011 г. индейцы того же департамента Бени добились отмены решения правительства и начала новых переговоров о строительстве через их территорию боливийского участка трансконтинентального шоссе, должного, по мысли его проектировщиков (бразильцев) связать атлантическое побережье Бразилии с тихоокеанским в Чили и Перу. То, что не удалось сделать в этом смысле перуанским индейцам, также активно протестовавшим против этой стройки, пока удалось боливийским: главным аргументом была недопустимость прокладки шос-

се через индейскую территорию Национального парка Исиборо Секуре (Типнис), что нанесло бы непоправимый ущерб этому охраняемому природному объекту. Впрочем, еще неизвестно, чем все завершится, поскольку (и это главное) в индейском движении нет единства. Так, на стороне государства против защитников парка выступили индейские общины, рассчитывавшие извлечь пользу из прокладки указанного шоссе. В первую очередь это те же кокалерос, обустроившиеся не только рядом с парком, но и на части его территории⁶⁵. Да и в начале споров вокруг судьбы заповедника сам президент заявлял, что «дорога будет построена, хотя бы они (местные жители) того или нет». Однако неожиданно для правительства протест индейцев востока поддержала Организация индейских народов Кольясуйу (CONAMAQ) в Кочабамбе, потребовав выработки альтернативного варианта маршрута. При этом президент даже не вспомнил, что строительством шоссе через заповедную территорию он фактически намерен нарушить им же провозглашенный годом ранее закон о правах «матери-земли», согласно которому защита жизни, биоразнообразия, а, следовательно, и лесов вменена в обязанность всем и каждому⁶⁶.

Как уже отмечалось выше, все проведенные до сих пор исследования показывают, что наиболее активно уничтожением лесов по-прежнему занимаются, прежде всего, крупные агропромышленные компании, свои и иностранные, колонисты и нелегальные лесодобытчики. Им нужны новые земли под посевы (те, что использовались под сою в 90-х годах прошлого века уже истощены и ни на что не пригодны), чтобы кормить скот. Нужно им и сырье, ибо города (в них сосредоточено 60% населения Боливии) и мировой рынок требуют мяса, а также древесины и той же кожи. То есть это как раз те люди, которым указанный закон о правах «матери-земли» крайне мешает, а действуют они по принципу «после нас – хоть потоп». Конечно, нельзя сбрасывать

со счетов и то, что сами индейские общины, даже сохраняющие традиционное хозяйство (в современных условиях его продукции часто не хватает), также вносят свою, хотя и куда менее значительную лепту в дефорестацию. Но это объясняется тем, что они практически целиком, так или иначе, давно вовлечены в рыночные отношения, и для них вопрос выгоды подчас перевешивает природоохранную проблему. Тем не менее лес как часть культуры сохраняет для них значение не только как поставщик пищевых продуктов, строительных материалов и лекарственных средств, но и в силу того, что именно с лесом и реками у индейцев связаны ритуальные практики, мифологические представления и др. Неудивительно, что ответом на позицию президента, изменившего, по мнению индейских лидеров, собственным принципам и декларациям в деле Типниса, стал Восьмой индейский марш 2011 г., а затем Девятый в 2012 году. Организаторов их, кстати, обвинили в связях с США, начав соответствующую пропагандистскую кампанию. На разгон маршей бросали крупные силы полиции и Федерации колонистов департамента Санта-Крус (тех же кокалерос). Последствия были тяжелыми, президент от полицейских акций отмежевался. Но от планов строительства шоссе через парк Типнис официально отказался лишь после Восьмого марша.

Впрочем, это не помешало ему тут же начать пропаганду в пользу отмены им же подписанного закона № 180 о неприкосновенности парка Типнис. Разумеется, он встретил полное понимание у кокалерос, в интересах которых, в первую очередь, и планировалась прокладка шоссе. Но их проправительственные выступления не встретили поддержки. Зато результатом стал Девятый марш⁶⁷. Его пытались всячески предотвратить – активной пропагандой, задариванием участников и т.п. Не получилось. В результате сильно пострадала, правда, репутация известной индейской организа-

ции CIDOB, в ходе разногласий, возникших после захвата проправительственно настроенными лидерами ее штаб-квартиры в Санта-Крус. Лишь через год начался процесс ее объединения заново. Так что, по крайней мере, внесения раскола в индейское движение президенту добиться удалось, хочется надеяться – временно. Но, не сумев справиться с индейцами, правительство нанесло удар по другому флангу: 20 декабря 2013 г. из страны была выслана, за якобы безрезультативную работу, датская НПО IBIS, занимавшаяся как раз вопросами межкультурного образования, здравоохранения и защиты прав.

Президент попытался исправить положение и на другом фронте. С целью снять сложившееся в результате маршей противостояние с местными властями, Э. Моралес, воспользовавшись перевыборами губернатора департамента Бени (на территории которого находится Типнис) – прежний был отстранен, как утверждалось, за коррупцию, – лично прибыл в Бени, чтобы повлиять на перевыборы. Своей кандидаткой он выставил Йессику Джордан, экс-королеву красоты Боливии, уроженку Бени. Но губернатором стал выдвиженец от оппозиции К. Ленс, в первых же своих выступлениях после выборов заявивший о том, что проектируемое шоссе через Типнис не пройдет. Тогда один из представителей центрального правительства на месте сделал попытку замены властей территории, но он и вся его команда были изгнаны жителями Типниса. Ответом стало судебное преследование властей парка, однако спустя некоторое время его пришлось прекратить. Тем не менее борьба за Типнис явно еще не закончена, хотя уже хорошо показала, какую позицию занял президент в решении проблем сохранения биоразнообразия⁶⁸.

Борьба за Типнис выявила и еще одно важное намерение правительства, идущее вразрез с интересами коренного населения, как оно себе их представляет. После восьмого ин-

дейского марша правительство попыталось поставить вопрос таким образом: речь идет о строительстве первого экологичного шоссе (что это означает и есть ли где такое в мире – непонятно), и вопрос не в том, строить или не строить, а в том, как строить. И начало подготовку к изменению самого закона о предварительных консультациях 30-й статьи конституции. Целью является ограничить обязательную компенсацию за эксплуатацию природных ресурсов в пределах от 0,5% до 1,5% от суммы инвестирования в проект и объявить государство обладателем решающего слова в вопросе о том, разрешить или нет эксплуатацию месторождений сырья.

Представляется, что после этих событий «индейский» имидж Э. Моралеса у жителей востока вряд ли остался на прежнем уровне. Было ясно продемонстрировано: по отношению к «матери-земле», закон о которой Моралес так усиленно продвигал, он может вести себя точно так же, как «белый» президент Бразилии, Эквадора или другой страны, которые в глазах индейцев являются разрушителями. То есть экономика остается на переднем плане, развитие же и сохранение индейских культур отстает далеко на задний план. И объективные причины для этого всегда можно найти, в данной позиции ничего оригинального нет, учитывая бедность страны и отсталость экономики. В итоге индейские лидеры уже обвинили президента в построении «китайского» социализма, объявив его коммунистом на словах и капиталистом на деле.

Теперь о других проблемах, связанных с возможностями сохранения автохтонных культур. Большим достижением индейского населения Боливии можно признать тот факт, что в новой конституции страны, вступившей в силу в 2009 г., наряду с автономией департаментов, региональной и муниципальной, признана также автономия индейских крестьянских общин. Это сразу привело к началу пересмотра ста-

рой муниципальной системы организации, в ходе которой индейские лидеры настаивали на новой ее форме, основанной на старинных обычаях каждого народа. Однако, учитывая большое разнообразие индейских культур в Боливии, такая реформа в процессе претворения ее в жизнь по всей стране может обернуться настоящей головоломкой. Кроме того, новые индейские автономии требуют усиленного финансирования со стороны государства, а так как средств у него для этого чаще всего нет, приходится привлекать иностранные компании и организации⁶⁹. И это не может не вызывать раздражения испаноговорящей части населения, которая и без того чувствует себя ущемленной (в том числе и в культурном плане, поскольку идея Э. Моралеса состоит в том, чтобы принудительно сделать как минимум двуязычным все население) в новых условиях.

Имеется еще одна сложность, связанная с культурной идентичностью: в Боливии до сих пор (и в новой конституции это сохранено) индейские общины именуется крестьянскими, т.е. индейское население воспринимается как крестьянское по преимуществу. Но сегодня в Боливии 55% индейского населения старше 15 лет – горожане⁷⁰. И потому не совсем ясно, как они реально смогут воспользоваться предоставленными им правами в области культуры в полиэтничных городах, таких, например, как те же столицы департаментов, где евроориентированная культура (особенно на востоке) преобладает.

Еще одной, также унаследованной от прошлого, проблемой остается незавершенность аграрной реформы: до сих пор значительная часть индейского населения страны принимает участие в движении безземельных. Предоставление им земель в восточных департаментах мало что дает кечуа и аймара, не привычным к местным условиям, и способствует нарастанию напряженности (вплоть до самоза-

хватов земель) во взаимоотношениях столь различных в культурном отношении групп, как горцы и жители низин.

Наконец, на проблему сохранения индейских культур страны может оказывать влияние экономическая деятельность соседних стран. И оказывает. Например, в результате постройки дамбы на реке Пилькомайо на парагвайской территории произошло загрязнение и заиливание части русла, изменившие движение косяков рыб. Это сразу поставило на грань голода общины вичи (веенхайек) департамента Тариха, для которых рыболовство – традиционно единственное занятие. Дело дошло до блокад индейцами международных автотрасс. Местные власти долго обещали приобрести оборудование для расчистки русла реки (а столичные лишь выражали озабоченность ситуацией и проч.), но в конечном итоге заявили, что ситуация необратима, и индейцам нужно отказаться от рыболовства. Как же в этом случае будут выживать – никто (включая и президента) их не спрашивал. Уже известны случаи миграции семей вичи, спасающихся от голодной смерти, на аргентинскую территорию. Дальнейшее развитие этого процесса, если его не сдержать, просто приведет к исчезновению вичи (а, следовательно, и их культуры) в Боливии. Тем более, что их земля весьма интересует еще и некоторые скотоводческие компании, а также компании по разведке нефти и газа, представителей которых вичи уже обвиняли в кабальных условиях найма на работу тех, кто пробовал найти альтернативу традиционному образу жизни⁷¹. Но, видимо, столь конкретная, «малая» проблема (касающаяся всего-то 6000 человек!) правительство не волнует. Они не смогут устроить марш на Ла-Пас, чтобы быть услышанными.

Представляется, что в настоящее время прогрессивная в целом по своей направленности политика в отношении индейских культур в Боливии находится еще в процессе становления и пока что страдает недостаточной продуманно-

стью и серьезными конъюнктурными колебаниями. Например, при всей прогрессивности новой конституции, под вопросом все еще остается решение такой важной проблемы, как урегулирование конфликтных ситуаций в сфере нормативных систем в их приложении к одним и тем же вопросам (нормативы государственные, провинциальные, общинные). К тому же в Боливии сегодня до сих пор реально не существует отлаженной системы общественной безопасности, что ставит значительные группы населения в положение, когда само их существование оказывается под угрозой в случае экстремальных ситуаций. В этом смысле пример с теми же веенхайек достаточно показателен. Можно, конечно, ссылаться на крайнюю бедность страны и сильнейшую социальную дифференциацию, проблемы преодоления которых – особый вопрос. Но нельзя не учитывать, что в данном случае, речь идет о политике в отношении фактического большинства населения страны. От того, насколько правительство сумеет выбрать правильный курс, как и от темпов его реализации, будет зависеть многое, но в данный момент еще рано делать какие-либо заключения⁷². Пока, при всех положительных моментах, преобладающим, увы, остается, как показывают примеры с веенхайек и обитателями Типниса, все тот же хорошо известный не только в Латинской Америке принцип: интересы государства выше интересов отдельной нации. Учитывая старое противостояние востока и запада Боливии, эта дисгармония (том числе и культурная), может обернуться в будущем многими проблемами.

В заключение, как и в предыдущей главе, рассмотрим ситуацию с так называемыми изолятами.

Боливия также является страной, в которой еще обитает несколько групп, находящихся в добровольной изоляции (их прибежищем являются леса боливийской Амазонии). В соседних странах таких групп десятки, и делались попытки наладить их охрану, впрочем, удачными их в целом назвать

нельзя из-за слишком большого количества желающих на их землях что-либо нелегально добывать (как мы уже отмечали на примере Перу), а свидетелей при этом оставлять нежелательно. В Боливии в целом процесс развивается аналогичным путем (убийства индейцев теми же нелегальными лесорубами не редкость). Но вот политика защиты таких самоизолировавшихся групп (их насчитывается восемь, хотя эта цифра очень условна, по некоторым другим источникам их насчитывается порядка 20, точного количества не знает никто, ибо эти группы мало кто пытался изучать), пока находится лишь в зачаточном состоянии. В Боливии чаще даже предпочитают говорить не столько об изолятах, сколько о группах (подавляющее большинство которых – давно «в контакте»), находящихся под угрозой исчезновения. Большинство из них вступило в отношения с господствующим обществом только в XX в., но и тогда это сопровождалось разрушением культуры вслед за сокращением жизненного пространства, эксплуатацией, распространением неизвестных ранее болезней и как следствие – резким сокращением численности коллективов. К этому следует прибавить миграции кечуа и аймара с Альтиплано, когда, оседая на землях малых народов, они нарушали тем самым уже сложившийся уклад жизни, принося новые формы хозяйства и вытесняя традиционные охоту и собирательство⁷³.

О защите малых народов никто не думал, пока не произошло одно знаменательное событие. В 2006 г. впервые в стране был создан «абсолютно неприкосновенный» резерват, где запрещена любая деятельность по разработке природных ресурсов. Это произошло на территории крупного (19 тыс. кв. км) национального парка Мадиди (на границе с Перу), где живет одна из самоизолировавшихся групп. Речь идет о небольшом народе – единственном в Боливии ушедшем в изоляцию целиком и официально признанном находящимся в изоляции, – индейцах торомона, язык которых

по лингвистической принадлежности не определен. Поблизости от них – вне резервата, но на территории того же парка – проживает группа индейцев науа, говорящих на языке семьи пано. Имеется также группа айорео (язык сáмуко), обитающая в пограничной зоне с Парагваем (родины большинства айорео) оказалась на территории труднодоступного национального парка Каа Ийя, в организации которого в начале века Боливии помогали Аргентина и Парагвай. Специальным декретом право айорео жить и заниматься своей обычной деятельностью на территории парка было узаконено. Эти мероприятия вызвали в стране большой энтузиазм и породили иллюзию, что социалистическое правительство знает, как правильно решать индейский вопрос⁷⁴. Однако иллюзия эта быстро развеялась. Оказалось, что правительство Боливии, как и все прочие на континенте, озабочено совсем не индейскими проблемами. Индейские организации предложили создать для айорео такой же абсолютно защищенный резерват, как и для торомона. Но им было отказано на том основании, что (как и следовало ожидать) эксплуатация имеющихся в районе расселения айорео месторождений углеводородов является государственной необходимостью. Все произошло так, как и везде (что будет видно из нижеследующего). И так же, как в соседнем Перу⁷⁵. В настоящее время боливийские антропологи считают, и надо полагать не без оснований, что все ушедшие в изоляцию группы в стране находятся в критической ситуации: им угрожают те же опасности, что и в других странах, и их возможности для сохранения своих культур, да и просто выживания очень хрупкие. В целом все эти группы, вместе взятые, вряд ли превышают по численности 0,2% индейского населения Боливии. Особенно существенно то, что многие из них (9 из предполагаемых 20) обитают в пограничных зонах (те же айорео, а также пакавара, есе-еха и торомона), и это делает их еще более уязвимыми, так как они могут

подвергаться натиску с двух сторон. И подвергаются. О чем свидетельствуют, например, два случая убийств в 2008 г. в пограничных районах.

Таким образом, как и в Перу, в Боливии малые народы уязвимы с точки зрения демографической, геополитической (пограничье), отсутствия прав собственности на территорию в случае сдачи в концессию и воздействия миграции.

Все боливийские малые народы и отколовшиеся от них изоляты – это народы, так или иначе согнанные со своих земель в разное время, вплоть до XX века⁷⁶. И даже если им повезет, в конечном счете, попасть в резерват, как торомона – это еще ничего не решает. Показательно, что всего через 4 года после основания резервата, в 2010 г., огромная по территории нефтяная концессия была предоставлена ТНК PETROANDINA, и ее площадь почти полностью перекрывает резерват. И если там начнутся хотя бы разведочные работы, на существовании торомона можно будет поставить крест. Как и на биоразнообразии национального парка – одного из лучших в мире по этому показателю.

Еще только несколько примеров. Территория, обитаемая другим малым народом, араона (порядка 100 человек), живущим неподалеку от торомона, постоянно эксплуатируется чужаками, а речные жители, пограничный с Перу народ есе-еха, подвергается воздействию сбросов шахтных отходов с горных районов в реки, что уменьшает количество рыбы и портит ее качество. Голод вынуждает переселяться в города и бродяжничать. Народ юки практически утратил собственную культуру в 70-80-х годах прошлого века, когда на Боливию обрушилось нашествие миссионеров-евангелистов США – сначала из Летнего лингвистического института (SIL), а затем из Миссии Новые Племена (MNT). У последних к индейским культурам особое отношение: главная цель – полностью их искоренить. MNT в Боливии, кстати,

присутствует до сих пор и открыто заявляет, что построит церкви для всех, кто «не в контакте».

Практически все малые народы Боливии могут считаться находящимися сейчас хотя бы в состоянии начального или спорадического контакта с окружением (за исключением разве что торомона). И в то же время более или менее точно, или хотя бы предположительно или по слухам известно о существовании отдельных групп семей, ушедших в изоляцию от нескольких из этих народов (антропологи нередко предполагают, что только они свою традиционную культуру и сохранили)⁷⁷.

Вышеизложенное, как кажется, достаточно хорошо характеризует уровень государственной политики правительства страны в отношении культур малых народов. Никакой четкой позиции по этому вопросу просто нет. Как нет или не хватает и средств, и персонала для охраны тех же национальных парков и резерватов.

Эквадор

Вопреки традиционной статистике, определявшей численность индейского населения Эквадора в пределах до 30% от общего числа жителей, официальные статистические данные последних лет (с 2001 г.) приводят цифру всего в 1 млн 100 тыс. человек. Так утверждается на основании самоидентификации, и составляет это около 7% населения страны (всего в Эквадоре около 15 млн 700 тыс. жителей). По сравнению с данными конца прошлого века цифра эта представляется сильно заниженной, прежде численность индейцев определяли в пределах от 1,5 до 4,5 млн человек, т.е. 10-30%⁷⁸.

Подобные статистические «чудеса», впрочем, свойственны и другим странам континента. Например, в Чили численность мапуче за период между двумя переписями

(1992 и 2002 г.) сократилась вдвое. Причину исследователи, судя по всему (справедливо), усматривают в методике опросов: в зависимости от того, как формулируются соответствующие вопросы, ответы могут быть разительно несходными⁷⁹. К тому же в большинстве рассматриваемых стран явно прослеживается тенденция при переписях приуменьшать численность индейского населения.

Всего в Эквадоре насчитывают 14 индейских «национальностей»: кечуа, колорадо, ачуар, шуар, ваорани и др. Индейцы живут и на побережье, и в горах, но особенно много их в амазонских районах. Есть еще две избегающие контакта группы, и тогда в целом получается 16, не считая городских индейцев и испаноязычных метисов-монтубио на побережье, выделяемых также в особую группу (как и афроэкваторцы). Следует, однако, учитывать специфику употребления понятия «национальность» в Эквадоре. Она может включать в себя несколько различных народов, имеющих общие корни (территорию, язык), собственные власти, формы организации и социальные практики, отличные от других «национальностей». Оценки, на мой взгляд, достаточно субъективные, и зависящие от того, кто их делает⁸⁰.

Экваторские индейцы – беднейшее население своей страны. Снижение уровня бедности, которого Эквадор добился в 2006-2012 гг., индейцев затронуло незначительно. Из официально признанных коренных жителей к числу бедняков относятся 86,16%. Отчасти причина состоит в том, что социальные программы рассчитываются на «бедных вообще» без учета индейской специфики, и соответствующие программы к таковой не адаптируют⁸¹. Показатель городского населения среди индейцев в Эквадоре ниже, чем в соседних странах. На крупнейшие города Кито и Гуаякиль, вместе взятые, приходится 12,1% всего индейского населения⁸².

В Эквадоре, казалось бы, имеется неплохая основа для плодотворной культурной политики в отношении индейцев. Конвенцию МОТ №169 страна подписала в 1998 году. Есть новая конституция 2008 г., признающая коллективные права индейских народов, провозглашающая государство межкультурным и многонациональным, есть и достаточно хорошо поставленное двуязычное образование с опорой на местные кадры. И все же, как признают специалисты, несмотря на определенную приоритетность индейской тематики после массовых волнений конца прошлого – начала нынешнего столетия (индейских маршей и забастовок, попыток участия в выборах и т.п.), четкой государственной политики по индейскому вопросу на средне- и долгосрочную перспективу нет и сегодня. Как следствие нет и межкультурного диалога. Положения новой конституции, как указывают эквадорские и иностранные авторы, просто не выполняются ни правительством, ни политиками, ни обществом в целом. Более того, в период правления президента Р. Корреа соблюдение конституционных прав в отношении индейцев стало восприниматься как вызов политике реформ (точнее перевода страны на экстрактивную экономическую модель, угрожающую территориальной и культурной целостности ряда индейских народов). И соответственно превратилось в объект противоречий между президентом и индейскими организациями⁸³. Характерно и то, что до сих пор в стране нет даже официальной государственной организации по борьбе с дискриминацией и расизмом. Подписание Конвенции №169 не привело к появлению адаптированного под ее положения законодательства.

Ориентация на краткосрочную перспективу неизбежно диктовала приверженность старой тенденции, в соответствии с которой – важнее всего экономическая выгода здесь и сейчас. А это не могло не привести к продолжению прежней политики игнорирования прав индейского населения, в том

числе его требований на культурную самобытность и автономию⁸⁴. С предоставлением последней просто медлят, как и с перераспределением земель. К концу 2012 г. было официально перераспределено лишь около 18 тыс. га, что составило 8,9% от запланированного, причем распределялись в основном государственные земли. На собственность крупных агроиндустриальных комплексов, владеющих лучшими землями с хорошей инфраструктурой, связанных с глобализованными рынками, государство не покушалось. Характерно и то, что случаев перераспределения почти не встречается на побережье страны⁸⁵.

Если рассмотреть развитие страны на протяжении последних шести лет, прошедших со времени принятия новой конституции, то ситуация для индейских этносов выглядит следующим образом. Положения статьи 57 конституции о коллективных правах индейских народов, как уже отмечалось выше, не выполняются. Дело доходит до того, что индейцы не могут руководить даже такими созданными вроде бы в их интересах организациями, как Национальное управление межкультурного двуязычного образования, Совет по развитию национальностей и народов Эквадора, Управление здравоохранения индейцев⁸⁶. Большинство индейских народов страны сохраняют приверженность своим языкам, но письменность для них создана миссионерами США, в первую очередь и исключительно с опорой на испанский алфавит, без учета конкретных языковых особенностей. При этом остро не хватает учебных материалов для школ. В 2005 г. Национальное управление межкультурного двуязычного образования Эквадора организовало программу подготовки квалифицированных кадров в университетах, но правительство ликвидировало ее уже в 2009 году. Осталась только подготовка на уровне лиценциатуры, предполагающая всего лишь получение диплома о высшем образовании. Но и этого удалось добиться только благодаря помощи пра-

вительственных организаций Каталонии и Финляндии и программы межкультурного двуязычного образования для Амазонии⁸⁷.

По конституции, индейские языки признаны официальными наряду с испанским в местах их широкого распространения. В стране действует много индейских организаций, созданных на национальной основе (Конфедерация индейских национальностей Эквадора – CONAIE), религиозных (евангелический совет индейских народов и организаций – FEINE), крестьянских профсоюзов (Федерация крестьянских, индейских и негритянских организаций – FENOCIN), самой влиятельной из которых можно признать первую. Однако их активное участие в политической жизни на рубеже веков в результате усилий правительства, направленных на раскол индейского движения, не привело к достойному представительству индейских народов в парламенте. В итоге, с 2008 г. индейские организации перешли в оппозицию правительству⁸⁸.

В экономической сфере положение эквадорских индейцев не может расцениваться иначе, как тяжелое. В зонах добычи нефти и минералов, которые расположены во внутренних районах страны, и прежде всего – как раз на индейских землях, и без того бедствующее население еще больше пауперизуется, так как нарушаются его права не только на землю, но, например, и на водные ресурсы; условия жизни ухудшаются из-за массивного разрушения и загрязнения природной среды. В Амазонии экологический ущерб быстро становится необратимым вследствие хрупкости природной экосистемы, да и в Андах загрязнение почв и рек уже превратили целые территории в необитаемые. Показателем возникающей в этой обстановке напряженности может служить тот факт, что ежемесячно в последние годы в Эквадоре происходит от 50 до 80 конфликтов социального характера, хотя они в отличие от предшествующего време-

ни (2010-2011 гг.) носят в основном локальный характер. Переговоры о разработках ресурсов общинам нередко приходится вести не с государством (из-за отсутствия активности с его стороны), а непосредственно с конкретными ТНК⁸⁹.

Как все это происходит и чем заканчивается, можно видеть на примере конфликта с нефтегигантом TEXACO PETROLEUM (сегодня CHEVRON TEXACO), которому индейские общины Амазонии выставили многомиллионный иск за экологический ущерб, нанесенный их территории и причинение вреда здоровью жителей. Экологическую ситуацию, по их мнению, можно было нормализовать после окончания работ компании на их территории, но сделано этого не было, а компенсацию за ущерб, причиненный здоровью 30 тыс. человек, индейцы сочли недостаточной. Но воевать с ТНК, на службе которой состоят тысячи адвокатов – дело, заведомо проигрышное. Через 10 лет, в 2011 г., было принято судебное решение обязать американцев выплатить 19 млн долларов. В ответ ТНК заявила, что эквадорскому государству было известно о нанесенном ущербе, и оно против этого не возражало, поэтому пусть государство теперь своим гражданам само компенсирует и выплачивает⁹⁰.

В отношениях же с государством у индейцев проблем, к сожалению, не меньше, если не больше. Оно по конституции гарантирует право на сохранение традиций, неотчуждаемую собственность на общинные земли и запрещает выселение с них, гарантирует и право на обязательные предварительные консультации по планам и программам эксплуатации невозобновляемых природных ресурсов. Казалось бы, все ясно изложено. Но есть оговорка: если согласие общины при консультациях достигнуто не будет, соответствующий план или программа будут реализованы в соответствии с конституцией и действующим законодательством⁹¹. Смысл консультаций при такой формулировке просто утрачивает-

ся, так как в любом случае результат предрешен заранее. Иными словами, государство поступает по принципу: «я дал, я обратно взял – я хозяин своего слова». В итоге предоставление только одной концессии на крупномасштабные горные разработки в провинции Самора вызвало индейский марш на Кито (до 10 тыс. участников) с требованиями проведения аграрной и водной реформ и освобождения 194 общинных лидеров, обвиненных в терроризме и саботаже. К маршу подключились и некоторые политические партии (Пачакутик и др.). Президент ограничился ничем не значащей риторикой и организовал в ответ многотысячные митинги своих сторонников, что позволило требованиям марша не выполняться. Одновременно он объявил сам марш устаревшей формой протеста: если правительство не нравится – пусть дожидаются следующих выборов и выберут другое. Что и было сделано в 2017 г., но какой именно курс выберет новое правительство, говорить пока преждевременно.

В итоге индейцы все более склонялись к судебному решению своих проблем, не надеясь на государство. Но и здесь положение оказалось не лучше. В конце того же 2012 г. Межамериканский суд по правам человека обязал Эквадор выплатить компенсацию в 1 млн 400 тыс. долларов индейцам кичва провинции Постаса за ущерб, нанесенный деятельностью аргентинской нефтекомпанией CGC, применявшей мощную взрывчатку при разведывательных работах, и при этом действовавшей без предварительных консультаций, не останавливавшейся перед насилием и принудительными перемещениями населения, блокадой свободного передвижения по собственной индейской территории. Правительство обещало выплатить требуемую сумму, но тем дело и кончилось. А затем выставило на аукцион нефтедобычи в районах, включая ту же Постасу, 16 нефтеносных участков на территориях 7 индейских народов. После чего объявило о начале переговоров с ними по 13 участкам,

дабы завершить процесс консультаций с общинами, и утверждало, что соглашения с ними частично уже подписаны (на условиях вложений руководством компаний средств в социальные программы). Было также объявлено о предполагаемой постройке нефтепровода. Все это делалось в расчете на иностранные инвестиции в размере 1-1,2 млрд долл. Три же остальных участка были напрямую переданы государственной нефтяной компании PETROAMAZONAS. А о возможных последствиях разработок индейцев, как выяснилось, никто не информировал, зато пропаганда в пользу таковых была очень активной, что и привело к желаемому расколу мнений между общинами. Индейцы обратились с жалобой в ООН и МОТ, дабы установить твердые правила консультаций. Дождутся ли они их – не ясно. Во всяком случае, информации об ответе в нашем распоряжении нет⁹².

Затем Национальная Ассамблея обратилась к общинам и национальностям с предложением участвовать в предварительных консультациях по подготовленному новому закону о водных ресурсах, т.е. об их перераспределении. Но при этом тысячи индейских сообществ «забыли» пригласить участвовать в обсуждении, на которое выделили всего 20 дней, при том что документы были написаны труднейшим «техническим» языком, который надо было еще суметь понять. Самой комиссии Ассамблеи, готовившей проект, на это, к слову, понадобилось три года. Цель ясна – провести проект при формальном соблюдении, вроде бы, права на предварительную консультацию. А в области применения закона о горнодобывающей отрасли, который индейцы требуют реформировать, поскольку он, по их мнению, неконституционен, ответом государства стал, например, инцидент в провинции Морона Сантьяго, когда военными был убит один из активистов индейцев-шуар. Официально целью операции было всего лишь пресечение нелегальной добычи сырья путем конфискации землечерпалок⁹³. Таким образом,

совершенно очевидно, что вся культурная и прочая индейская политика правительства подчинена меркантильным интересам крупных компаний. Т.е. «национальные» (следует, видимо, понимать господствующую нацию) интересы оказываются выше всех прочих. Такова суть всех реформ последних лет.

Надо отметить, что в Эквадоре, как и в ряде других стран континента, существует еще и такая проблема для правительства, как наличие на территории страны индейских групп, ушедших в добровольную изоляцию от «цивилизации», ибо только в этом они видели возможность сохранить свою идентичность и культуру. Хотя их наличие было известно уже достаточно давно, именно президент Р. Корреа стал первым в истории страны главой государства, официально признавшим этот факт в 2007 г. и предложившим программу национальной политики в отношении народов, находящихся в состоянии добровольной изоляции. Появился на свет достаточно детально разработанный документ, определяющий защиту прав изолятов на жизнь, здоровье, территорию. В нем изложены конституционные гарантии сохранения их самих и их культуры, правила, регулирующие возможные контакты с ними на их территории (вообще же, официально контактов следует избегать). А также гарантирующие им защиту от влияний извне, запрещающие всякую экономическую деятельность на их землях и пребывание там посторонних лиц (исключение сделано только для соседних ваорани, традиционно делящими с изолированными группами некоторые территории, и с военными, если это вызвано необходимостью обеспечения безопасности государства). Документ был положительно воспринят международной общественностью, так как учитывал и рекомендации ООН, и Межамериканской комиссии по правам человека⁹⁴. Казалось бы, для изолированных групп все должно было сложиться благоприятно. Но одно

дело – то, что написано на бумаге, другое – реализация соответствующих положений на практике.

Сколько собственно изолированных групп существует на территории Эквадора, сегодня сказать трудно, сказывается плохая изученность района Амазонии из-за его труднодоступности. Обычно говорят о двух – тагаери и тароменани, родственных соседним ваорани по культуре и языку. По другим просто нет никаких данных. Тагаери и тароменани сформировались как изоляты в результате событий прошлого века. В 1950-х годах продвижение в глубь Эквадора «нефтяной границы» в ходе экспансии нефтедобывающих компаний и появление протестантских миссионеров американского Летнего лингвистического института спровоцировали принудительное вступление в контакт с «цивилизацией» народа ваорани в эквадорской Амазонии, в районе современного национального парка Ясуни, которым территория ваорани частично перекрывается. В результате некоторые семьи, контактов с пришельцами не желавшие, отступили в глубь сельвы. В образовании обеих вышеуказанных групп, возможно, принимали участие и другие мелкие этносы, но по языку и культуре тагаери и тароменани настолько близки к собственно ваорани, что их часто рассматривают как подгруппы последних, по крайней мере, это достаточно достоверно для тагаери. Теперь данную информацию трудно проверить, так как есть подозрение, что в результате имевших место вооруженных конфликтов с пришельцами и соседями такая группа в начале нынешнего века была уже почти или полностью истреблена. Эти так называемые изоляты, по имеющейся информации, сохраняют традиционный, полукочевой, образ жизни, основанный на собирательстве, охоте и подсечно-огневом земледелии⁹⁵. В 1999 г. правительство объявило о создании для двух групп особой зоны, на территории которой, как уже отмечалось выше, исключалась какая-либо экономическая деятельность и

присутствие посторонних. Это, однако, не остановило конфликтности, так как, помимо нелегального присутствия нефтеразведчиков и лесорубов, обострились отношения изолированных групп с родственными им ваорани (вплоть до вооруженных столкновений), поскольку те нередко нанимались промышленниками в качестве охранников и проводников принудительных контактов. Полного исключения таких контактов требует CONAIE, утверждающая, что по конституции должен быть установлен регламент, запрещающий появление на территории самоизолировавшихся групп любых посторонних лиц без соответствующего согласия их обитателей. Сложность в том, что государство исходит из своих принципов определения границ обитания изолированных групп, а они – из своих собственных, в результате чего получаются несовпадения. Результат – атаки на «христианизированных» ваорани и их ответные действия в качестве мести, отмеченные уже в первом десятилетии этого столетия. А также нападения на лагеря лесорубов на территории парка Ясуни, поскольку посторонние не соблюдают границ, за пересечение которых изолированные группы начинают применять оружие. Они, кстати, заранее честно предупреждали соседей-ваорани, что нарушать их границы не следует. Но тагаери и тероменани имеют в своем вооружении лишь копья, а противостоящие им пришельцы, как и соседние ваорани и кичуа, – огнестрельное оружие⁹⁶. Стремясь избежать нарастания конфликтности в зоне парка, в 2007 г., с принятием декрета о национальной политике в отношении групп, находящихся в состоянии добровольной изоляции, правительство предложило остановить добычу нефти, ранее начатую в парке Ясуни.

В этой связи возникает закономерный вопрос: какие разработки нефти – а там велись и работы по добыче древесины – могли быть вообще начаты на территории национального парка, созданного в целях сохранения биоразнообразия

решением ЮНЕСКО? Это означает просто убить парк, так как весь смысл охраняемой территории утрачивается. Проект парка был поддержан на международном уровне, при условии выплаты государству компенсаций от ущерба за недобытую нефть, прежде всего, со стороны Германии, и был заключен соответствующий международный договор. Но позже произошло событие, показывающее, что для государства сохранение природы и гарантирование безопасности и культурной самобытности самоизолировавшихся народов стоят на заднем плане, если оно испытывает финансовые трудности. Сработало резкое падение цен на нефть, которое сократило государственные доходы. В августе 2013 г. тот же президент Р. Корреа, издавший шестью годами ранее декрет о национальной политике в отношении изолятов, с учетом сложной экономической ситуации в стране, как он сам заявил, «с глубоким прискорбием» подписал декрет о прекращении действия указанного соглашения, что открыло дорогу широкой эксплуатации нефтяных залежей на территории биосферного заповедника. То есть, хотя цены на нефть упали, ее стали производить еще больше. Разумеется, сразу посыпались заверения общественности в том, что будут применяться самые передовые технологии, но специалисты все равно определили экологический ущерб как неизбежный. И вопрос «всего лишь» в его масштабах.

Реакция и внутри Эквадора, и на международном уровне была бурной, но в октябре Национальная Ассамблея страны поддержала декрет. Параллельно были предоставлены упоминавшиеся выше права на разработку нефтяных месторождений в других районах китайцам, кубинской дочерней компании ТНК REPSOL, чилийцам и «Белоруснефти». Одним из результатов стало заявление президента национальности ачуар, что его люди оставляют за собой право сопротивления попыткам любой нефтедобывающей компании вступить на их территорию⁹⁷.

Параллельно с заявлением президента, на фоне утверждений правительства о том, что эксплуатация нефтяных и минеральных месторождений позволит стране выйти из бедности, у гражданских организаций возросло недоверие к политике правящих кругов. Вопрос был поставлен прямо: если за 10 лет бедность преодолена не была, то почему это должно произойти теперь, тем более в условиях дешевающей нефти? И еще одна тревожная тенденция: утверждения политиков относительно изолятов. Сейчас они заявляют, что либо изолятов нет на территориях, где производятся разработки нефти, хотя именно там столкновения с ними отмечались в предыдущие годы, либо, что этих народов вообще нет, а следовательно, нет и препятствий для соответствующей деятельности. Вопрос об экологии, судя по всему, для властей уже не стоит. Таким образом, самому существованию изолятов, не говоря уже о соблюдении их конституционных прав, по-прежнему угрожают как разработки нефти, так и нашествия нелегальных лесорубов и неконтролируемый так называемый экотуризм. Еще более печально то, что изоляты не пользуются должным вниманием даже собственно индейских организаций Эквадора, более того, последние не в состоянии контролировать тех же ваорани или кечуа, объединяющихся с лесорубами ради денег, в случаях агрессии против изолятов. Такие нападения просто-напросто оправдываются.

Можно ли ожидать перемен в отношении к культурным и прочим правам индейских народов в Эквадоре в обстановке, когда для правительства все определяется интересами нефтедобычи, а индейские народы квалифицируются как противостоящие «реформам на благо нации»? И тем более ждать формирования условий для выживания самоизолирующихся групп? На данный момент оснований для оптимизма явно нет никаких. Во всяком случае, если не будет налажена эффективная охрана индейских территорий, осо-

бенно в случае с изолятами. Но об этом, судя по имеющимся материалам, и речи не идет. Нет средств или возможностей – особый вопрос (но зачем тогда было это провозглашать в правительственной программе?), разбор которого в нашу компетенцию не входит. Борьба вокруг парка Ясуни и других индейских территорий, таким образом, явно еще не закончена⁹⁸.

КАРИБСКИЙ РЕГИОН

Колумбия

В Колумбии, согласно цензу Национального департамента статистики 2005 г., насчитывалось 1 млн 378 тыс. 884 лиц, относимых к индейскому населению, т.е. 3,4% населения страны. Согласно данным того же документа, городское индейское население составляло 21,43%, т.е. около 300 тыс. человек. Более «свежие» данные на 2012 г. предположительно оценили общую численность коренных жителей в 1 млн 450 тыс. человек. Многие индейские нации и группы утратили свои языки, другие говорят на аравакском, карибском, чибча, тукано и других языках. Индейскими являются 87 народов (по другим данным – Международного бюро по правам человека ACCIÓN COLOMBIA ODHACO, НПО с резиденцией в Брюсселе, а также Национальной организации индейцев Колумбии (ONIC) – индейских народов насчитывается 102). Но 70 из них малочисленны и частично находятся под угрозой исчезновения (таких насчитывают 63-66), что отчасти можно объяснить и многолетним вооруженным конфликтом в стране. Как угроза исчезновения конкретного малочисленного народа может возникнуть давно описано, например, шведским биологом Г. Далем в книге «Последняя река». Для этого достаточно, чтобы вторгшиеся на территорию боевики, миссионеры или солдаты расстреляли, например, побольше женщин, без которых даже уцелевшие мужчины народом считаться (и сами себя считать) уже не могут, ведь они не смогут установить равноправные обменные отношения с соседними группами. А следует добавить, что уничтожение индейцев для банд парамилитарес изначально являлось одной из целей их деятельности. Об этом красноречиво свидетельствуют сле-

дующие данные: только за период 2009-2012 гг. 438 индейцев было убито и 22000 согнаны с земли, за первое полугодие 2013 г. убито было еще 23 человека и «перемещены» 1506. Всего же из перемещенных лиц на долю индейцев приходится 20%. И в военный период в начале века уровень насилия в индейских муниципалитетах страны в 100 раз превышал национальный показатель. Причем акты насилия отмечались со стороны всех противоборствующих между собой вооруженных группировок – боевиков, полиции, армии, все они, причем каждая из них считала, что именно индейцы поддерживали враждебную ей сторону.

Президент Х. М. Сантос, после начала переговоров с боевиками о прекращении военных действий издал в 2012 г. закон о компенсациях жертвам репрессий и возвращении земель перемещенным лицам. Но его же правительство дало «зеленый свет» экспансии горнодобывающих и энергетических компаний, разумеется, в целях восстановления экономики, и это сразу осложнило ситуацию с землями индейских общин и беднейших крестьян, которые сопротивляются индустриальным проектам. Кроме того, из-за боязни утратить узурпированные земли против правительства открыли пропагандистскую кампанию прежний президент А. Урибе и его сторонники, а также крупные скотоводы и «новые помещики». Все эти круги оказались настроенными против начала мирного переговорного процесса. Индейцы же в целом его поддерживают, хотя бы потому, что желают прекращения военных действий, эпицентром которых служат как раз их территории. Примечательно, что к процессу мирного урегулирования в Колумбии индейские организации не привлекались и стороны-участники конфликта все решали без их участия. При этом индейцы дистанцируются от крестьянского движения по той простой причине, что сами они стремятся к восстановлению своих прав на земли предков, в то время как крестьяне и колонисты – лишь тому,

чтобы получить землю, неважно за чей счет, и как раз индейские земли их весьма привлекают.

В ходе последующих переговоров с правительством индейцы добились соглашения о подготовке документации, оценке и представлении в Колумбийский институт развития сельской местности 400 документов о расширении, юридической защите и оздоровлении территорий индейских резерваций, праве иметь собственную милицию для охраны. Было обещано также создать специальную рабочую комиссию при Министерстве горнорудной промышленности и энергетики. Таким образом, крайне важный для индейцев вопрос о мегапроектах в области горнодобычи и энергетики власти еще только обещают решить⁹⁹.

Но это дело будущего. Пока же индейцам, к сожалению, приходится иметь дело с последствиями войны на их территориях и реально действующей политикой правительства в экономической сфере.

Из 65 известных индейских языков на сегодняшний день 5 являются исчезающими без возможности их ревитализации, т.е. восстановления, а 19 находятся под серьезной угрозой исчезновения.

О современном уровне жизни индейцев Колумбии свидетельствуют такие факты: хроническое недоедание у 70% детей и существование 63% индейского населения ниже уровня бедности. При этом конституция 1991 г. признает основные права индейцев, а государству предписана особая забота о правах 34 коренных народов, которые считаются находящимися под угрозой исчезновения именно вследствие вооруженного конфликта¹⁰⁰. Но на сегодня это не более чем декларация.

Одной из причин бедственного положения индейцев, помимо последствий гражданской войны, является, как было отмечено выше, деятельность компаний добывающих отраслей и воздействие т.н. экономических мегапроектов

(опять же по добыче сырья и строительству ГЭС). В принципе, казалось бы, почти 1/3 территории страны – это индейские резерваты, количество которых, по официальным данным, с 1995 по 2012 годам выросло с 313 до 748. Вот, казалось бы, и основа для содействия сохранению индейских культур. Но эти самые земли индейских народов (что способствовало и долгое вооруженное противостояние) по большей части уже прочно захвачены компаниями: нефтяными, горнодобывающими, банановыми, пальмовыми, лесозаготовительными, скотоводческими и не в последнюю очередь наркопроизводящими. И этот процесс продолжается. По данным на 2010 г., только земли, сданные в концессии иностранным ТНК (в большинстве случаев без предварительных консультаций, поскольку правительство считает право на них «неоспоримой привилегией»), составляли до 65% всех индейских территорий.

А как ведет себя ТНК на этих землях? Достаточно вспомнить пример 1995 г., когда 5000 представителей народа ува (другое название – тунебо, живут они близ границы с Венесуэлой на северо-востоке страны) пригрозили властям коллективным самоубийством в случае продолжения деятельности на их территории ТНК OCCIDENTAL. Ее служащие разрушили индейские храмы и священные места, поставив под угрозу сохранность самой земли ува. В то время у этой группы индейцев на 5 тыс. человек имелось, точнее оставалось в их владении, 45 тыс. га, из которых на долю продуктивной земли приходилось 20 тыс. Разумеется, официально тогда индейцев ни о чем даже не предупредили. Они отбились в 1995 г. и пытаются отбиваться по сию пору. В принципе это очень трудное дело, поскольку даже если была «предварительная консультация» и ТНК не получила согласия общины, то достаточно государству признать реализацию проекта необходимой – и вопрос закрыт, больше консультироваться не о чем. Так, например, часть ин-

дейцев эмбера не смогла помешать строительству на их землях ГЭС, которая, затопив часть принадлежавшей им территории, сделала тем самым невозможным традиционное хозяйство: не осталось земли, подходящей для земледелия, исчезли рыба, дичь и даже лекарственные растения. Об ущербе для духовной культуры (ритуальных практик и т.п.) в таком случае можно даже не говорить. В итоге, по мнению наблюдателей ООН, из-за одних только широкомаштабных горных разработок (мегапроектов) в Колумбии до 40 индейских этносов сегодня находятся под угрозой исчезновения в культурном смысле.

Вряд ли кто-то сможет сказать сейчас, сколько индейцев за годы вооруженного конфликта попало в графу «перемещенных лиц». Все эти вытесняемые со своих земель люди уходят в города, чтобы выжить. Но там под угрозу выживания попадает вся их культура как таковая, поскольку сохранить в новых условиях язык и традиции часто оказывается невозможным. К тому же, как и в других странах, на это накладываются многочисленные нарушения гражданских прав: необоснованные задержания (а в период военных конфликтов и похищения), обвинения в терроризме и причастности к боевикам, насилия и грубое обращение.

Насколько успешно можно сохранить традиционные индейские культуры в условиях, когда сами основы их подрываются натиском «нового колониализма»? Это зависит от массы обстоятельств. Например, от степени изолированности от окружающего общества и силы традиций и много от чего еще в каждом конкретном случае. Например, одно время панацеей казался экотуризм, в который активно вовлекали индейские общины. Это принесло им новый источник дохода, но, как показала практика, поставила под угрозу сохранение традиционного образа жизни. Потому, что часть общинников, например, в районе г. Летисия на юге Колумбии полностью забросила хозяйственные занятия в

ущерб туризму, хотя получают они от него лишь «объедки» от тех доходов, которые присваивают захватившие в свои руки местную экономику частные туристические фирмы, нанимающие индейцев. Часть, пока еще большая, местных индейцев, все еще придерживается мнения, что собственную культуру на продажу выставлять нельзя, следует ограничиться определенными видами услуг (турпоходы и т.п.). Долго ли эта часть сможет удержаться в своем мнении? А пока туристы едут в джунгли за «индейской экзотикой», как всегда, оставляя на территориях общин в первую очередь горы мусора. И у самобытной культуры обитающих там тикунна и других народов (с очень интересным традиционным искусством и обычаями), составляющих, кстати сказать, 40% населения департамента Амасонас, при полном самозатворении государства от исполнения своих обязанностей на данной территории (там, с его точки зрения, экономически всё обстоит хорошо), действительно существует реальная опасность превратиться в развлекательный балаган, как это происходит и во многих других местах¹⁰¹.

В то же время нельзя не отметить, что и в Колумбии проявляется явление, достаточно хорошо известное в других странах: реэтнизация, или, как теперь стало модным это называть, этногенез индейских народов. Так, еще несколько десятилетий назад знаменитый колумбийский антрополог Г. Райхель-Долматофф полагал группу канкуамо на севере страны полностью ассимилированной соседями-метисами. Однако оказалось, что он ошибся. Хотя канкуамо и утратили язык (и долгое время скрывали свою идентичность по политическим причинам, чтобы не считаться в глазах соседей «дикарями»), они сегодня прилагают усилия к его возрождению, как и традиционной культуры в целом. В 2003 г. им даже удалось получить в коллективное владение собственный резерват, т.е. они сумели убедить местные власти в своем индейском происхождении.

Собственно, положения конституции 1991 г., предусматривающие возможность создания индейских территорий, управляемых самими индейцами, не могли не повлиять на их решение перестать считаться «цивилизованными». Но дело было не только в этом. Сыграла роль мифология: для того чтобы восстановить былое природное равновесие и поддержать разделение мира между индейцами и белыми, необходимо, согласно местным представлениям, наличие четырех индейских обществ (всем хорошо известное священное во многих мифологиях число). Следовательно, кроме трех индейских народов, сохранивших свою идентичность, четвертый должен был ее восстановить. Только канкуамо подходили на эту роль – они такие же горцы и с тем же образом жизни, как прочие индейцы, в отличие от «тех, кто внизу». И в 1993 г. было официально объявлено о возрождении этого народа. Какими бы странными кому-то ни показались подобные причины, но они сработали. Сегодня канкуамо, если верить переписи 2005 г., насчитывает более 12 тыс. человек, но они понесли большие жертвы во время войны, поэтому другие авторы осторожно предполагают, что на самом деле их 4-6 тыс. человек. Этот случай реэтнизации в Колумбии не единственный¹⁰².

Интересы индейцев Колумбии на национальном уровне в настоящее время представляют, прежде всего, две организации: «Национальная организация индейцев Колумбии» (ONIC) и «Индейские власти Колумбии» (AICO). Имеются также региональные организации: Организация индейцев колумбийской Амазонии (OPIAC) и Конфедерация индейцев тайрона (CIT) и др. Конвенцию МОТ № 169 Колумбия подписала в 2009 годах¹⁰³.

Об уровне организованности индейцев Колумбии сегодня свидетельствует такой факт: в конце 2013 г. произошли два важных события международного масштаба: II региональный саммит Амазонии и IX конгресс координационно-

го индейского совета долины Амазонки, и оба именно в колумбийском городе Вильявисенсио, центре департамента Мета в восточных Льяносах. Таким образом, колумбийские индейские организации были принимающей стороной, что не может не свидетельствовать об их авторитетности. Как и на прошедшем двумя годами ранее I саммите в Манаусе (Бразилия), среди основных рассматриваемых вопросов значились лучшее осознание участниками важности поддержания культурного разнообразия для сохранения биологического разнообразия, взаимосвязи между обеими проблемами, права индейских народов сельвы и противостояние ее использованию в исключительно коммерческих целях. Важнейшим вопросом было признано рассмотрение того, как при реализации индустриальных мегапроектов избежать разрушительного воздействия на природную среду, на народы Амазонии. Ведь необходимо учитывать, что 79 из 380 этносов в разных странах находятся в состоянии добровольной изоляции или начального этапа контактов с внешним миром. Поэтому столь важен вопрос о привлечении к более активному участию в этом процессе всех заинтересованных организаций (экологических и др.), как внутри амазонских стран, так и за их пределами. В этой связи обсуждалось и анализировалось воздействие уже печально известной инициативы по интеграции региональной инфраструктуры и прочих аналогичных проектов, финансируемых Всемирным банком, Межамериканским банком развития и др. В их числе десарролизм – ставка на ускорение экономического развития, экстрактивная модель экономики и альтернативы им и ряд других аналогичных вопросов, а также связанные с ними юридические проблемы. Подчеркивалось, что правительства стран региона, включая так называемые «левые» режимы, ориентируются на эксплуатацию природных ресурсов для решения экономических проблем, отодвигая на задний план права населения, в данном случае

индейских народов; так же поступают и правые силы. Был поставлен, к сожалению, оставшийся без развития на саммите вопрос: какая разница между правительствами Э. Моралеса, Р. Корреа и Х. М. Сантоса (можно было бы список расширить), если все трое, несмотря на различие политических взглядов, действуют в одном направлении, фактически нарушая права индейских народов?

Сразу по завершении саммита началась работа вышеупомянутого конгресса СОІСА, который выступил как продолжение работы совещания. Был также избран новый состав Управляющего совета. Однако не были избраны ответственные за такие сферы деятельности, как образование, наука и технологии, связь и здравоохранение, назначение которых отдано на усмотрение нового совета. На конгрессе, правда, неожиданно выступил министр внутренних дел Колумбии, А. Ирагорри Валенсия, известный магнат из департамента Каука, призвавший сохранить Амазонию – достояние человечества и осудивший ее разграбление белыми. Зачем был совершен этот демарш, и что министр хотел этим сказать, осталось, похоже, никому не понятным (ни участникам, ни научному сообществу)¹⁰⁴. Индейцев тут призывать не к чему, именно к этому – сохранению Амазонии – они и стремятся. Призывать надо других: ТНК, олигархов, финансистов...

Важность вопросов, поднимавшихся на саммите и в конгрессе, связана с тем уже упоминавшимся фактом, что в отличие от правительств индейцы воспринимают свою территорию, в соответствии с собственным мировидением, как включающую не только поверхность земли, но и ее недра и воздух. И дело не в том, что они настроены против разработок – они против определенных процессов, связанных с неуважением к территории в их понимании, против передачи недр иностранцам, которые и навязывают свое видение политики в отношении окружающей среды. В качестве аль-

тернативы в одном исследовании, посвященном горным разработкам, приводится пример индейской добывающей компании, организованной в департаменте Каука еще в 1940 году. Она занимается добычей, очисткой и продажей серы, не нанося ущерба окружающей среде и без негативных воздействий на местную индейскую культуру¹⁰⁵.

На начало 2017 г. положение индейских общин в Колумбии остается вызывающим большую тревогу. Президент получил премию мира за «урегулирование» проблемы повстанцев, т.е. прекращение гражданской войны. Но для индейцев ситуация не изменилась. Насилия в отношении них продолжают. Вот только данные за апрель 2017 г.: за одну неделю в провинциях Чоко, Каука и Нариньо было убито шесть индейцев, что заставляет усомниться в эффективности правительственных мер по мирному урегулированию¹⁰⁶.

В заключение, поскольку нет возможности описать положение всех индейских народов Колумбии, остановимся на одном, но достаточно показательном примере – судьбе маленького народа нюкак (о нем имеется специальное исследование, чьи материалы в дальнейшем и используются), традиционно относимого к самоизолировавшимся группам, хотя это уже давно не соответствует действительности. Он ясно демонстрирует проблемы, с которыми сталкиваются колумбийские индейцы в результате нарушения их прав и многолетней гражданской войны.

Индейцы нюкак департамента Гуавьяре на юге Колумбии были последней в стране полукочевой группой, вошедшей в контакт с «цивилизацией» в 1988 году. Сегодня их насчитывается около 600 человек (имеются, правда, и другие оценки), но такая численность – именно результат контакта, раньше нюкак было раза в три больше. Однако отсутствие у государства опыта действий в обстановке начального контакта сразу привело к резкому росту смертности от занесенных заболеваний, изменениям в традиционной куль-

туре и утрате многих ее достижений. Сложилась парадоксальная ситуация: по соседству не было никаких индейских посредников, которые могли бы ввести нюкак «в мир». Единственными, кто был знаком с их языком, оказались не колумбийцы, а американские миссионеры из «Миссии Новые Племена» (NEW TRIBES MISSION, MNT). К тому же территория нюкак расположена на границе колонизации, расширение которой было связано с производством наркотиков. Поэтому, даже будучи объявленной резерватом, она оказалась беззащитной. А по соседству – 10 тыс. безземельных или малоземельных крестьян, которые на эти земли смотрят, что называется, с вожделием. К этому следует добавить наличие по соседству еще и антиправительственных Революционных вооруженных сил Колумбии и прочих незаконных военизированных формирований. Они тоже присматривались к богатой ресурсами территории нюкак, что делало неизбежным натиск на их земли извне¹⁰⁷.

Первыми, кто вступил в 1971 г. с нюкак в постоянный контакт, были миссионеры MNT. Постепенно худо-бедно наладились и отношения с местными крестьянами. Так что сегодня, учитывая без малого полвека контактов с миссионерами и окружающим населением, нюкак уже вряд ли можно считать изолированной группой. Уже первые 5 лет контакта вызвали резкое повышение уровня смертности среди них (численность группы сократилась на 40%), это стало итогом полного пренебрежения американскими миссионерами вопросами здравоохранения. Сегодня существует 13 локальных групп нюкак на своей традиционной территории (если не принимать во внимание того факта, что на нее они пришли, скорее всего, спасаясь от добытчиков каучука, каучерос, еще в начале XX в.)¹⁰⁸. Кто жил там до этого – неизвестно. На рубеже веков ситуация осложнилась приходом в зону расселения нюкак соперничавших между собой незаконных вооруженных формирований, что вызвало

вынужденную миграцию в городские центры местного населения, включая нюкак (перемещенные лица), тем более, что их еще и завербовывали в банды парамилитарес.

С 2002 г. начался активный процесс опять-таки вынужденного переселения нюкак из зоны их обитания. Прежде всего, нюкак уходили в центр департамента – Сан-Хосе-де-Гуавьяре, откуда их расселяли в сельской местности, в два лагеря для перемещенных лиц. В середине 2006 г. уже 35% всех нюкак (215 человек) находились там. Отличительными чертами обоих лагерей являлись дефицит питьевой воды, нехватка земель для возделывания и антисанитария. В большем из лагерей (150 человек) – Агуа Бонита – к этому добавились еще и конфликты с крестьянами из-за нехватки земли. В лагере ежедневно появлялась разношерстная публика (журналисты, чиновники, туристы всех мастей), поскольку он легко доступен из города. Оказавшиеся по тем или иным причинам вне лагерей нюкак нанимались поденщиками к землевладельцам, так как своей земли у них уже нет, а работа давала хоть какую-то гарантию избежать принудительного рекрутирования в парамилитарес¹⁰⁹. Для тех, кто оказался в городах, практически единственным занятием стало попрошайничество, особенно среди детей, которые часто отправляются «на работу» без сопровождения взрослых, что нередко приводило к случаям сексуального насилия со стороны посторонних.

Женщины сбывают изготавливаемые ими браслеты, гамаки, корзины, плетенные из пальмовых волокон, мужчины устраивают походы в лес, чтобы затем продать пойманных там птиц или животных, батрачат, а когда можно, подрабатывают собирательством, рыбачат. Таким образом, взрослые периодически проводят значительную часть времени вне и иногда довольно далеко от лагеря, что не может не сказываться на степени сохранения культурной преемственности.

Одной общине, правда, повезло – ее приютили в своей резервации, хотя и небольшой, соседи из нации десана. В результате они отчасти сохранили традиционные занятия и даже построили общинный дом, малоку, правда, если говорить о строительных материалах, то делали это из чего попало, подходящих традиционных под рукой не оказалось.

Нюкак несколько раз пробовали вернуться на свои прежние земли, но всегда неудачно по причине активности банд парамилитарес на их территории и проблем со здравоохранением. Одна группа все же вернулась в лес в 2008 г., такое желание есть и у остальных, но герильяс выступают против их возвращения. Конституционный суд Колумбии признал, как уже упоминалось, 34 индейских этноса уязвимыми и находящимися под угрозой исчезновения в 2009 г., и нюкак в их числе¹¹⁰.

Нюкак также вступили в организованную полемику с правительственными органами и НПО по вопросам конфликтности их ситуации. Одна из проблем при выработке решений: лучше владеют испанским языком лидеры молодого возраста, но их лидерство не всегда признается членами их же групп, так как нарушает традиционные принципы организации власти среди нюкак¹¹¹. Пришлось привлекать экспертов ООН для выработки программы действий, но она еще далека от завершения. Определенные успехи были связаны с тем, что в конце прошлого века большая часть традиционной территории нюкак была объявлена охраняемым резерватом, а также с некоторым улучшением здравоохранения, что и довело численность этноса на сегодня до 612 человек. Однако, поскольку начиная с 2002 г. большинство нюкак покинуло свою территорию в результате насильственных перемещений, ситуация в целом ухудшилась. Результат перехода к другому, чуждому им образу жизни – смена модели жизнеобеспечения, с охоты-рыболовства-собираательства они вынуждены были перейти на потребле-

ние агроиндустриальной продукции. Добавим еще и рост уровня смертности вследствие перенаселенности лагерей. Условия жизни тех, кто остался на прежних землях также ухудшились. Близ лагерей недостаток ресурсов традиционного использования вызвал недоедание, несмотря на правительственную и другую помощь, а также конфликты с землевладельцами, крестьянами и другими индейскими группами опять же за доступ к ресурсам. Депрессия из-за разрушения прежнего образа жизни стала обычным явлением. Правительственные и международные организации налаживают ньюкак помощь и вырабатывают программы по ее оказанию, проводят консультации с группами, организуют изучение культуры и фольклора, планируют возвращение ньюкак на прежние земли с созданием там 5 медпунктов и т.д. Это, безусловно, положительный момент. Проблема, однако, еще и в базовых чертах культуры ньюкак. По своему традиционному образу жизни это кочующий народ, подвижные земледельцы-охотники-собиратели, следовательно, для нормального функционирования культуры нужна достаточно богатая ресурсами большая территория, на которой могли бы автономно действовать отдельные локальные группы, ибо такой образ жизни исключает концентрацию большого количества населения в одном месте не иначе, как на короткое время (не более недели). То же медицинское обслуживание в этих условиях должно быть мобильным. Некоторый опыт в этом есть. И необходимо использование традиционной медицины. Учитывать следует также традицию реципрокации (т.е. уравнительного распределения, дарообмена и взаимопомощи) между родственниками. По мнению самих ньюкак, при возвращении им потребуется техническая, образовательная и медицинская помощь, продовольствием же на своих землях со своих огородов они себя в состоянии обеспечить.

По итогам консультаций администрации с индейцами двух больших групп нюкак и другими представителями местного населения в 2009 г. выяснилось, что главные, кто находился в оппозиции возвращению индейцев на свои земли – это именно парамилитарес. Герильяс боялись, что индейцы могут оказаться в роли правительственных шпионов на территориях, контролируемых партизанами. К тому же, одна из групп нюкак и вовсе не выразила желания возвращаться на прежние земли в подобных условиях. Другая группа начала все же процесс возвращения, но сразу стали возникать конфликты с уже захватившими территорию колонистами¹¹².

Важной проблемой не только для нюкак, но и для других групп сходного образа жизни в Южной Америке, является, к сожалению, неспособность западной демократии понять их культурные особенности, даже когда она пытается наладить диалог. У кочевых групп индейцев, и это давно известно, хотя об этом постоянно «забывают», лидер имеет лишь весьма слабую возможность влиять на мнение группы. Тем более группы имеют непостоянный состав, а конфликты между ними – не такое уж редкое явление. Но главное – автономность в принятии решений: несогласие части группы с мнением большинства может привести к отделению несогласных, которые либо станут новой локальной группой, либо войдут в состав другой. Таким образом, мнение большинства не делает меньшинство обязанным ему подчиняться, как это происходит в западных демократиях¹¹³.

В итоге пока большинство нюкак существуют в своих лагерях для перемещенных лиц лишь благодаря продовольственной помощи со стороны государства¹¹⁴.

Надо еще отметить, что данные государственных антропологов расходятся с теми, которые предоставляет ONIC. Согласно публикации этой организации от 2014 г., повторяющей оригинал 2008 г. (с тех пор, надо понимать, ничего

не изменилось?), результат контакта был следующим: выжили 500 нюкак, из которых сегодня только 200 сохраняют свои традиции и продолжают кочевать в сельве, тогда как остальные 300 остаются в Сан-Хосе-де-Гуавьяре на положении перемещенных лиц. Дошло до того, что и сами нюкак стали работать на производство наркотиков в обмен на батарейки для магнитофонов и пищу, не имеющую ничего общего с их привычной диетой. И теперь эти перемещенные уже даже и не хотят возвращаться в сельву и все больше привыкают к образу жизни «белых». С 2003 г., когда установились контакты с колонистами, сами нюкак уже перестали быть самими собой. Дело даже не в том, что они заменили режущие инструменты из зубов пираньи на металлические. Смена питания вызвала рост заболеваемости (туберкулез и т.д.). Они уже привыкли употреблять печенье, газировку, картофель фри и проч., что не дает организму необходимых витаминов и минералов. А теперь есть еще и красивые блестящие «игрушки»: стало возможно купить магнитофоны, радио, фонарики, черные очки – все это угрожает в долгосрочной перспективе самому сохранению традиционной культуры. Некоторые уже отказываются и от традиционной для них охоты. То есть ускоренным темпом происходит то, что иногда в антропологии называют декulturацией, утратой культуры¹¹⁵.

Венесуэла

Для этой страны характерен в последнее время быстрый рост индейского населения. Так, на начало 80-х годов прошлого века численность индейцев определялась в 202677 человек, по переписи 2001 г. к индейцам было отнесено 535000, т.е. 2,3% населения страны, а по данным переписи 2011 г. индейцев насчитали уже 725128 человек, или 2,8%.

То есть за 10 лет индейское население выросло почти на 42%. Большинство принадлежит к четырем основным языковым группам: аравакской, карибской, чибча и тупигуарани. Крупнейшими индейскими народами страны являются вайуу или гуахирос (58% всего индейского населения страны) и варао (7%). Достаточно много малых языков, находящихся под угрозой исчезновения, тем более, что до сих пор отсутствуют реальные государственные программы их сохранения. Характерен высокий уровень урбанизированности индейцев (25% из них – городское население), при этом на своих исконных землях (это в основном пограничные районы) живет лишь 1/3 индейцев, а 39% считаются просто жителями сельской местности.

По другой системе подсчета ситуация выглядит иначе. Уже в 1992 г. городское индейское население составляло, по этим данным 42%, а в 2001 – 66%, что уже само по себе не может не свидетельствовать о неблагоприятной ситуации. Ведь традиционно индейцы – в основном земледельцы, сочетающие это занятие с охотой и рыболовством, за исключением вайуу полуострова Гуахирос (скотоводы). За чертой бедности, по разным источникам, находится от 30 до 40% индейского населения. Детская смертность среди индейцев в 20 раз превышает средненациональный показатель. Перепись 2011 г. выявила наличие в стране 51 индейского народа, но интересно, что конституция признает и гарантирует существование только «более 40 индейских народов». Это, как представляется, достаточно хорошо демонстрирует не только несовершенство венесуэльской статистики, но и в целом поверхностное знакомство венесуэльских чиновников – творцов конституции¹¹⁶.

Индейское население достаточно активно политически (участие в выборах в органы власти и т.д.). Его движение зародилось еще в 1970-х годах при поддержке различных НПО и миссионеров, а в 1989 г. местные организации были

уже объединены в Национальный индейский совет Венесуэлы (CONIVE). В последнее время, однако, индейское движение переживает не лучшие времена, поскольку именно прежняя министр по делам индейцев при У. Чавесе, Нисиа Мальдонадо, тоже, кстати, индеанка по происхождению, сделала немало для его раскола, но рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу, тем более что оно уже проведено в недавней работе¹¹⁷.

Конституция 1999 г., выработанная, что, в известном смысле, уникально для Латинской Америки, при участии индейцев, что и способствовало их политической активизации, впервые в истории страны признала полиэтничный, поликультурный и многоязычный характер венесуэльского общества, вклад индейцев в создание Венесуэлы как таковой, разработала правила политического участия индейцев на национальном, государственном и муниципальном уровнях. Были провозглашены права индейцев на исконные земли, формы хозяйства и общественной организации, на образование и здравоохранение; государство обязуется защищать языки и культуру, провести разграничение земель, защищать окружающую среду, гарантирует право индейцев на предварительные консультации по затрагивающим их вопросам. В результате, в отношении прав индейского населения и гарантий, новая венесуэльская конституция оказалась самой передовой в Америке. В 2002 г. была ратифицирована конвенция МОТ № 169; в 2001 г. приняты законы о демаркации и гарантиях среды обитания и земель индейцев, об индейских народах и общинах в 2005 г., об индейских языках в 2007 г., о культурном наследии индейских народов и общин и об индейских ремеслах в 2009 г.¹¹⁸.

Приняты, казалось бы, прекрасные законы. Но нельзя не учитывать наличия в стране сильной оппозиции партии У. Чавеса, справиться с которой не удалось, что немедленно сказалось на претворении этих законов в жизнь. В 2011 г.,

например, У.Чавес объявил о программе демаркации и выдаче в апреле-августе 2012 г. документов «на владение» землей (так называемых «титулос») 64 индейским территориям. Вряд ли, однако, это было реально сделать из-за элементарной невозможности действовать с такой скоростью. Тем более, что эта работа так и не была проведена за предшествовавшие 12 лет (в 2005-2012 гг. общинам было выдано только 66 документов-титулос). Всего, как отмечается правозащитниками, за 11 лет с начала действия новой конституции было демаркировано лишь 2,4% территорий индейских народов и общин. В итоге индейцы часто демаркировали их сами, как это сделала маленькая община тимоте в горах Мерида, которая пригласила представителей местного университета, так и не дождавшись приезда официальных чиновников¹¹⁹. Но ведь мало демаркировать, надо это еще и узаконить.

В целом, можно уверенно утверждать, что процесс демаркации развивается медленно: его сознательно тормозят как правительственные круги, так и местные власти, а также военные круги, опасющиеся автономии индейских общин в пограничных районах, крупные землевладельцы, и, разумеется, горнорудные компании. В итоге процесс идет совсем не так, как на том настаивали индейцы. В приграничных районах, например, стремление государства усилить над ними контроль и освоить их природные ресурсы привело к наплыву разного рода специалистов и созданию военных баз. Тем не менее военным так и не удается до сих пор пресечь незаконную экономическую деятельность и наркоторговлю, хотя это и объявлялось основной их целью. Более того, сами военные активно участвуют в таких видах деятельности, вплоть до собирания принудительной дани с индейцев. Например, в штате Амасонас открыто присутствуют группы колумбийских боевиков (FARC), безнаказанно осуществляющих эту самую незаконную экономическую дея-

тельность (добыча полезных ископаемых, торговля). Так, под их контролем находятся добыча золота и торговля бензином. Сообщений о том, что военные с этим хотя бы пытаются бороться, нет. Как нет и информации об успехах в деле развития образования и здравоохранения на тех же территориях. Тем более, что индейские земельные требования эти оппозиционные президенту круги и правительство в целом воспринимают как потенциально опасные: ведь индейцы могут фактически и с полным правом на основании той же самой конституции претендовать на треть территории страны. И выданные индейцам «титulos» в итоге дают лишь право на использование отдельными общинами занимаемых земель. И только.

Стоит ли после этого удивляться, что в штате Амасонас, например, вопреки ожиданиям, претворение указанной правительственной программы в жизнь свелось к произвольному сокращению занятых индейцами земель? Естественно без консультаций с жителями. В итоге территория, занимаемая, скажем, группой хотя, была урезана на 42%. Официально к августу было выдано 23 документа на право собственности. Но индейцы юкпа, живущие в западных горах Периха, вообще отказались принимать такой документ, выданный им в 2011 г., поскольку их не поставили о нем в известность заранее и они понятия не имели о границах закрепляемых за ними земель. Им даже соответствующие карты никогда не показывали. И, в конечном счете, вместо сплошной территории им предоставили три отдельных. Интересно и то, что за всей шумихой вокруг выдачи титулос, раздутой прессой, было забыто, что права так называемых третьих лиц на землю, приобретенные до начала демаркации, нерушимы. И государство права этих третьих лиц всячески защищает, несмотря на лозунги. Эти третьи – крупные помещики, средние и мелкие землевладельцы (самозахватом оккупировавшие до того традиционно занимавшиеся

теми же, например, юкпа земли), госпредприятия и иностранные фирмы, приобретшие концессии на добычу сырья. Известны случаи, когда индейцы годами ждут возвращения им земель (например, каринья на востоке страны), которые, несмотря на выданные титулос, остаются оккупированными¹²⁰.

Надо также учитывать, что даже личные распоряжения президента часто просто не выполнялись местными властями. Явно с их соизволения на тех же юкпа эти самые «третьи» устроили настоящую охоту, истребляя их лидеров, за 2012 г. было убито 6 человек. А в марте 2013 убит еще один лидер индейцев юкпа, касик Сабино Ромеро, и ранена его жена¹²¹. Еще один, потому что в своей семье он стал жертвой не первым (так же погиб его отец и еще несколько родственников). Просьбы к властям обеспечить его безопасность, подававшиеся ранее, остались без ответа. По делу были задержаны 5 полицейских, но искали только исполнителей, а не вдохновителей преступления¹²². То, что вдохновителями были местные крупные скотоводы, явствует из факта, что на сыновей касика, уже после его гибели, также были совершены покушения. Как заказчики, так и исполнители всех этих убийств остались безнаказанными. Дела даже и не расследовались.

Под давлением скотоводов и латифундистов, юкпа были возвращены не все их земли (как это было обещано), а гораздо меньшая территория. К тому же разделенная, как было отмечено выше, на три изолированные части. Вопрос упирается в деньги: по закону положена компенсация незаконным владельцам, индейцам платить нечем, правительство делать это не торопится. Кстати, деньги, выделенные по распоряжению У. Чавеса для выкупа собственности у помещиков, оккупирующих земли юкпа, таинственным образом куда-то «испарились»¹²³.

Были попытки юкпа самовольно оккупировать помещичьи земли. И, как и положено, армия была брошена в район защищать отнюдь не индейцев, а местных помещиков. Военные не остановились перед стрельбой по женщинам, две из них получили ранения. А вот в медицинской помощи им было отказано. Юкпа добрались до Каракаса, долго ждали приема у вице-президента (ныне уже и президента) Н. Мадуро, которому предъявили петицию о пересмотре данного им титуло о выкупе собственности поместий и парцелл и судебном расследовании убийств и насилий. Получили ли они хоть какой-то конкретный ответ? Никакого.

В штате Боливар, где индейцы требуют демилитаризации зоны их расселения, в 2012 г. старый конфликт между нелегальными старателями и военными (осуществлявшими незаконные поборы с индейцев) с одной стороны, и индейцами пемон с другой, привел к разоружению 19 силовиков, и завершился арестом 4 индейских лидеров, протестовавших против призыва солдат. При этом сугубо гражданских лиц, по заявлению адвоката, обвиняли в военных преступлениях. Для освобождения индейских лидеров потребовалось личное вмешательство У. Чавеса¹²⁴. Таким образом – и в Венесуэле, как и в других странах, налицо очевидные попытки определенных кругов «криминализировать» индейские протестные акции, объявляя их участников преступниками, террористами.

Индейцы штата Боливар сильно затронуты также деятельностью мелких старателей, начавших массово действовать здесь с 2000 года. Золото они, как и в соседних странах, добывают, применяя ртуть. В 2010 г. индейцы, обитающие на реке Каура, попросили ученых изучить состояние рыб – главного для них продукта – на месте. Предварительный анализ показал заражение рыбы ртутью в размере 1,8 мг/кг (при максимально допустимой норме 0,5 мг/кг. Другой анализ, выполненный в 2011-2012 гг., выявил зара-

жение ртутью 92% населения одного из районов в объеме от 2 мг/кг до 10 мг/кг (у 7,2% обследованных заражение превышало среднедопустимую норму в 10 раз)¹²⁵. Добавим, что сегодня в верховьях Кауры активно работает вооруженная колумбийская мафия. В ее составе тысячи нелегальных «добытчиков», которые поддерживают прекрасные отношения с национальными вооруженными силами, а их так называемые «операции» лишь способствуют процветанию нелегальных практик. Когда индейцы пытаются довести до сведения властей факты этих нарушений – их не принимают нигде, включая Министерство по делам индейцев¹²⁶.

Нелегальные старатели из Бразилии также активно действуют, по крайней мере, с 2009 г., например, на верхнем Ориноко. В 2012 г. там было объявлено об уничтожении бомбой, сброшенной с вертолета старателей, общины яномами в 80 человек. Опрошенные видели одну из причин в том, что, устав от незваных гостей, яномами обратились за помощью к солдатам. Старатели успели раньше. Отправленная на место через несколько месяцев правительственная комиссия во главе с министром по делам индейцев Нисией Мальдонадо после расследования заявила, однако, что не нашла никаких доказательств происшедшего, что все это было выдумкой, изобретенной оппозиционерами. А У. Чавес на основании выводов комиссии даже высказался против представителей прессы, публикующих лишённые оснований материалы. Дело было закрыто. Есть только одна деталь: комиссия, как выяснилось, вообще не побывала на месте происшествия, предпочтя пребывание в столице муниципалитета и ее окрестностях, и свои «веские» заключения сделала издали. Несмотря на просьбы индейцев о проведении более тщательного расследования насилий старателей, правительство так и не сделало официального заявления по теме. И не ответило на просьбы индейцев. И это, кстати, на фоне того факта, что президентским декретом №

269 запрещена любая горнодобывающая деятельность на территории штата Амасонас¹²⁷.

Добавим также, что благодаря созданному при У. Чавесе Социалистическому институту рыболовства и сельского хозяйства индейцы-рыболовы сегодня не могут так обеспечивать себя продукцией рыболовства, как делали это раньше, поскольку методы этой организации позволяют производить сверхвылов рыбы, да еще и круглогодично, лишая индейцев источника существования¹²⁸.

У. Чавеса считают сделавшим как никто много для индейцев Венесуэлы в смысле признания их прав и введения в правительство и т.д. Он любил при случае подчеркнуть и свое индейское происхождение, дабы заручиться поддержкой аборигенов. Индейцы массово и искренне участвовали в событиях, связанных с его похоронами¹²⁹. И они до сих пор вспоминают его с благодарностью: общины были обеспечены электричеством, вплоть до строительства солнечных батарей, телефонной связью, для приречных жителей поставлялись лодочные моторы, топливо за государственный счет для нужд транспорта. Индейцам дали возможность развивать собственные проекты сельского хозяйства, рыболовства, ремесел. В некоторых случаях государство предлагало стратегии, альтернативные горнодобывающим: сельское хозяйство, скотоводство и туризм, как в штате Сулия. Были введены в действие программы по ликвидации неграмотности и здравоохранению, строились школы, выделялись стипендии студентам, общинам поставлялись грузовики, хотя в условиях отсутствия хороших дорог это мало что давало.

Но снижения уровня бедности в результате всех этих реформ добиться не удалось, так как теперь общины вынуждены работать для оплаты того же электричества, а возможностей эту работу найти – крайне мало. Кто-то получает государственные зарплаты, но большинство должно как может изыскивать средства к существованию. В дельте

Ориноко плотина на одном из рукавов дельты, построенная для «экономического развития», только нарушила экологическое равновесие, что привело к истощению природных ресурсов и как следствие к недоеданию среди населения и вынужденным миграциям в города.

Наконец, У. Чавес допустил, на наш взгляд, серьезную ошибку, декларируя создание унифицированных индейских общинных советов по всей стране. При этом не было принято во внимание, что социальная организация различных индейских наций весьма разнообразна. В одних случаях такие советы были восприняты как нечто естественное, в других, как, например, у варао дельты Ориноко, вызвало оппозицию советам со стороны традиционных властей – касиков (вождей), советов старейшин и шаманов. В задержках с реформами индейцы винят, однако, прежде всего, коррумпированную бюрократию, саботировавшую решения президента, и оппозицию, поддерживаемую средствами массовой информации.

Таково мнение французского журналиста М. Лемуана, с которым мы склонны полностью согласиться, поскольку оно основано на интервьюировании коренных жителей¹³⁰.

Описанные выше события (происшедшие именно в правление У. Чавеса, о которых он не мог не знать, но, очевидно, получал недостоверную информацию) показывают, что на деле с решением проблем индейских культур в Венесуэле дело обстоит не так радужно, как хотелось бы, а декларативное принятие каких-либо законов, при всех благих намерениях, увы, еще не есть гарантия их выполнения. Ведь саботаж со стороны как части бюрократического аппарата, так и оппозиции в течение всего периода правления У. Чавеса очевиден. И как следствие, значимого улучшения положения индейцев за это время не произошло. За редкими исключениями, которые лишь подтверждают общее правило.

В данном случае имеется в виду ситуация, сложившаяся в общине тимоте в штате Мерида. Община эта продолжает жить на землях предков с незапамятных времен, что для Венесуэлы редкость. Хотя часть земель и была захвачена колонистами, оставшаяся территория, расположенная высоко в горах, была непривлекательной для них, это помогло сохранить и традиционную культуру, хотя и в реструктурированном виде. Дело в том, что тимоте включили в свои практики элементы креольской культуры, но только те, которые сами же тщательно отобрали и подстроили под себя, что и помогло им избежать полной аккультурации. Трансформации в общине, численность которой не превышала тогда 100 человек, начались с возвращением из города одного из будущих лидеров, Ф. Рамиреса, убедившего односельчан создать никогда до того не имевшуюся ирригационную систему. Имея контакты с организацией, ныне именуемой Национальным институтом сельского развития, он добился предоставления необходимого оборудования и материалов. Строительству всячески пытались мешать некоторые местные деятели, рассчитывавшие, что индейцы устанут от бедности, и их удастся уговорить продать оставшуюся у них землю. Не получилось. Ирригация же позволила диверсифицировать посевы, и получать продукцию не только для собственного потребления. А в 1988 г. удалось присоединиться к проекту по улучшению условий жизни в соседнем креольском поселке и провести электричество. Затем, вплоть до 2006 г. длилась эпопея с прокладкой к поселку шоссе, вся община также работала на строительстве, а финансовую помощь удалось получить благодаря выборам в местные органы власти в начале века, после прихода к власти Чавеса (когда на местах шла активная борьба за голоса избирателей).

Добившись, таким образом, экономической стабильности, ибо излишки продуктов успешно сбываются в соседних

селениях и в ближайшем городе, община задумалась о делах культурных: построили школу. Теперь на повестке дня – хотя бы частично восстановить почти исчезнувший язык тимоте.

Официальную регистрацию в качестве общины тимоте прошли в 2004 году. Однако они так и не дождались до сих пор официальной демаркации земель. В итоге провели ее сами с помощью сотрудников университета штата. Только вот законной силы такая самодемаркация не имеет. А нельзя не учитывать тот факт, что после всех произведенных улучшений земля тимоте имеет экономическую привлекательность.

Данный пример показывает, что в отдельных случаях при благоприятном стечении обстоятельств и хорошей мобилизованности можно добиться улучшения положения общин. Но очень многое зависит от позиции в первую очередь местных властей¹³¹. А они, например, как в случае с юкпа, могут попросту саботировать решения центральной власти, средства, выделяемые на выкуп земель, могут исчезнуть по пути к месту назначения.

Нынешний президент Венесуэлы, Н. Мадуро, пришел к власти, кстати, во многом благодаря поддержке муниципалитетов с преобладающим индейским населением. Но это, что весьма символично, практически совпало со смертью видного деятеля ордена иезуитов Х. М. Корты, на протяжении 40 лет боровшегося за права индейских народов Венесуэлы. Он работал в Амазонии, основал Индейский университет, известный своими требованиями преподавать среди индейцев с учетом индейской идентичности и традиционных ценностей и выступлениями в защиту от притеснений индейцев юкпа. Это печальное событие, надо полагать, также отразилось на индейской политике нового правительства, перешедшего к еще большему, чем при Чавесе (преемником которого оно себя объявляет), торможению в осу-

ществлении прав индейцев. К тому же появился и новый предлог – очередное обострение отношений с США, а также падение цен на нефть, что не может не сказаться на правительственных программах, да уже и напрямую сказывается.

С приходом к власти Н. Мадуро в 2012 г., согласно уже установившейся традиции, в Министерство по делам индейских народов, созданное в 2007 г. и с тех пор управлявшееся индейцами, в 2013 г. была назначена новая министр – вайуу Алоха Нуньес. Следует, однако, отметить, что до сих пор продолжают задержки с декларированной демаркацией земель, не принят проект закона о согласовании государственного и традиционного индейского законодательства, т.е. о границах и формах соединения государственной и индейской юрисдикции, разграничении полномочий между ними, все еще не создан индейский совет ремесленников и т.д. Координационному центру индейских организаций штата Амасонас, в ходе попыток наладить диалог с правительством по проблемам добычи сырья, позитивных результатов добиться также не удалось, хотя и наместились некоторые сдвиги в области здравоохранения¹³².

В наследство от У. Чавеса стране остался Второй Социалистический план экономического и социального развития нации, так называемый План Родины, рассчитанный на период 2013-2019 гг., реализовать который и предстоит Мадуро. В отношении индейцев он предусматривает важные меры по защите прав человека, включение индейцев в национальную жизнь и рост их благосостояния. Среди прочего предусматривается ускорение процесса демаркации индейских территорий посредством вручения документов о праве на землю общинам, гарантии предоставления достойного жилья членам общин, находящимся «в состоянии уязвимости», с учетом их культуры и традиций. Кроме того, намечено стимулирование подготовки кадров и финансирования производственных объединений в общинах, расширение

присутствия в общинах больших социалистических миссий при абсолютном уважении местных обычаев, традиций, культуры, форм организации и прочего наследия предков. А также развитие межкультурного двуязычного образования в целях сохранения индейских языков, стимулирование общинной организации на основе создания сорока индейских социалистических общин к 2019 году. Вместе с тем план, наряду с упором на модель развития по принципу так называемого экосоциализма предусматривает и значительный рост добывающего сектора. Но как раз это и составляет постоянную угрозу правам человека для индейских обществ в связи с постоянными экологическими угрозами. И вообще, программа кажется прекрасной, но что-то подобное уже не раз провозглашалось и в других странах (см. выше пример Эквадора в правление Коррейи), только всегда так и оставалось на бумаге¹³³.

В марте 2013 г. было выдано 14 документов о демаркации индейских земель, таким образом в целом из 128 запланированных правительство формально исполнило на тот момент 80 (за период с 2001 по 2013 год), а должно было все это осуществить за 2 года (с момента принятия конституции в 1999 г.). К тому же, в большинстве случаев демаркация – результат последствий так называемой самодемаркации, а многие общины просто не могли ее провести своими силами, так что для них земельный вопрос остается открытым¹³⁴.

Еще в 2006 г. было создано Управление по здравоохранению для индейцев, однако в 2010-2013 гг. в результате министерских перемещений оно оказалось на грани упразднения. После смены министра здравоохранения страны ситуация, похоже, налаживается. О том, насколько она пока что далека от желаемого, показали данные, собранные организацией яноама Хоронами: на 2013 г. смертность среди яноама почти в 10 раз превышала среднюю по штату Ама-

сонас главным образом из-за инфекций, при дефиците медперсонала, медикаментов и средств транспорта.

Что касается защиты окружающей среды (при всем провозглашенном правительством так называемом экологическом социализме) и самих индейских групп, то можно отметить следующее: в штате Сулия, его правительство и министерство электроэнергетики объявили о расширении угледобычи и строительстве одной ТЭЦ. Этот проект, в частности, затронет территории 4 индейских народов, включая вайуу и опять же юкпа. Общественные и индейские организации призвали чиновников соблюдать такие установленные законом процедуры, как разработка альтернативных проектов, предварительные консультации с индейским населением и исключение зоны гор Периха (места обитания юкпа) из всех проектов. Однако, судя по тому, что местные власти обо все этом заранее «забыли», делать они что-то в этом направлении вряд ли будут. В марте 2013 г. Координационный комитет индейских организаций Амазонии (COIAM) публично выразил озабоченность планами правительства по реализации проекта 2011 г. о создании добывающей зоны на Ориноко¹³⁵ и соответствующего договора 2012 г. на эту тему с китайской ТНК. Комитет выступил против реализации проекта без предварительных консультаций. Тем более, что китайцы, согласно планам правительства, должны в массовом порядке прибыть в регион еще до окончательной демаркации индейских территорий, а индейцы не желают, чтобы проект затрагивал их земли. В июне делегация прибыла в Каракас, где высказала свои тревоги и предложения в различных инстанциях, в т.ч. международных. Однако она, что опять-таки показательно, не была принята ни вице-президентом, ни министром по индейским делам. На время публикации Ежегодника IWGIA 2014 г. о каком-либо ответе правительства не было известно.

Обострилась и ситуация с нелегальным старательством. На реке Каура продолжали действовать бразильцы, колумбийцы и гайанцы, но также и собственно венесуэльцы и даже индейцы, прибывшие туда в поисках средств к существованию. Вот именно против этих последних, и только против них, была направлена спецоперация вооруженных сил «Арекуна», дабы пресечь незаконное старательство. В знак протеста индейцы похитили 43 военных. Их освободили через два дня, после переговоров с губернатором штата и министром по делам индейцев. Заключенное соглашение предусматривает: разрешение добычи золота на территории индейцев пемон под контролем индейских властей, прекращение военной операции, поставки продовольствия по рыночным ценам и восстановление полетов транспортной авиации. Индейцы теперь имеют возможность заниматься кустарной добычей золота и алмазов (что, кстати, вообще-то прямо нарушает действующее законодательство, но хорошо демонстрирует, насколько законы могут быть «гибкими», если на власти «надавить»).

Продолжается активный рост числа нелегальных старателей из Бразилии и Колумбии в штате Амасонас, особенно на землях яноама, приводя к продолжающемуся росту насилия и эпидемий, загрязнению рек и истощению земель. Призывы яноама к правительствам Венесуэлы и Бразилии принять меры к искоренению на их землях нелегалов, похоже, по-прежнему никто не слышит.

Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН на сессии 2013 г. выразил озабоченность ситуацией яноама и призвал государство усилить меры по его защите, рекомендовав провести тщательное расследование всех случаев насилия над индейцами. Была высказана и озабоченность состоянием дел с индейской юрисдикцией¹³⁶.

Характерным показателем того, что процесс решения основных проблем индейцев, несмотря на некоторое улуч-

шение их положения при У. Чавесе, еще далек от завершения, является увеличение количества «городских индейцев». Рост этой категории населения есть следствие не только продолжающегося, хотя бы и вопреки всем правительственным постановлениям, сгона их с традиционных земель, но и того, что эти земли в нынешнем объеме не могут их прокормить. Те же вайуу, крупнейшая индейская нация Венесуэлы, еще сохраняют 12 традиционных общин, но более 80% всех вайуу живет сегодня вне зоны их традиционного расселения на засушливом полуострове Гуахира. Большая часть из этих отселенцев – горожане, свыше 27% из них уже утратили родной язык. Культура вайуу, хотя и сохраняет свои основополагающие черты, сегодня уже достаточно сильно трансформирована. В города вынуждены бежать и варрау дельты Ориноко – из-за разрушения окружающей среды, вызванного нефтедобычей и постройкой неизвестно зачем плотины в устье Ориноко, что привело к засолению почв и уменьшению количества рыбы – традиционного источника питания. И такое положение вынужденной миграции в поисках элементарных средств к существованию (включая помощь остающимся на месте) характерно для многих групп.

Что ждет их в городах? Работа по найму (у тех, кто ее найдет) или попрошайничество, жизнь в буквальном смысле на улицах или в трущобах. Власти на положение этой категории жителей внимания не обращают. Очень характерно в этом смысле положение индейцев гуахибо из льяносов Венесуэлы и Колумбии, каждый год совершающих миграции в штат Боливар и соседние с ним с территорий своего расселения, которые прокормить их не в состоянии. И если где-то часть года они работают на плантациях, то, например, в г. Сьюдад-Боливар копаются на мусорных свалках, выбирая стекло и алюминий для последующей продажи (или, как это теперь красиво называется, утилизации), оде-

жду и обувь для последующей носки и т.п. Их называют «новыми собирателями», поскольку именно собирательство наряду с охотой и рыболовством испокон веков было их традиционным занятием. Теперь в природе им заниматься мало где можно, вот и перешли они к собирательству в «культурных», искусственно созданных, зонах. Живут они в это время (от нескольких недель до нескольких месяцев) в бараках, сложенных из того же мусора, рядом со свалками. О какой-либо санитарии говорить, понятно, не приходится, как и о соответствующем медицинском обслуживании, которого просто нет. И это при том, что на свалках же иногда «добывается» и недостающее съестное, тут же и потребляемое, в том числе детьми, ибо приходят туда семьями. Отсюда, большое количество страдающих диареей, отравлениями и т.п. Занятие это стало уже традиционным, им занимаются, кстати, и некоторые креолы, но у тех «ассортимент» больше (картон, пластик), поэтому конкуренции не возникает¹³⁷.

На основании изложенного можно заключить, что индейская культурная политика партии У. Чавеса, при всех ее, надо отметить, несомненных достижениях, страдала и страдает как от некоторой собственной сумбурности, так и от саботажа ее оппозиционными силами.

В заключение рассмотрим ситуацию с индейскими группами, относимыми к изолированным.

В Венесуэле, в отличие от соседних стран, не имеется как таковых индейских народов, живущих в добровольной изоляции. Но есть группы, пребывающие в относительной изоляции и имеющие лишь ограниченные контакты с соседним населением с целью сохранить традиционные формы жизни. Таковы группы или общины, относящиеся к трем народам: хотя, яноама и пиароа на юге страны, в штатах Амасонас и Боливар¹³⁸.

Контакты хотя с венесуэльцами начались лишь в 60-х годах XX в., благодаря тому, что зона их обитания геогра-

фически крайне изолирована. Осуществлялись они чаще опосредовано, через другие индейские группы, но с 1969 к ним начали проникать миссионеры-протестанты из организации «Новые племена» (MNT, США), что привело к резким изменениям в их жизни. Контакты еще более расширились после основания католической миссии в 1983 году. Миссии привлекали к себе орудиями, медицинским обслуживанием... Затем пришли ученые, далее горняки, туристы, а с 2006 г. военные¹³⁹. Так что сегодня относительную изоляцию (но при активных контактах с внешним миром через посредников) удается поддерживать лишь отдельным мелким группам хоти.

Контактам яноама с миром «белых» более 200 лет, но им удавалось оставаться в относительной изоляции в ряде районов-убежищ до 1950-х годов. Первыми там обосновались миссионеры, а с конца 80-х началось массовое вторжение старателей со всеми сопровождающими их «прелестями» в виде насилий и грабежей. Затем последовал приход военных, которых также никто в отношении индейцев и их культуры не инструктировал. В труднодоступных районах еще сохраняется несколько групп яноама, живущих хотя и не в полной изоляции, но без прямого контакта с неиндейским миром¹⁴⁰.

Пиароа, вступившие в первые спорадические контакты с европейцами в XVII-XVIII вв. (миссионеры-иезуиты), в начале XX в. подверглись воздействию каучукового бума и ушли в труднодоступные места. В 40-50-х годах прошлого века контакты усилились после возникновения Пуэрто-Аякучо и появления миссионеров (MNT и салезианцы)¹⁴¹. Остались лишь небольшие группы в относительной изоляции в верховьях притоков Ориноко.

Сегодня южные хоти, традиционно наиболее изолированные, все более подвергаются натиску нелегальных старателей, своих и иностранных. В 2008 г. хоти не раз выра-

жали недовольство присутствием военных на своей земле (насилия над женщинами, внедрение спиртного и др.), властями было проведено формальное разбирательство, но до наказаний дело не дошло. Жалобы же на вред от действий нелегальных старателей чиновники не рассматривали, отговариваясь тем, что не могут доставить в столь изолированный район специальную комиссию: нет средств, транспорта...¹⁴².

То же можно сказать о яноама, но на их землях присутствие нелегалов огромно, а контролировать этот поток правительства Венесуэлы и Бразилии не могут, да похоже, и не очень стремятся. Поэтому не только вред, наносимый экологии, но и уровень насилия здесь очень велик. Если даже и начинают расследовать какой-то случай, то с большим опозданием и «спустя рукава». Отсюда и результатов, как правило, никаких. Между тем, среди яноама 80% населения даже не имеет доступа к медицинскому обслуживанию (20% – это общины, близко расположенные к миссиям и другим центрам). В последние годы ситуация начала улучшаться благодаря введению системы регулярных визитов врачей в отдаленные районы, подготовке медперсонала на местах, вакцинациям, помощи транспортом со стороны венесуэльских ВВС, расширению сети медицинских учреждений в регионе¹⁴³. Есть и проблемы начиная с 2005 г. с присутствием в регионе военных, которые, как бы ни утверждало правительство, совершенно не подготовлены к тому, чтобы с уважением относиться к индейской культуре (это касается и баз на территории других народов, результатом чего тоже стал рост напряженности).

Пиароа наиболее вовлечены в контакты с доминирующим обществом, однако им удается сохранять свою традиционную культуру (частично в близких к городским центрам в более полном объеме – в удаленных общинах). Их общины, однако, сейчас изменяются в сторону укрупнения.

Пиароа также наиболее активны политически – регулярно организуют «конгрессы пиароа» (с 1984 г.), на которых обсуждают вопросы общинной жизни. Есть у них и свои организации по защите прав, например, парламент пиароа и производственные (Медовая компания), они стали одними из организаторов в 1998 г. политической ассоциации Полиэтнический индейский народ штата Амасонас. Основные их конфликты с внешним миром связаны с проблемой натиска землевладельцев (помещиков и мелких собственников) на их территории, самовольным вторжением ученых и туристов в священные для них места. Нелегалов-старателей там пока замечено мало, и то на землях по соседству. Остаются, как и везде, и проблемы со здравоохранением¹⁴⁴.

Главное, что сейчас необходимо для сохранения нормального для образа жизни этих народов – выполнение в полном объеме постановлений венесуэльского законодательства (что, как видно из вышеизложенного, в современных условиях страны не так-то просто осуществить). Требуется особое внимание со стороны властей к вопросам земельной собственности, здравоохранения и пресечения деятельности старателей, а также создание в стране полноценного информационного поля по индейским проблемам. Впрочем, это касается не только изолированных групп¹⁴⁵.

ЮЖНЫЙ КОНУС

Аргентина

В этой стране официально индейцев в процентном отношении гораздо меньше, чем в андских странах и даже на севере Южной Америки (согласно официальным данным – 1,6% населения, 30-35 наций по разным источникам). Более 600 тыс. человек, таким образом, считают себя лицами, происхождением или принадлежностью связанными с той или иной индейской нацией. Впрочем, индейские лидеры называют эту цифру заниженной, и, скорее всего, справедливо, как из-за недостатков самих методик подсчета, так и по причине большой доли городского населения среди коренных жителей. Кроме того, до сих пор есть районы, где индейцы боятся признавать себя таковыми, помня прежние усилия правительства по их истреблению в XIX в. и декультурации и деэтнизации в веке XX. Поэтому оценивают численность индейского населения в целом по-разному, от 800 тыс. до 1 млн человек. В частности, национальный институт по делам индейцев (INAI) предполагает наличие в стране 858,5 тыс. индейцев, что составляет 2,32% от общей численности населения страны¹⁴⁶. Основная проблема коренных народов Аргентины – добиться территориальной и культурной автономии. Последняя особенно актуальна, поскольку индейцы здесь давно деэтнизированы в куда большей степени, чем, например, в андских странах. Это касается как утраты языков (большинство индейцев Аргентины сегодня испаноязычны), так и традиционной культуры в целом. Так, лишь в шести индейских нациях страны (из них только две крупные: вичи – 40 тыс., тоба – 60 тыс.) родным языком владеют более 50% населения, и только в трех (ви-

чи, чóроте и пилагá) на родном языке постоянно – дома и среди своих близких – общается большинство населения.

В данном списке мы не видим таких крупных народов, как арауканы/мапуче (113 тыс. человек), колья (70 тыс.), диагиты (31 тыс.) и гуарани (44 тыс.). На мапудунгун, языке мапуче, в Аргентине сегодня реально говорит лишь порядка 40 тыс. человек¹⁴⁷. Это тоже результат декларированного, но не претворенного полноценно в жизнь двуязычного образования. Оно в Аргентине, насколько можно судить по имеющимся источникам, развито крайне слабо, а там, где оно все же есть, является результатом или давления на правительство соответствующих индейских групп, или прямой заинтересованности местных властей: такое образование было налажено, например, на территории двух общин ранкелей в провинции Санта-Крус.

Даже при наличии желания сделать все, как лучше, на практике дело упирается в кадры: так, еще в конце прошлого века усилиями ученых, служителей церкви и энтузиастов попытались обустроить одну общину гуарани-мбья в провинции Мисионес. Там наладили инфраструктуру, построили школу. Но преподавателей не нашлось, их пригласили из Парагвая. В итоге школьники изучали не родной язык, а йопару, т.е. парагвайский гуарани. Проблема, конечно, не только в кадрах, но и в частом нежелании правящих кругов понять, что это самое двуязычное образование действительно нужно. К тому же любая акция, направленная на развитие индейской культуры, должна пройти множество инстанций прежде, чем будет разрешена (если вообще будет). Кроме того, а в чиновной среде особенно, существует мнение, что все индейцы в Аргентине – не коренные жители, а потомки вторгшихся из соседних стран, и даже если какие-то остатки своей культуры сохраняют, то поддерживать их незачем, ибо эта культура не аргентинская. Так, в недавнем исследовании аргентинского антрополога отмечено, что в

провинции Санта-Крус ей прямо заявляли, что никаких индейцев-теуэльче (коренных жителей) там нет, а те, кто есть – захватчики-мапуче из Чили. Причем заявляли это не только обыватели, но и ученые мужи¹⁴⁸.

Попытки индейцев решить свои проблемы с помощью международных организаций наталкиваются на сопротивление властей на том основании, что они угрожают национальным интересам в пользу международных (!). Поддержка же культуры индейцев на местном уровне часто связана с нацеливанием на использование ее преимущественно в туристском бизнесе. Кроме того, чтобы рассчитывать на какую-либо помощь от властей, надо предварительно получить статус именно индейской общины, а это очень сложная процедура. Так что и здесь можно говорить, что реально индейской государственной политики в сфере культуры в Аргентине практически нет, и, как и в Перу, все зависит от случая. Особенно принимая во внимание децентрализованный характер государства при большой роли губернаторов. При этом необходимо учитывать еще одно обстоятельство: в Аргентине, как и в других странах Латинской Америки, понятия «индеец» и «общинник» практически равнозначны. А это приводит к тому, что индейцы, живущие в городах (а таких сегодня в Аргентине большинство), общин, с точки зрения властей, образовывать не могут. У них есть только ассоциации, хотя реально общины и существуют (многие общинники из сельской местности вынуждены жить в городах из-за малоземелья, но связи с родственниками в деревнях сохраняют). У ассоциаций же никаких особых прав быть не может, к какой бы сфере культуры это ни относилось.

Общинные земли весьма привлекательны для горнодобывающих компаний (особенно в Патагонии, где в последние годы произошел нефтегазовый бум), а также крупных сельскохозяйственных производителей, развернувших настоящее наступление на остатки аргентинских лесов ради

расширения посевов трансгенной сои и пастбищных площадей. В результате, даже те индейские группы, которые ранее могли свести до минимума внешние контакты, просто уйдя в лес, лишаются последнего прибежища. Что в данном случае останется от их культуры – вопрос риторический¹⁴⁹.

Только этими акторами натиск на индейские земли не ограничивается. Например, в 2010 г. произошел конфликт индейцев тоба в провинции Формоса на севере Аргентины с местным университетом, который самовольно присвоил себе под застройку часть общинной земли. Разумеется, вмешалась полиция и, разумеется, действовала она именно против индейских «нарушителей порядка», в итоге при их разгоне один человек погиб. По случаю 200-летия независимости Аргентины 25 тыс. индейцев из разных провинций маршем пришли в Буэнос-Айрес, представив президенту Кристине Киришнер письменные требования относительно устранения дискриминации (в том числе в сфере образования) и справедливого решения земельного вопроса. Их делегация была принята президентом. С ответом на требования, однако, не торопились, если не считать заявления президента о создании еще одного комитета по регулированию вопросов общинной собственности, которую различные организации уже двести лет как «регулируют». Кроме того, был создан Национальный регистр организаций индейских народов в целях придания им юридического статуса. Зарегистрированные организации (но лишь они) имеют теперь право выступать не только на локальном, но и на национальном уровне, как представители своих народов в их целостности. Но надо учитывать, что индейские инициативы в конгрессе наталкиваются на то простое обстоятельство, когда существующие законы просто систематически нарушаются, прежде всего, вследствие противодействия властей на местах.

Участие служб безопасности в операциях по «очистке» индейских земель от их жителей с учетом продажи огромных земельных участков иностранцам или сдаче их в концессию вплоть до убийств индейских лидеров и других насильственных действий против безоружного населения — тоже факты современной аргентинской действительности¹⁵⁰.

Разумеется, программы помощи индейцам, финансируемые отдельными организациями, церковью или частными лицами существуют. Но их основная цель — не сохранение индейской культуры как таковой, а приспособление ее к рынку, и заодно предоставление коренному населению в виде «культуры» того, чего его лишают в плане экономическом (т.е. предлагается отдать землю в обмен на образование, здравоохранение и т.п.)¹⁵¹.

Уникальный поворот событий произошел в смысле культурной политики в провинции Коррьентес в 2004 г., но он, увы, не имеет никакого отношения к индейцам (там, насколько нам известно, пока не зарегистрировано ни одной индейской общины), хотя и связан с индейским по происхождению языком. За недостатком информации с места трудно судить о причинах, его вызвавших, но факт остается фактом. В 2004 г., по инициативе местных властей в провинции, наряду с испанским в качестве альтернативного официального языка был провозглашен и гуарани (соответствующий закон вступил в силу в 2005 г.). При этом совершенно неизвестно, сколько же человек им владеет (оценки разнятся от 100 тыс. до 1 млн человек) и в какой степени, хотя есть сведения, что и в соседних провинциях (Формоса, Мисьонес, Чако) им тоже пользуются. Можно усмотреть в этом воздействие того факта, что гуарани (парагвайский) признан одним из официальных языков МЕРКОСУР. Но здесь есть любопытная особенность: во-первых, речь идет, как и в Парагвае, о креольском, т.е. сильно испанизированном, гуарани, на котором общается между собой часть

именно «белого» населения; а во-вторых, язык был использован в качестве местного националистического лозунга – в Коррьентес утверждают, что их гуарани не парагвайский, а более древний и «чистый», так как парагвайский-де подвергся влияниям мигрировавших в страну в позапрошлом веке, после войны Тройственного союза, индейских групп, а «коррентино», т.е. местный гуарани, якобы нет. Насколько реально гуарани будет использоваться в провинции с учетом причин, вызвавших к нему интерес, говорить преждевременно. Хотелось бы надеяться, что это начало получит продолжение в других провинциях и по отношению к уже собственно индейским языкам, но пока оснований думать, что так будет, нет никаких¹⁵².

Кстати, случай в Коррьентес хорошо демонстрирует очевидную для Аргентины ситуацию: на местах все решают губернаторы. Так, в 2002 г. в провинции Неукен был издан закон, по которому представлять интересы индейских общин (оформление их документов и т.д.) могут только юридические лица, лояльные правительству. Декрет встречен в штыки не только индейцами, но даже и католической церковью. Был ли он отменен – информации нет.

А вот, например, в провинции Формоса, именно по инициативе экс-губернатора Ф. Богадо индейцам выдали документы на владение землей (титулос), так что сегодня их имеют 81% общин, тогда как в том же Неукене – всего 4%. В Формосе удалось неплохо наладить и школьное образование. Но вот со здравоохранением в общинах дела до сих пор обстоят плохо¹⁵³.

Неукен – вообще одна из самых конфликтных провинций, если касаться индейского вопроса. Вот как описывает происходившие там недавно события английский писатель Л. Рэй в книге, посвященной проблемам мапуче. В Неукене имеется 50 общин мапуче, это около 11 тыс. человек, не считая живущих в городах и пригородах. С 90-х годов и

ранее в Неукене отмечались засухи, эрозия, загрязнения воды, почв и воздуха на территории ряда общин, где ведутся активные нефтегазозаботки, заражения людей свинцом и ртутью в масштабах, вдвое превышающих допустимые, а земли общин при этом продавались правительством провинции по 300 песо за 1 га. Компания REPSOL, ведшая там работы, в целом получила 36 тыс. га, выплачивая правительству Неукена 4 млн долларов. В 2001 в результате аварии на нефтепроводе, ядовитые жидкости попали в реку Неукен. Авария была далеко не первой. Как-то надо было сбивать возникшую напряженность, и REPSOL пробовала еще с 1996 г. вести свою политику закармливания населения – финансировать проекты по образованию, музеи, библиотеки, а в 2001 г. даже организовала конкурс детского рисунка, посвященного правам детей. В День расы, 12 октября, около 20 детей от 10 до 14 лет из городской организации мапуче собрались на манифестацию перед штаб-квартирой корпорации, митингуя за признание их прав на чистый воздух, землю и здоровье. На их разгон тут же бросили 50-60 полицейских. Они провели операцию успешно. Так было показано, что городом реально управляет именно REPSOL. Независимое исследование, проведенное в двух общинах мапуче в том же 2001 г., продемонстрировало результаты ее деятельности: содержание тяжелых металлов в исследованном районе в 700 раз превосходит нормы, допускаемые национальным законодательством. Помимо вреда населению, было отмечено нарушение пищевых цепей в экосистемах. Особо опасной стала вода в реках Неукен и Рио-Негро. Кстати, эти общины, попавшие в зону нефтедобычи, живя около крупной электростанции и не имея другой воды, кроме речной, даже не знают, что такое газ и электричество. Но интереснее всего было разбирательство по поводу детской манифестации. Кого же осудило провинциальное правительство на своем экстренном заседании? Манифестантов,

так как те посмели напасть на офис столь важной для провинции компании и за... «оскорбление всем столь дорогого аргентинского флага»!¹⁵⁴.

Как относятся к мапуче власти того же Неукена, видно и из другого примера. Район Пульмари, по заявлению президента Рауля Альфонсина (1983-1989), должен был быть возвращен мапуче. Там имеется 7 общин. Часть земель им, действительно, вернули, но 110 тыс. га в 1995 г. были отданы итальянскому предпринимателю Д. Панчотто под проект создания туристического экологического комплекса для элитных туристов. Он расположен на территории священных для мапуче погребений их предков, куда они теперь не могут войти: там все огорожено металлической сеткой. Попытки мапуче протестовать вылились в серию судебных процессов против их вождей. Ведь они вступили в конфликт с очень денежными людьми. Тут же подключилась пресса, заявившая, что мапуче готовят в Пульмари «второй Чиапас». Результат очевиден. Так же происходило в Серро Капелько, где было решено устроить туркомплекс с 5-звездочной гостиницей на земле общины Курруинка. Ее протест относительно загрязнений, вызванных появлением данного туркомплекса, встретил такой находчивый ответ владельца: а сами мапуче разве не загрязняют землю своим скотом? Центр все же прикрыли именно из-за экологических нарушений в 2002 году.

Другой пример – Национальный парк Ланин, где расположены 9 общин мапуче, это их священная территория. Но теперь там круглый год гольф, мотокросс, конные и велосипедные экскурсии. Все, что нарушает хрупкую местную экосистему. Почему индейцы протестуют против такого рода туристских мегапроектов? Еще и потому, что их искусство, их текстиль, танцы, музыка используются турфирмами без их разрешения, и они еще препятствуют контактам туристов с коренным населением – «во избежание конкурен-

ции». Во имя пресловутого экономического развития земли сегодня готовы продавать в Аргентине кому угодно, выдворяя при этом индейских обитателей (надо платить госдолги). Те немногие индейцы, которые имеют какой-то доход от туризма в Патагонии (несравнимый с доходами настоящих хозяев бизнеса – иностранных собственников), нужны на своих землях разве что в качестве привлекательного для туристов антуража, индейская экзотика активно эксплуатируется туристским бизнесом, подчас в самых оскорбительных для индейцев формах. Впрочем, это легко объяснимо, если принять во внимание расизм, достаточно широко распространенный в отношении индейцев. Даже известный писатель Х. Л. Борхес в одном из своих интервью с явно расистских позиций оправдывал завоевание Патагонии в конце XIX века¹⁵⁵.

В июне 2013 г. прошел национальный саммит индейских народов и организаций в провинции Формоса, на котором были представители 115 народов страны, обсуждались земельные права, добывающая промышленность, юстиция, криминализация общества и законодательные реформы. Вручить итоговый документ саммита президенту, однако, не удалось. Между тем в нем были следующие пункты, характеризующие важнейшие на сегодня проблемы индейцев:

Территориальный вопрос. Законом была предусмотрена демаркация земель индейских общин в течение четырех лет (2006-2010 гг.), но по окончании этого срока его продлили другим законом до 2017 года. На конец 2013 г., по данным Национального института по делам индейцев (ИНАИ), из 1578 индейских общин страны только 223 (14,3%) официально разрешили свои земельные вопросы. И это – после 7 лет работы. Наибольшее количество общин – 1021 (65%) расположены в провинциях Сальта, Жужуй, Формоса, Чако и Неукен, где только 53 получили официальное признание владения своей землей (5,2%), из них в провинциях Формо-

са и Неукен (самый высокий уровень насилия против индейцев) ни одной такой общины не было, в Сальте (383 общины) – только 10, в Чако (101 община) – только 2. За последние несколько лет там было убито 15 индейских активистов при столкновениях с полицией и землевладельцами. Такая «работа», сопровождаемая к тому же фальсификацией фактов со стороны ИНАИ (для лучшего международного имиджа), свидетельствует лишь о нежелании правительства выполнять свои обязательства.

Экономический вопрос. Правительство поддерживает экстрактивистскую модель экономики, поощряя компании-производители нефти, газа, минералов, сои и древесины, что делает неизбежным их натиск на индейские земли.

Насилие. Криминализация правительственными кругами индейского движения за землю достигла угрожающих масштабов. Судебные дела заводятся буквально по любым поводам.

Реформа гражданского кодекса. Собственность индейских общин должна регулироваться особым законом.

К вышеизложенному следует добавить, что многочисленные экономические проекты осуществлялись и осуществляются с позволения государства без всяких консультаций с общинами, хотя такие консультации предусмотрены международным правом, а любые попытки сопротивляться тому же сведению лесов подавляются полицией и судами в пользу компаний. Облегчается все это тем, что закона, обязывающего государство проводить такие консультации, в Аргентине не существует. Попытки обращаться в международные инстанции для индейцев также заканчиваются ничем¹⁵⁶.

По данным на начало 2017 г. ситуация с правами индейских народов в Аргентине может характеризоваться только как категорически антииндейская (пусть это и резко, но справедливо). Доказательства: имеющиеся законы о защите

земель индейских общин не работают, продолжается кампания в СМИ, представляющая индейцев криминальными элементами, что позволяет объявить преступными любую индейскую организацию, вступившую в конфликт с властями. Те же мапуче рассматриваются ими, например, как и 100 лет назад, в качестве захватчиков продуктивных земель, разумеется, для горнодобычи и т.п., и объявляются угрозой национальной безопасности; как с ними поступают – упоминалось выше. Сняты все ограничения на продажу земель иностранцам, законы, касающиеся развития экономики в провинциях, принимаются местными властями без всяких консультаций с индейцами. ООН еще в 2015 г. осуждала аргентинские меры в отношении индейцев. Результат был, разумеется, нулевым¹⁵⁷.

Представляется, что Аргентина – еще один яркий пример государства, чья индейская политика носит чисто декларативный характер. Главный ее принцип – как можно дольше затягивать выполнение даже взятых на себя обязательств. А еще лучше – не брать их вообще.

Чили

Эта страна – также прекрасный пример несовершенства статистики, особенно когда вопрос касается коренного населения. По одним источникам, законодательно признаны 8 коренных народов, общей численностью 666 тыс. человек, по другим – таких народов 9, а население, относящие себя к одному из них на основании самоидентификации – 1369563 человек, т.е. 8% населения страны. Общая численность чилийцев по данным, приведенным в Энциклопедии РАН «Латинская Америка», вышедшей в 2013 г., на 2010 г. – более 17 миллионов.

Крупнейшими народами являются мапуче, известные как арауканы (6,9% населения страны), и аймара (0,59%), ос-

тальные – колья, кечуа, атакаменьо, кавешкар (алакалуфы), ямана (яганы), рапануйцы (полинезийцы о. Пасхи) и диагита. Численность только арауканов-мапуче оценивается в разных источниках от 570 тыс. до более 1 млн. человек. Последняя цифра более похожа на правду, так как еще по переписи 1992 г. мапуче составляли более 10% населения столицы страны, Сантьяго, т.е. более 400 тыс. человек, а это, по данным той же переписи, 44% всех чилийских мапуче.

Прочие же народы сравнительно малочисленны. Даже аймара – не более 50000 человек. Так выглядела ситуация по данным переписей 1992 и 2002 годов. Последние и весьма существенные коррективы внесла перепись 2012 г., вероятно, в связи с более точной системой подсчета. Согласно ей, все население Чили определено в количестве, несколько меньшем, чем в прежних, – 16634603 человека. А вот тех, кого относят к той или иной «этнической группе», оказалось неожиданно более 1,8 млн. чел, т.е. около 11% населения страны. Только мапуче по этим данным почти 1 млн. 509000 человек, аймара – 114000, диагита – более 45000, кечуа и колья – более 13000 каждый, полинезийцев-рапануи – 8400 человек. При этом резко упала численность атакаменьо – с 21000 до 6000. Но такое «чудо» объяснимо: в переписи 2002 г. атакаменьо, судя по всему, считались вместе с диагита, которые вообще не значились среди индейских этносов. Только в августе 2006 г. президент М. Бачелет подписала документ о признании диагитов коренным народом Чили (до того считалось, что они благополучно и давно ассимилировались). Одна существенная деталь: за диагитами не закреплена этим же документом никакая территория, что не может не быть чревато земельными конфликтами в будущем. В признании диагитов, как и в росте численности индейцев в стране в целом, можно видеть отражение того процесса политической децентрализации (усиления властей на местах), который происходит сегодня в Чили и как след-

ствии растущего внимания к групповой культурной идентичности в условиях глобализации.

Несколько сократилась, по данным последней переписи, численность двух самых малых народов, кавешкар и ямана (более 1800 и 1200 человек соответственно). Учитывая, однако, столь расходящиеся данные трех переписей (1992, 2002 и 2012), когда индейцев в период от первой до второй переписи стало чуть ли не вполовину меньше, а теперь оказалось в три раза больше, остается открытым вопрос об истинном положении вещей.

Коренные народы Чили говорят на разных языках – мапудунгун (мапуче), аймара, кечуа и др., но все они находятся под угрозой исчезновения, учитывая господствующую роль испанского языка. Есть, конечно, надежда на сохранение хотя бы некоторых, но, например, диагита, народ, недавно прошедший через реэтнизацию, давно испаноязычен. Положительными для сохранения языков событиями являются следующие: в стране с 1995 г. действует программа по межкультурному двуязычному образованию. Национальная Академия языка мапудунгун была создана в г. Темуко, одном из городов, где мапуче очень большой процент среди населения, в 2013 году, а на пять лет раньше – в 2008 г. – возникла Национальная академия языка аймара как часть программы поддержки и сохранения индейских языков. К сожалению, добиться всего этого довольно трудно. Например, из 114 тыс. аймара в Чили испанских монолингвов сегодня 70%. Не менее сложная ситуация с кечуа, которых, по данным переписи 2008 г., насчитывалось более 6000 человек. Своей академии у них, нет, знают язык около двух тысяч человек, но постоянно общается на нем чуть более 600¹⁵⁸.

Общины коренных народов имеются во всех областях страны, но более всего их в центральных и южных районах, т.е. в зоне расселения мапуче. При этом, например, на ко-

ренных землях мапуче, в 9 округе, живет лишь 15% от общей их численности. И важная деталь: наличия никаких коренных народов/наций в Чили государство официально не признает. Все они – только «этнические группы»¹⁵⁹.

Отношение к коренным народам официально регулируется принятым еще в 1993 г. законом №19253 о поддержке, защите и развитии индейцев (он, однако, по оценкам юристов и правозащитников в самом Чили, не вписывается в стандарты международного права) и законом №20249 о создании индейских зон на побережье для рыболовства от 2008 года. Этот последний закон составлен так, что существуют конституционные барьеры для его полноценного применения, а указанные в нем зоны используются еще и крупными рыбопромышленниками, с которыми индейцам конкурировать невозможно. К тому же промышленники еще и заражают воды отходами своего производства, например, в акватории острова Чилоэ. Так сказано в отчетах IWGIA за 2013-2014 и 2017 гг., но конкретных данных там не приведено, видимо, в расчете на то, что заинтересованные лица необходимой информацией располагают.

Конвенцию МОТ №169 Чили подписала в 2008 г., в полную силу ее положения официально вступили в 2009 году. Исследователи признают, что ее положения по сей день слабо реализуются на практике, особенно в области права на предварительные консультации по вопросам, затрагивающим индейские общины. Проект реформы конституции и признания прав индейцев от 2007 г., по данным на конец 2013 г., так и лежал без движения, да и с тех пор о нем ничего не слышно¹⁶⁰.

Разумеется, как и в случаях с другими странами, рассмотреть детально вопросы, касающиеся политики государства в отношении всех коренных народов не представляется возможным, поскольку доступный материал часто недостаточен для конкретных суждений. В данной главе мы будем

опираться на наиболее полные из имеющихся на сегодня данных по крупнейшему индейскому народу Чили – мапуче, по возможности добавляя сведения, касающиеся других этнических меньшинств.

После ухода от власти Пиночета и переходу к демократическому правлению закон 1993 г., казалось бы, давал, при всем его несовершенстве, надежды и на улучшение политики в отношении индейцев и их культур. Например, община, согласно закону, – это этническое и культурное сообщество, имеющее права на свою историческую территорию, на сохранение и развитие собственных традиций, языков и культуры. Но, заметим, речь идет об общине, а не о народе в целом. В создававшихся тогда областях индейского развития предполагались сохранение природы и экологии, традиционного образа жизни, повышение уровня образования и медицинского обслуживания, передача индейцам части исторических земель и т.п. И за 1994-2003 гг. более 235 тыс. га земель было действительно передано им. А в 2001 г. принята многолетняя программа комплексного развития индейских сообществ «Истоки», направленная на преодоление социальной исключенности из современной жизни мапуче, аймара и атакаменьо, т.е., как видим, только трех индейских народов. Предусматривались сохранение индейской культуры и защита прав на землю. В этих целях предполагалось строительство школ и больниц (в медицине должны были учитываться и индейские практики), укрепление органов местного самоуправления, экономическое развитие с учетом местных особенностей, межкультурное и двуязычное образование. Правительство предписало выделение 4 млрд песо на стипендии для получения индейцами среднего и высшего образования, 3,5 млрд – на поддержку индейских языков. 520 индейских поселений получили статус исторических и культурных памятников. В 2006-2007 гг., перед подписанием конвенции МОТ 2200 семьям мапуче возвра-

тили еще 23 тыс. га их исконных земель, а в 2009 г. президент М. Бачелет в Гааге торжественно заявила, что в Чили нет политических заключенных.

За первое десятилетие XXI в. был достигнут несомненный прогресс в образовании для индейцев, уровень грамотности среди них достиг 91,6%, но важно отметить, что в основном речь шла о начальном образовании¹⁶¹.

Разумеется, за срок, прошедший с момента ухода от власти А. Пиночета, решить все накопившиеся индейские проблемы было нереально. Но даже после всего проделанного за это время, в условиях политики сменявших друг друга правительств, направленной на ликвидацию бедности на основе прогресса экономики, положение индейцев почти не изменилось. По показателям безработицы, качества здоровья, образовательного уровня, доходов, уровня медицинского обслуживания и т.д. индейское население как было, так и остается беднейшим из бедных¹⁶². Рассмотрим теперь конкретнее политику государства в отношении индейских народов и их культур.

Как признают и сами чилийцы, отношения государства и гражданского общества в стране до сих пор базируются на неолиберальной политической модели, насажденной диктатурой Пиночета и укрепившейся при сменивших его демократах. Модель, по сути, рыночноцентрированная. Согласно ей, принцип организованной коллективной деятельности систематически отрицается, и рынки, которые государство перестало контролировать, сами начинают регулировать социальные отношения. Государство же лишь гарантирует и облегчает функционирование рынков. И в этом плане не только защита частной собственности как фундамента политической свободы, но и земельная контрреформа, проведенная Пиночетом, оказываются краеугольными камнями такой политики. Возникла интересная ситуация: современная чилийская общественная модель основана на фактиче-

ски противозаконной по своему характеру конституции периода военной диктатуры, выстроенной на основе не только охраны частной собственности, но и на допущении ограничения системы прав. И она и не признает ни коллективных прав, ни существования индейских народов. Какую индейскую культуру она может признавать в таком случае? Только отдельных «этнических групп», да и то, если это отвечает интересам рынка. Государству нужны не коллективы, а отдельные индивиды, которыми легче управлять. Борьба же с бедностью оказывается направленной, к тому же непоследовательно, как раз на те группы, для которых само это государство исключило возможность контроля над природными ресурсами и доступа к ранее предоставлявшимся государством услугам. И делается это опять-таки с позиций логики меркантилизма: бедных нужно инкорпорировать в рынок. Но неравенства это не устраняет.

Таким образом, получается, что все так называемые «модели развития» навязываются «сверху» без учета интересов коренного населения. Эта схема уже все чаще не работает. Традиционному индейскому мировидению она абсолютно чужда, хотя коренные народы и вынуждены к ней приспособляться, поскольку им просто не оставляют выбора. Экологические и земельные конфликты в этих условиях становятся основой для мобилизации населения. С 1990 г. действует радикальная партия «Совет всех земель мапуче», появились и многочисленные другие индейские организации. Но создается впечатление, что как раз их многочисленность и достаточно резкие внутренние разногласия мешают индейскому движению набрать силы. Например, тот же «Совет» отказался от контактов с чилийскими политическими партиями, сделав ставку на международные контакты и выступая с требованиями создания параллельных, чисто индейских органов власти, за что подвергся резкой критике.

Углубление ориентации властей на экстрактивистскую экономическую модель стало одним из детонаторов социального недовольства¹⁶³.

Характерный пример государственной политики, неизменной и по сей день, – ситуация на острове Рапа Нуи. Когда в 1888 г. подписывался договор о вхождении острова в состав Чили, в рапануйском варианте было зафиксировано, что земли предков остаются во владении местных жителей. Но чилийское государство, как выяснилось, еще в 1883 г. внесло все эти земли в казну. И когда теперь островитяне пытаются бороться за возврат земель предков, уже переданных государством третьим лицам (не из числа местных жителей), то само государство встает на защиту «священной» частной собственности в ущерб общинной, которую оно не признает. В итоге 70% земель острова сегодня управляются двумя частными компаниями, в правлениях которых местные жители вообще не представлены. Остальная часть разделена между отдельными семьями, но и то только городскими. При этом все происходит без всяких консультаций с местным населением. Разумеется, «на всякий случай» на острове имеется и чилийская полиция, чтобы пресекать недовольство. Даже контроля над миграцией на остров благодаря поправкам президента в проект, внесенный в Конгресс в 2011 г., добиться не удалось¹⁶⁴. Но это пример лишь маленького острова (где проживают всего 8400 полинезийцев).

Обратимся к материалам материкового Чили на примере мапуче. Для них, как и для других индейских народов Америки, земля – это идентичность, дом предков, в ней их неписанная история, и согласно традиционным обрядам она требует почитания (сохраняется празднование Нового года или «возвращение года», как они его называют, и др.). Как и другие народы, мапуче считают: чтобы убить народ, достаточно лишить его земли. Как отмечалось выше, почти половина мапуче – горожане. Но это вынужденная урбанизиро-

ванность. Просто та земля, которая еще сохранилась у индейцев, не может их прокормить¹⁶⁵. По заключению индейского социолога Ч. Анкан Лара, те из них, кто поселился в городах, оказываются под гнетом тройной дискриминации: как мапуче, как бедняки и как горожане третьего сорта. Они ощущают себя оставшимися без корней, без идентичности, низшими по сравнению с теми, кто остался жить в сельских общинах. Они оказываются между двумя мирами, при этом слишком темнокожими, чтобы успешно утвердиться в городском обществе, и слишком «европеизированными», чтобы считаться «истинными, настоящими» мапуче.

Показателен пример мапуче, проживающих в Сантьяго: не только дети, но и их родители часто никогда не видели общин, из которых они вышли. Эта ситуация в культурном плане сильно отражается на языке. Сегодня на мапудунгун («язык земли») в Чили, предположительно, может говорить порядка 400 тыс. человек, но обиходным он является только для 200 тыс. человек. Правда, автор, на которого мы ссылаемся, подчеркивает, что это данные 80-х годов прошлого века, более свежих нет. А желание освоить свой язык у городских мапуче, особенно молодежи, довольно сильное. С другой стороны, традиционные ритуалы теперь исполняются не только в сельской местности, но и в городах, а их, не зная языка, совершить трудно. Впрочем, в ритуальной сфере высока роль женщин, так как именно они обычно занимаются шаманством¹⁶⁶. А из этнографических данных по самым разным народам хорошо известно, что именно женщины дольше всего сохраняют приверженность к родному языку. Например, сегодня мужчину мапуче в традиционном костюме встретить практически невозможно, а для женщин его ношение – обычное дело. Что им иногда дорого обходится. Так, в 1999 г. в Сантьяго женщину остановили карabinieri и потребовали покинуть центр города, так как она

была «одета неподобающим образом» (т.е. была в национальном костюме).

С 1995 г. Национальная библиотека Чили финансирует проект преподавания мапудунгун, в 1997 г. на него усилиями сотрудников Летнего лингвистического института США была переведена Библия (правда, судя по приводимым примерам, достаточно неточно). Но в то же время школы, а также все программы радио и телевидения ориентированы исключительно на испанский язык¹⁶⁷. Дискриминация индейского населения в Чили проявляется не только на языковом, но и на всех прочих уровнях – юридическом, политическом и т.д. Так, в 2012 г. был выдвинут проект о новых нормативах предварительных консультаций с индейским населением по проектам, непосредственно его затрагивающим. Абсолютно не соответствующий международному праву и прямо нарушающий положения конвенции МОТ (см. об этом ниже), он был тем не менее принят чилийским Министерством социального развития в 2013 году. Новый регламент фактически дает компаниям право реализовывать свои проекты даже в тех случаях, когда согласия в ходе консультаций с индейскими представителями добиться не удалось. Важно, таким образом, не их согласие, а сам факт, что такие консультации проводились. По многим вопросам «второго плана» (воздействие на окружающую среду, например, если оно «незначительное» или «непрямое»; причем непонятно, кто это определяет) консультации с индейцами вообще необязательны. И главное: в зависимости от обстоятельств допускается принудительное перемещение населения. Больше того, участвовать в каких-либо переговорах могут лишь юридические лица, каковыми индейские организации обычно не являются.

Справедливые протесты индейских лидеров против нового регламента были судебными властями отклонены без объяснения причин. Плоды такой политики налицо. Уже

готов проект строительства ГЭС, в результате реализации которого окажутся затоплены священные для мапуче территории, что нанесет ущерб даже туристскому бизнесу и заодно официально декларированному праву самостоятельного выбора приоритетов в экономическом развитии. Есть еще проект относительно речного рыборазведения, который при его современном уровне угрожает, прежде всего, загрязнением этих самых рек¹⁶⁸. Что касается проекта ГЭС, по которому никаких предварительных консультаций до сих пор не проводилось, то его продвигает на кредиты Всемирного банка испанская ТНК ENDESA, уже печально известная реализацией проекта Ралько на верхнем Био-Био. Он был принят еще при Пиночете, но старт дан в 1996-1997 гг. президентом Фреем, когда построили первую плотину, оказавшуюся лишь репетицией к основной. Экологический ущерб уже тогда оценили как необратимый. Индейцам обещали золотые горы за переселение на другую территорию. Они отказывались. Но в Чили, как и в других странах континента, сиюминутные экономические интересы, безусловно, стоят выше интересов каких-то там индейцев и сохранения природной среды.

Случай Ралько это доказывает со всей очевидностью. Например, согласно закону №19253, никакая земля индейской общины не может быть куплена или экспроприрована неиндейцами, а только обменена на другую землю, и то с разрешения Национальной корпорации развития индейцев (CONADI). Но когда ее директор, мапуче, выступил против строительства ГЭС, его тут же заменили на более «сговорчивого». Посулами и уговорами, прямым подкупом, обещаниями выгодных рабочих мест удалось заставить общину переселиться. И, хотя потом она свое решение изменила, было уже поздно. Пресса трубила о добровольном согласии индейцев. Отведенные для индейцев земли были расположены значительно выше в горах, чем их коренная террито-

рия. В результате в первую же зиму у общины вымерз весь скот. Индейские активисты пошли на все, вплоть до того, что встречались с посетившей тогда Чили миссис Х. Клинтон, прося ее о поддержке. Результата это не дало, если не считать начавшейся травли мапуче в столичной прессе.

В 1999 г. группа мапуче под руководством двух сестер-активисток Кинтреман заняла территорию ГЭС. Эти-то две старушки, естественно, абсолютно безоружные, были в итоге обвинены в нападении на полицию. Точнее на до зубов вооруженную автоматами, пистолетами, слезоточивым газом и дубинками роту полиции в касках и бронежилетах. Протесты индейцев, амбиенталистов (т.е. участников движения в защиту окружающей среды) и международных организаций не помогли. Тех зарубежных корреспондентов, которые пытались поддержать акцию (каталонский журналист М. Серу-и-Торрента, например), просто выслали из страны. Поддержку индейцев со стороны представителей ООН и Межамериканской комиссии по правам человека полностью проигнорировали. И в 2004 г. ENDESA закончила строительство. Священная для мапуче территория общей площадью 3500 га была затоплена. Кстати, обещанные компенсации государство им так и не выплатило. И сегодня эта община (5000 чел.) числится среди самых бедных в стране¹⁶⁹.

Случай с Ралько вновь ярко продемонстрировал, что само чилийское законодательство – индейское или об охране окружающей среды, как и действующая в стране Национальная корпорация индейского развития (CONADI), на деле не имеют никакой силы. Этим строительством правительство нарушило собственные же законы о поддержке развития¹⁷⁰.

Почему такое возможно в Чили? Просто в силу того факта, что до сих пор действует введенное еще Пиночетом законодательство. И компании, свои и транснациональные, сохраняют достаточную свободу действий. Наконец, у го-

сударства есть вполне легитимный и не отмененный до сих пор пиночетовский антитеррористический закон для борьбы с индейцами, хотя создавался он официально именно в целях пресечения возможных террористических акций. Но, как показала практика, если объявить террористами индейцев, то им можно прекрасно пользоваться. Ведь под него можно подвести любой протест индейцев против властей (тот же земельный конфликт). И таким образом, то, что в любой другой стране рассматривалось бы в рамках, уголовного кодекса, в Чили объявляется террористической деятельностью. И сроки за таковую полагаются соответствующие: 10-15 лет тюрьмы. Причем под действие закона подводятся даже несовершеннолетние.

Обществу долгое время внушалась идея о том, что индейцы – изначально криминальная группа. Итог такой пропаганды властей печален: за 2013 г. зафиксировано 26 случаев насилия над индейцами со стороны полиции, причем как против отдельных лиц, включая детей, так и против целых общин. Так, общины мапуче в Араукании однажды утром были атакованы силами полиции, использовавшими броневые автомобили и вертолеты, под предлогом поисков незаконно хранящегося оружия. Детей специально вызывали на допросы, пытаясь выбить нужные показания против собственных родителей. Оружия не нашли, но это и неважно. Использование слезоточивых газов и оружия полицейскими при разгоне индейских манифестаций стало уже нормой. Полицейский, что бы он ни предпринимал, если дело касается индейцев, всегда прав.

Процессы против мапуче по обвинению в терроризме нередко кончаются неудачей (так, провалом закончился процесс против восьми обвинявшихся в 2012 г.), но это чиновников не останавливает. Известно множество случаев противоправных действий стражей порядка. Например, один из полицейских за убийство индейца получил в 2008 г.

три года тюрьмы, что не помешало ему оставаться на службе до конца 2012 г., когда из-за протестов общественности стало невозможно и далее закрывать глаза на это дело¹⁷¹. Но такой исход не всегда обязателен: полицейского в подобном случае могут объявить совершившим убийство по неосторожности или применившим силу без необходимости и оставить на службе¹⁷².

Индийские территории, даже переданные им по закону, остаются под угрозой реализации на их землях разного рода экономических проектов (добывающих, производящих, инфраструктурных), противоречащих Конвенции МОТ. В районах расселения мапуче это связано с активизацией компаний, действующих в таких областях, как лесное хозяйство, гидроэнергетика и рыбководство. Так, на индийских землях создаются плантации сосен и эвкалиптов. Например, когда Пиночет вернул собственникам все те земли, которые были экспроприированы Альенде в пользу индейцев, многие из них, всего 1677000 км², на коренных землях мапуче, перешли затем в руки фирм-лесоводов. И эти фирмы, как уверяют СМИ, приносят огромную пользу стране (например, FORESTAL MININCO и др.), настолько огромную, что не платят никаких налогов, но получают субсидии. Их деятельность в целом сводится (помимо производства товаров из древесины), прежде всего, к «рефорестации», т.е. посадкам быстрорастущих сосен и эвкалиптов. Деревьев, совершенно не характерных для данной зоны. Результат: иссушение и окисление почв, т.е. сокращение биоразнообразия, так как на этих новых почвах местные растения выжить не могут, уменьшается биомасса, что затем начинает ограничивать и биомассу, нужную тем же эвкалиптам. В итоге для сельского хозяйства начинает не хватать воды, вымирают лекарственные растения.

Таким образом, подобная деятельность прямо препятствует решению земельного вопроса. Мало вернуть землю,

надо еще провести ее реактивацию, оздоровить, если удастся, после такой эксплуатации. У индейцев таких средств нет, значит требуются государственные субсидии, исследовательская работа. Пока же с истощенных земель население просто само уходит в города в поисках работы. Компании, разумеется, отрицают все негативные последствия своей деятельности. Отрицают очевидное. Почему вымирает местная флора? Кроме указанных причин, – еще и от использования дефолиантов, включая те, что в других странах запрещены. Они воздействуют, кстати, не только на местную флору, но и на состояние воды, что приводит к росту заболеваемости среди населения, но такая мелочь, с точки зрения компаний, вообще не заслуживает обсуждения. Вся причина всего лишь в том, утверждают они, что стало меньше выпадать дождей (!). Но причем тогда, например, пожары именно в местных природных лесах (только один такой пожар уничтожил 53 тыс. га в 2002 г.)¹⁷³? В них мапуче не без оснований обвиняют те же лесоводческие компании, зная их стремление к экспансии. Обвиняют за нарушение ими, таким образом, законов о защите девственных лесов.

Около 500 общин мапуче (всего в стране индейских общин 2300, и с правительственными органами противоречия имеются не только у мапуче, но и у других коренных народов) сегодня находятся в состоянии конфликта с компаниями по земельному вопросу. Дело доходит до оккупации ими земель, откуда участников затем выдворяют с помощью полиции и часто арестовывают. А компании рассказывают прессе о том, как прекрасно они уживаются с общинами, решают все вопросы путем диалога с каждой общиной по отдельности¹⁷⁴. Налицо привычное для Чили явление: арауканы дезорганизованы, очень часто не способны действовать совместно для достижения общих целей. Земли же, за которые они борются, уже не раз перекуплены, нынешние

их владельцы якобы ни в чем не виноваты, у них свои права. Вот государство и выделяет CONADI средства на выкуп земель у их владельцев. Чего еще надо дожидаться, коль скоро само же государство заинтересовано в том, чтобы компании продолжали действовать.

А пресса тем временем возмущается тем, что этих индейцев, захватчиков собственности, поджигателей лесов (их представляют и таковыми) разрушителей машин, нападавших на служащих, государство премирует, т.е. награждает землей! В то же время данные Министерства национального планирования за 2000-2004 гг. подтверждают: ни один из министров на места конфликтов не выезжал и судил о них издали, а с растущей на местах напряженностью, естественно, не был знаком. В стране действует антииндейская террористическая организация Эскадрон Эрнана Трисиано, существование которой власти отрицают, что не мешает ей объявлять в СМИ о владении взрывными устройствами и предлагать решение индейской проблемы созданием резервации между границами с Перу и Боливией. Пресса продолжает представлять индейцев криминальными элементами. Против них применяется сила, проводятся аресты индейцев, борющихся за свои права. Разгон мирных демонстраций, например, протестующих против репрессий, дискриминации и превышения полномочий силовыми структурами, в Чили явление обычное. Те же профсоюзы на действия полиции никак влиять не могут. Политики обеспокоены индейским вопросом, но в первую очередь потому, что это вредит международному имиджу Чили. Мапуче обвиняют в поддержке извне, объявляют иностранными агентами, угрожающими единству страны. Политиков пугает возможность повторения в Чили Чиапаса, хотя методы мапуче, как известно, мирные.

Немногочисленная в стране левая пресса, поддерживающая борьбу мапуче, пишет о войне, развязанной против

индейцев полицией, о постоянных превышениях полномочий, обвиняет силовые структуры в расизме.

Главная причина происходящего видится в том, что для правительства во главе угла национальных (?) интересов стоит экономика, по сравнению с которой права народов третьестепенны. А для индейцев, например, как уже неоднократно приходилось об этом говорить, земля не есть экономическая ценность/имущество. Да, мапуче отвечают на репрессии не только манифестациями, маршами, оккупацией территорий, забастовками и голодовками, бывают и забрасывание камнями стражей «порядка», преднамеренные поджоги и саботаж. Можно не оправдывать такие акты, но в свете происходящего их можно понять. Например, военные суды рассматривают не только служебные нарушения военных, но и все гражданские дела, которые можно подвести под графу агрессии против военных при исполнении обязанностей, терроризм или гражданское неповиновение. То же, кстати, наследие пиночетовского режима. Как и применение пыток при допросах задержанных в полиции. А под нужную формулировку можно подвести что угодно.

Один из индейских лидеров, Виктор Анкалаф, был в 2002 г. среди бела дня арестован на улице Темуко, когда просто направлялся на собрание, праздник вождей мапуче. Он был осужден на основании закона о внутренней безопасности и провел за решеткой в Консепсьоне 7 лет. А в 2009 г. президент Бачелет, как уже говорилось, объявила в Гааге, что в Чили нет политических заключенных. Только в 2010 г. именно эти официально не существующие политзаключенные мапуче устроили в Сантьяго длительную голодовку¹⁷⁵.

Мапуче сегодня считают, что полагаться на справедливость суда не стоит. Например, протест против строительства автострады через территорию общины легко оборачивается как минимум обвинением в нарушении общественного порядка. Но чаще происходит иначе: автор собрал впечат-

ляющий список мапуче, застреленных при разгоне протестов полицией в период 2002-2008 годов.

Анализируя вышеизложенную ситуацию нельзя не отметить, что само правительство однажды, еще в конце прошлого века, допустило ошибку, которая и стала одной из причин сложившегося положения. Раздавая индейским общинам земли, оно обратило основное внимание на общины, активно конфликтовавшие с правительством, и тем самым ущемило права тех, кто пытался решать все споры мирным путем. Таким образом, было вольно или невольно показано: насилием и только насилием можно чего-то добиться от властей. Теперь же приходится пожинать плоды этой ошибки.

В заключение еще одна деталь: до сих пор в Чили индейцы не представлены ни в Национальном конгрессе, ни в окружных советах. Любые попытки выдвинуть куда-либо кандидатов-индейцев пресекаются «на законных основаниях»¹⁷⁶.

Программа правительства М. Бачелет по решению индейского вопроса так и осталась на бумаге. Она была просто сорвана и не выполнена практически ни по одному своему пункту.

Парагвай

Может показаться, что среди других стран Южной Америки в вопросе внимания правительства к индейской культуре должен был бы выделяться Парагвай. Ведь это – единственное государство, где язык местных индейцев гуарани чуть ли не изначально являлся общим для всего населения. Дело в том, что «белое» население в этой отсталой испанской колонии практически отсутствовало, а активная иммиграция из Европы в страну началась лишь в конце XIX века. Так что родным языком даже местных креолов (фактически

метисов, с антропологической точки зрения) был именно гуарани.

Примечательно, однако, что реально национальным языком гуарани был объявлен лишь в 1967 г., при диктаторе А. Стресснере, а собственно официальным (наряду с испанским) он стал только в 1992 г., согласно статье 140 новой конституции. Двуязычное образование способствовало в последние годы даже уменьшению в городах числа семей, в которых говорят только по-испански, а монолингвы-гуарани сегодня остались лишь в сельской местности¹⁷⁷. Гуарани стал даже одним из официальных языков MERCOSUR.

Важно отметить, однако, что в этом сильно испанизованном гуарани (для него возникло даже особое название – йопарá) сегодня уже до 70-80% лексики – испанские заимствования. Сильны они и в грамматике (так что некоторые лингвисты даже склонны считать его не языком, а жаргоном), и жители индейских селений на востоке и западе страны – гуарани по языку – этого официального гуарани почти не понимают. К тому же те, кто называет себя парагвайцами и говорит на гуарани, не хотят ни называться, ни признавать себя индейцами. Так что связывать распространённость этого языка с благоприятной культурной политикой государства в отношении индейцев и их культуры вряд ли правомерно¹⁷⁸.

Парагвайский гуарани, строго говоря, вообще уже не индейский, а креольский язык (как и в аргентинской провинции Коррьентес). А вот языки собственно гуаранийских индейских групп (чиригуано, ачэ и др., всего их шесть) находятся под реальной угрозой исчезновения, поскольку в случае наличия в соответствующих районах хоть какого-то школьного образования процесс вытеснения их йопара развивается достаточно успешно. При этом креольский гуарани, согласно мнению лингвистов, по всем показателям яв-

ляется обедненным языком (как, например, эсперанто в сопоставлении с живыми романскими языками). Причем по сравнению как с сохранившимися еще другими гуаранийскими языками, так и с уже вымершим классическим гуарани (он был официальным на территории миссий иезуитов в колониальный период)¹⁷⁹. К тому же школьное образование в Парагвае, по признанию специалистов, находится на крайне низком уровне (это касается обоих официальных языков) и обычно никак не связано с индейским культурным контекстом (в той же Бразилии в ряде случаев положение лучше). Учебных материалов катастрофически не хватает даже на тех же государственных языках, и потому само понятие «двуязычного межкультурного образования» часто остается фарсом, как отмечает крупный специалист, работающий в Парагвае иезуит Б. Мелья, подчеркивающий, что в нынешнем его виде оно фактически направлено на замещение гуарани испанским языком. В Асунсьоне, например, в большинстве школ обучение идет только на испанском, хотя, как и по всей стране, порядка 90% населения столицы говорят на каком-либо варианте гуарани.

Тем не менее гуарани до сих пор не стал языком, применяемым во всех ситуациях общения (государственная документация на нем, например, не издается). Он больше циркулирует в семейной сфере, в школах же преподают не «живой» язык, каким бы он ни был, а искусственно сконструированный с позиций «пуризма», так что у детей даже пропадает желание посещать школу, где им насаждают что-то непонятное. По официальным данным, неграмотность среди индейцев превышает 45% (в среднем же по стране – 5,4%), 63% индейских детей живут в крайней бедности (по стране – 26%), и школы вообще не посещают¹⁸⁰.

Тот факт, что индейцев в Парагвае относительно немного, тем более не способствует стремлению государства ни развивать, ни выработать какую-либо политику в отно-

шении индейских культур. К индейцам относят 20 групп общей численностью более 108 тыс. человек, т.е. около 2% населения страны по данным на 2008 г. (цифра, фигурирующая в литературе наиболее часто). Но по уточненным и более поздним данным индейцев в Парагвае почти 113 тыс. человек, их языки принадлежат к пяти языковым семьям, а по данным – за 2013 г. – их уже почти 116 тыс. человек¹⁸¹, что наглядно отражает прирост индейского населения. Формально Парагвай по конституции объявлен поликультурным государством. Индейские языки провозглашены культурным наследием нации (статья 140 конституции). А государство взяло на себя обязательство заботиться о защите индейцев от загрязнения их среды обитания и разграбления ее, гарантирует общинную собственность и признает за индейцами право на культурную самобытность и на жизнь по их собственным установлениям и традициям (статьи 63, 64 и 66 конституции). Наконец, Парагвай подписал Конвенцию МОТ №169 по правам коренных народов. К сожалению, все это пока почти не приносит реальных результатов. Декларация и здесь, как и в других странах, еще не означает ее исполнения.

Вот только один характерный пример по поводу вышеуказанных статей конституции. Для индейцев Парагвая нормальная среда обитания – лес (ибо изначально это – лесная страна, что справедливо не только для восточной части ее, но и для Чако). Там, собственно, только и можно заниматься традиционными для коренных жителей видами деятельности, включая как сельское хозяйство, охоту и рыболовство, так и ремесла (сегодня во многих местах уже утраченные под натиском «прогресса»). Там же можно наглядно учить детей тому, что исследователи индейских культур метко называют экософией, т.е. «экологической философией» (согласно определению А. Несса, 1973)¹⁸², столь резко отличной от потребительской западной философии, которая уже

фактически довела мир до экологической катастрофы. Но за последние 40 лет было уничтожено 90% девственных лесов восточного Парагвая, а «освободившиеся» земли превращены в пастбища и соевые плантации. В Чако сегодня уничтожается от 1000 до 1500 га леса в день. В 2010 г. по показателю дефорестации, т.е. масштабов сведения лесов Чако, Парагвай даже занял «почетное» 1-е место среди стран этой зоны (Чако поделено между Парагваем, Аргентиной, Боливией и Бразилией, которые в деле уничтожения местных лесов соперничают с Парагваем). Это происходит после того, как в 2009 г. попытка провести через парагвайский парламент закон о запрете вырубке лесов была провалена палатой депутатов. К тому же разрешенные законом нормы вырубки значительно больше, чем в соседних странах, что привлекает колонистов и предпринимателей – тех же бразильцев, наплыв которых в Парагвай после 1973 г. (заключение договора Итайпу, разрешившего бразильскую иммиграцию) сразу сказался на ускорении темпов дефорестации¹⁸³.

Теперь о культуре. Характерно, что специально посвященная индейским культурам большая выставка была организована в Асунсьоне в 2011 г., к двухсотлетию независимости Парагвая, отнюдь не правительством страны или какими-либо местными организациями, а посольством Испании и испанским же культурным центром «Хуан де Саласар»¹⁸⁴.

Совершенно очевидное отсутствие у государства какого-либо внимания к культурам коренного населения и какой бы то ни было разработанной политики в отношении культурных и прочих прав индейского населения проявляется и еще в одном факте. Прямое и отрицательное влияние на возможность сохранения индейских культур оказывает продолжающаяся деятельность в стране разного рода протестантских, католических и прочих миссионеров всех мастей, чему государство совершенно не препятствует. У такого народа, как айорео в Чако, это, например, уже привело к ис-

чезновению шаманов (миссионеры традиционно считают их главным препятствием христианизации и всячески стремятся подорвать их авторитет в среде паствы, объявляя слугами дьявола), то есть хранителей традиционных знаний, а значит, к утрате важнейшего пласта духовной культуры¹⁸⁵.

В Парагвае, как и в других странах, важнейшей проблемой выживания индейских культур являлся земельный вопрос. В Парагвае нет (и никогда даже не поднимался вопрос об их создании) индейских территорий. Если и случается, что есть своя земля – то у отдельной общины, что открывает великолепный простор для злоупотреблений разного рода, поскольку, как это происходит в той же Аргентине, каждая община вынуждена действовать сама по себе. Кстати, статистика такова, что никто не может определить, сколько же собственно индейских общин сегодня имеется в Парагвае: по одним данным, 531 община и 241 деревня, по другим – общин 603, а по третьим – 772¹⁸⁶.

Характерный пример «заботы о дикарях» можно привести в отношении тех же айорео: миссионеры «вытащили» их из сельвы и поселили в крупных поселках. Многие умерли от эпидемий, недоедания. Из 50-ти групп, на которые в прошлом делились парагвайские айорео, осталось 18 (по количеству селений), всего 2600 человек. Они полные маргиналы в среде окружающего «белого» общества. Вся деятельность миссионеров направлена на то, чтобы полностью уничтожить, как проявления «дьявольских козней», остатки их культуры, язык и прочее. В этом отношении протестантские миссионеры (а именно они «работают» среди айорео) гораздо страшнее католических, ибо ни на какие компромиссы в отношении местных культур и традиций индейцев не идут. Однако культура айорео сегодня, несмотря на миссионерский «пресс», пока сохранила свои основополагающие черты, благодаря как высокой степени сопротивляемо-

сти, так и знанию о наличии так называемых самоизолированных групп. Но о них подробнее речь пойдет ниже.

Воспользовавшись помощью миссионеров, помещики-скотоводы присвоили практически все земли айорео. Причем, в отличие от индейцев, которые и хотели бы вернуться назад, на свои земли, «настоящих» прав на них предъявить не могут, у захватчиков все в порядке, все бумаги имеются в наличии. Каких масштабов достигло организованное ими сведение лесов – хорошо видно на фотографиях из космоса. А еще на тех же землях ведутся разведки на нефть и газ. Тут тоже действуют как «свои», так и иностранцы (бразильцы и меннониты). Обращение айорео к президенту Ф. Луго, кроме красивых слов и полного бездействия со стороны властей, ничего, увы, не принесло. А попытки активистов защитить, например, айорео, ушедших в самоизоляцию от вторжений чужаков, были пресечены волной террора, организованной связанными с крупными скотоводами и земельными собственниками (продолжающими расширять границы своих владений, вырубая лес, где эти самые группы и пытаются укрыться) бандитскими группировками¹⁸⁷.

Показательны и другие факты. Почти половина индейцев Парагвая вообще не располагают никакими правами собственности на землю. Поэтому в судах, в случае возникновения земельных споров, доказательства индейцев просто не принимаются во внимание. А денег, чтобы подкупить судей, у них, естественно, нет. Межамериканский суд по правам человека выдвигал обвинения Парагваю в нарушении прав человека в отношении нескольких индейских общин в 2005, 2006 и 2010 годах. Так, гуаранийская община Ывырайя (32 семьи в департаменте Концепсьон) подверглась в 2010 г. нападению вооруженной банды и была согнана с земли, хотя документы на нее были выданы парагвайским индейским институтом. Полиция и судебные власти никаких мер в отношении захватчиков не приняли. Дру-

гая община на востоке Парагвая еще с 1993 г. добивается возвращения своих земель (на законном, заметим, основании), отторгнутых скотоводами. В том же 2010 г. по решению местного судьи была согнана с земли другая община гуарани в округе Марискаль Лопес, на основании заявления частного лица на право владения данной землей. Межамериканский суд по правам человека тогда объявил Парагвай ответственным на международном уровне в нарушении прав общинной собственности.

А как быть с такими фактами, что традиционно индейские земли объявляются охраняемыми территориями дикой природы в частном (!) владении? В результате захватов индейские группы лишаются возможности нормальной добычи пропитания и свободы передвижения. Согнанные с земли общины, осевшие, как, например, гуарани в бразильском штате Мату-Гроссу-ду-Сул на обочинах дорог, зажатые со всех сторон колючей проволокой, ограждающей «священную частную собственность», созданную на отторгнутых у них территориях, даже обвинили в пренебрежении предоставляемым им медицинским обслуживанием (это когда до ближайшего медицинского центра расстояние 400 (!) км). Все резолюции Межамериканского суда по правам человека правительство Парагвая просто оставило без внимания. А если даже через суд активисты и пытаются провести решения о возврате индейцам земель, они, как правило, блокируются лобби крупных собственников в конгрессе. Разумеется, согласия у ушедших в добровольную изоляцию (и не ушедших тоже) в связи с геологическими разведками, вырубкой лесов, тем более никто не спрашивает¹⁸⁸. Такова ситуация с более чем 400 индейскими общинами Парагвая. Ответом на него не могло не стать формирование собственно индейского движения за свои права. Сложности были связаны, прежде всего, с рассеянием индейцев по стране, но все же инициаторам удалось добиться успеха. В 2011 г. был

создан Координационный комитет индейских организаций Парагвая (МСОИ-Пу). В него вошли уже существовавшие к тому времени региональные организации – Федерация общин гуарани, Национальная индейская организация, Союз индейских общин нации ишир и др. Примечательно, что это сразу принесло некоторые, пусть пока и небольшие, сдвиги в вопросах о земельных спорах. А также позволило выявить и начать пресекать существующую до сих пор в Парагвае торговлю за гроши индейскими девушками, переправляемыми за границу, а также наркотрафик¹⁸⁹. Все это продолжалось, однако, недолго. Тот факт, что правительство стало обращать больше внимания на индейскую земельную проблему, вызвал быструю реакцию «справа».

В 2012 г., в результате импичмента был смещен президент Ф. Луго. Поводом стало столкновение самовольно занявших частную ферму (расположенную, кстати, на отторгнутой у индейцев земле) крестьян с полицией, в результате чего погибли 6 полицейских и 11 «нарушителей порядка». Это событие получило название «бойня в Куругуаты». То, что там происходило, весьма похоже на заранее и тщательно подготовленную провокацию (дабы на «законном» основании сместить президента): полицейские были убиты сразу, с большого расстояния, и пули пробивали бронежилеты. У крестьян такого оружия просто не могло быть. Но обвинили, естественно, именно их, а заодно и президента за плохое исполнение своих обязанностей. Гибель индейцев до сих пор не расследована, судьи занимались только причиной гибели полицейских, но и тут ничего толком не выяснили. Сам инцидент связывают с желанием президента провести аграрную реформу, которая должна была оказать влияние и на решение индейской проблемы. Проект реформы сразу после его устранения Луго от власти более не обсуждался¹⁹⁰.

Но и в период правления Ф. де Луго положение дел в сфере индейской политики было в целом очень сложным. В

2011 г. 135 индейских общин находились в состоянии конфликта с третьими лицами в связи с незаконным присвоением земель этими последними. И даже когда общины получали благоприятное решение Межамериканского суда по правам человека (на свои суды они уже не надеялись), дела, при самоустранении от их решения Национального индейского института, не сдвигались с «мертвой точки» до самого конца президентства Луго, ну а позже на это вообще не приходилось и не приходится рассчитывать.

Между тем по конституции общинная земля вообще не может быть объектом коммерции. Но это положение легко обходят: захватчик (или фактический покупатель) может, например, оформить все как некий договор аренды или просто на основании поддельных документов заявить, что это его земля. А полиция и суд всегда стояли и стоят на страже интересов именно таких оккупантов, что демонстрирует высокий уровень коррумпированности госслужащих (впрочем, это, судя по имеющимся данным, проблема всей Латинской Америки). Ведь незаконные оккупанты служат, по мнению властей, делу прогресса, развивают парагвайскую экономику. В итоге, к началу века свою землю имели лишь немногим более половины общин Парагвая. Деятельность же таких «арендаторов» (применение ядохимикатов, сведение лесов) в среднесрочной перспективе сделает эти земли непригодными для продуктивного использования, для поддержания существования общин и для сохранения их культурных традиций. Обезземеленные уходят – кто в другие общины, кто – в города (самый худший вариант).

В 2011 г. лишь одной общине в Чако, до этого дважды принудительно согнанной с земель, удалось благодаря стойкому сопротивлению и несмотря на убийства ряда ее членов добиться присуждения им прав на определенную территорию. Но это оказалось единственным случаем такого рода. Как правило же, пытаться вернуть землю в судеб-

ном порядке – пустое занятие, разве что выкупить, но на это должен изыскать средства Индейский институт (у общин денег, разумеется, нет). В итоге прямые захваты индейских земель (в том числе и просто толпами безземельных крестьян неиндейского происхождения), насилия вплоть до убийств, в которых были замешаны, например, наркодельцы, продолжались в разных частях страны. Продолжалось и использование индейских девушек и детей в качестве проституток в городах, где перебравшиеся туда после захватов их земель индейцы обитают в прямом смысле слова на улице. Реакции государства не было никакой, хотя все эти факты широко известны¹⁹¹.

Отсутствие какой-либо продуманной индейской политики и неэффективность в целом любых мер в этом направлении только усугубилось после государственного переворота 2012 года. Начатый незадолго до этих событий процесс реформирования работы Индейского института его новым директором был немедленно свернут, а руководство института смещено. Земельные конфликты пошли по нарастающей. Всего через несколько месяцев после бойни в Куругуаты земли одной из общин индейцев аче были оккупированы нахлынувшими туда безземельными крестьянами. Конфликт вызвал большой общественный резонанс, что случается крайне редко. Вмешалось Министерство внутренних дел, уговаривая освободить занятые земли (19000 га). Захватчики тем временем успели вырубить часть леса, и община взялась за оружие, потребовав государственного вмешательства для освобождения их законных земель. На конец 2013 г. конфликт еще не был полностью урегулирован, более поздней информации по нему не поступало.

Конфликты, связанные даже с вынесенными уже судебными решениями (в том числе и международным судом) о возвращении нескольким общинам их земель, продолжали оставаться неурегулированными, так как новые власти по-

теряли к ним интерес, и общины эти по-прежнему продолжают обитать на обочинах магистральных дорог. Лишь одной из общин государство согласилось предоставить землю, но не ту, которую они занимали прежде. Однако сильное наводнение помешало строительству дороги, которую и так строили не торопясь, в итоге земля общине выделена, вот только добраться туда невозможно.

Другая община, получив благоприятное решение Межамериканского суда по правам человека, уже почти договорилась о возвращении ей земель, незаконно захваченных одним немецким предпринимателем, но все переговоры были прекращены после переворота.

Были достигнуты и небольшие успехи. Одной из общин удалось добиться прекращения незаконной вырубki леса на своих землях, другой – путем блокировки важных дорог заставить правительство возобновить переговоры по земельному вопросу. Но эти два случая на общем форе выглядят не более, чем частностями.

Все планы и программы, которые существовали ранее, в период президентства Ф. Луго, были хоть как-то направлены на улучшение положения индейцев и согласованы с индейскими организациями, но оказались преданы прочному забвению после государственного переворота. Так, все договоренности о занятии некоторыми общинами земель в результате выкупа их Индейским институтом были отменены, и сам институт отказался признать свои подписи под соответствующими документами. Управление по здравоохранению для индейцев утратило автономию.

В целом все происходящее свидетельствует о том, что новое правительство Парагвая взяло курс на безусловную поддержку крупных собственников, своих и иностранных, и на полное игнорирование прав индейского населения страны¹⁹².

Как повело себя в индейском вопросе новое правительство, ощущая свою полную безнаказанность; об этом свидетельствуют следующие факты. Вскоре после переворота экс-президент Индейского института продал 25 тыс. га в Чако, принадлежащих общине айорео Куйабиа, где жило 19 семей. Индейцы ответили блокадой дорог. В итоге формально собственность на землю признали за покупательницей, но индейцы отстаивали право продолжать жить на своей земле. Две другие общины айорео, имеющие официальные документы на землю, испытали нашествие чужаков, которые нанесли сильный ущерб лесу на площади 15000 га, вырубив деревья пород, находящихся под угрозой исчезновения. Путем опять-таки блокады дорог вырубки удалось прекратить, но государство в дело не вмешивалось.

На востоке Парагвая на индейские земли, предоставленные общинам Индейским институтом, постоянно покушаются безземельные крестьяне и крупные предприниматели. Основание: земля плодородная, на ней сою посеять можно, а глупые индейцы этого не делают. И государство, по любому поводу бросающее полицию против безземельных крестьян, самозахватом оккупирующих частные владения, закрывает глаза на их же вторжения на законно оформленные индейские территории¹⁹³.

Пример Парагвая лишь подтверждает, насколько при демократии западного образца в сфере политики все ненадежно. Даже если и намечаются какие-то сдвиги в лучшую сторону, достаточно смениться правительству, и все может пойти вспять. О каких долгосрочных программах в сфере индейской культурной политики вообще можно говорить в таких условиях? В Парагвае таковых на сегодня просто не существует.

По данным на 2017 г. все права индейских народов в Парагвае (гражданские, культурные, экономические) продолжали систематически нарушаться как властями, так и неин-

дейским населением. Индейцы остаются беднейшим, сгоняемым с земель, маргинальным по отношению к большинству обществом. Власти (законодательная, исполнительная и судебная) систематически нарушают те самые международные документы, которые они подписали ранее (Конвенция МОТ №169 и Декларация прав индейских народов). Таково заключение экспертов ООН и других международных организаций, обвиняющих правительство страны в коррупции, сохранении неравенства среди населения, концентрации земельной собственности в немногих руках, нищете и недоедании среди индейских народов (втрое превышающих средние национальные показатели)¹⁹⁴.

В заключение рассмотрим ситуацию с группами, находящимися в добровольной изоляции. Все так называемые изоляты, в Парагвае относятся к народу айорео (языковая семья самуко), обитающему по обе стороны парагвайско-болливийской границы. Айорео можно считать народом, позже других вошедшим в контакт с неиндейцами – в 40-50-х годах XX в., но это было только начало. Контакты усилились два-три десятилетия спустя, а последний зарегистрированный пока контакт датируется 2002 годом.

Сколько изолятов, отказавшихся последовать за своими сородичами в миссии МНТ и оставшихся в лесах, обитает в Парагвае сегодня – никто, разумеется, не знает. Приводилась даже цифра всего в 50 человек, но более вероятная – 100 или даже больше. Они разбиты на группы, кочующие изолированно друг от друга. Сначала предполагалось, что группа всего одна, потом предположили наличие трех, а сегодня называют как вероятную цифру – 6-7 групп, численностью от 10 до 25 человек каждая. Маловероятно мнение, что эти группы даже друг с другом не контактируют, слишком они малы. В реальности они представляют собой отделившиеся субгруппы тех айорео, что были выведены из леса миссионерами.

Следы присутствия изолятов отмечены на десяти изолированных друг от друга территориях по обе стороны границы с Боливией. Отчасти это национальные парки, но в основном частные владения, захватившие всю традиционную территорию айорео. Используемые изолятами земли – это примерно 100 тыс. км².

Судя по имеющимся данным, они полностью сохраняют традиционную культуру. С 2002 г. НПО *Iniciativa Amotocodie*, а с 2005 г. и собственно организация айорео – *Unión de Nativos Ayoreo* – ведут регулярный мониторинг территорий, где зафиксированы следы пребывания изолятов, с целью хоть как-то их защитить. Кое-что удалось сделать, например, они сумели заинтересовать проблемой сохранения изолятов определенные круги судебных и местных властей, антропологов, ряд НПО по защите окружающей среды. Основная идея – добиться того, чтобы контакт с этими группами был полностью исключен, и они имели бы право жить своей жизнью на занимаемых ими территориях. Тот факт, что из леса они не выходят, позволяет предполагать, что ресурсов для жизнеобеспечения у них достаточно. Во всяком случае, пока.

Но есть одна деталь: мотопилы, тракторы и бульдозеры действуют гораздо быстрее, чем государственные организации и НПО, заседающие, подписывающие резолюции, соглашения и т.п. По крайней мере, они успевают действовать быстрее в деле дефорестации Чако ради превращения его территорий в пастбища в интересах частных владельцев и крупных агрокомпаний. К этому добавляются разведки на углеводороды, которые также ведутся по всей территории и только усиливают дефорестацию. А в этих видах деятельности задействовано много игроков, кроме собственно парагвайцев: бразильцы, голландцы, уругвайцы, немцы, включая секту меннонитов. Да, есть законы, нормы и соглашения, защищающие изолятов. Но кто будет их соблюдать?

Помещики просто запрещают своим пеонам, таким же айорео, сообщать кому-либо о наличии изолятов на контролируемых ими территориях. Расскажешь – уволят. Что уже само по себе предполагает возможность физического уничтожения этих групп. А такие случаи известны, например, в Бразилии (см. ниже). Миссионеры также по-прежнему воодушевлены идеей ввести в «цивилизацию» последних язычников. Но здесь они встречают сопротивление уже «оцивилизованных» айорео. Они все знают об изолятах, но помогать миссионерам «выудить» их из убежищ в лесах не собираются, так как помнят, чем для них самих закончились «охотничьи» экспедиции миссионеров в 50-70-х годах прошлого века. В данном случае уже само по себе интересно то, что ныне принудительно оседлые айорео не конфликтуют со своими кочевыми соплеменниками, как в том же Эквадоре. Это не может не свидетельствовать об особенностях местной ментальной культуры. Они, говоря современным «модным» языком, более толерантны.

Сколько долго смогут продержаться эти последние группы изолятов, сохраняющие пока традиционную культуру? Вокруг все уже оккупировано, и аграрная экспансия продолжается как отдельными предпринимателями, так и крупными компаниями, вроде испанских CARLOS LAZADO S.A. и GRUPO SAN JOSÉ S.A., действующих при государственной поддержке, или бразильской YAGUARETE PORA RIVER PLATE S.A., действующей даже на заповедных территориях, плюс концессии на разведку углеводородов. К этому можно добавить вторжения на территории, занимаемые изолятами, безответственных антропологов, а также разного рода спортсменов, искателей приключений, участников авторалли и их болельщиков, журналистов, жаждущих сенсационных материалов.

Наладить эффективный контроль над территорией, чтобы пресекать подобные вторжения, государство явно не в состоянии.

Показательно также, что, например, в 2005 г. парламент страны отверг предложение НПО GAT об экспроприации в пользу одной из групп «цивилизованных» айорео и их же субгруппы изолятов.

Такое отношение государства к изолятам достаточно легко объяснимо. Общественное мнение страны рассматривает изолятов как отсталых людей, которые должны войти в контакт, чтобы стать «цивилизованными». Т.е. господствует типично колониалистское видение их ситуации. Хотя, например, по части духовности, которой пронизана вся жизнь изолятов, по замечаниям антропологов, знакомых с соответствующими данными, современному, мнящему себя цивилизованным, парагвайскому обществу еще далеко до их уровня. Но оно к дикарям безразлично. В итоге в отношении изолятов можно повторить слова одного известного исследователя: в Парагвае относительно изолятов «у общественного мнения нет общественного мнения». Кроме всего того, что насаждается «желтой» прессой.

В целом же можно заключить, что в Парагвае на данное время не существует государственной политики защиты изолятов. Случаи насилия не предупреждаются. Никаких мер для защиты изолятов или групп, недавно вступивших в контакт (а кроме айорео, таковыми можно считать некоторые группы гуарани-мбья, а также ачэ восточного Парагвая), государство до сих пор не предпринимало¹⁹⁵.

Бразилия

Выделение Бразилии в отдельный раздел представляется оправданным по ряду причин: крупнейшая страна Южной Америки, единственное португалоязычное государство континента. И кроме того, страна с наибольшим разнообразием индейского населения (даже в сравнении с такими странами, как Перу или Аргентина) как в лингвистическом, так и в культурном смысле. А также с наибольшим количеством индейских групп (порядка 107), ушедших в добровольную изоляцию от «цивилизованного мира».

В процентном отношении индейское население в Бразилии невелико в сравнении с основным: официально оно составляет 0,47%, т.е. порядка 730-735 тыс. человек. По данным же экспертов крупной католической организации Индихенистского миссионерского совета Бразилии, индейцев в стране насчитывается более 800 тыс. человек, а согласно цензу 2010 г. их оказалось более 897 тыс. человек (305 этносов, говорящих на 274 языках)¹⁹⁶.

Индийские народы Бразилии на протяжении веков подвергались, как и в других странах, длительному воздействию со стороны «белого» общества. Более трети из них сегодня – городские жители (хотя часто отнюдь не по своей воле). «Белые» в значительной части своей до сих пор полагают, что города и их периферия вообще не место для индейцев¹⁹⁷. Лишь в конце XX в. по отношению к индейцам и их культурам определенные правила были все-таки выработаны. Их права, в том числе и культурные, определены конституцией 1988 г., в которой признаются социальная организация, обычаи, языки, традиционные верования и права на традиционно занимаемые земли (раздел VIII, глава VIII, статья 231). Процесс (к сожалению, очень медленный, а при двух предыдущих президентах практически заблокированный) возвращения им земель сопровождался и допущением

индейцев к образованию, причем с организацией (хотя пока и не везде) именно образования двуязычного и на основе собственных кадров: сегодня 85-88% учителей в более чем 2000 индейских школ в резервациях – местные уроженцы. Наибольшего успеха им удается добиться в тех случаях, когда преподавание ведется с учетом особенностей традиционной индейской педагогики. Она, в частности, нацеливает учащихся на то, чтобы они впоследствии, если оказывается возможным получить среднее и высшее образование, из общин не уходили (что достаточно характерно для Перу и Аргентины), а возвращались домой (если, конечно, будет куда вернуться).

Хотя и медленно, но сокращается количество миссионерских школ, в которых образование дается только на португальском. Именно учителя составляют сегодня костяк индейской интеллигенции, наряду с медиками и служащими экологических организаций. Однако высшее образование, как и нормальное функционирование даже начальных школ (а среднее образование дают всего 72 из них) недостаточно финансируются государством и местными властями. Отсюда простая нехватка учебных материалов на местных языках. Исправить положение могло бы активное привлечение самих индейцев к их подготовке, но это опять-таки вопрос кадров. Лишь менее одной пятой части индейских школ обеспечены хоть как-то аппаратурой (телевидением, видео). Важно и то, что среднее образование в Бразилии на индейскую культуру уже не ориентируется. Усилиями, прежде всего некоторых НПО и отдельных энтузиастов, удалось укрепить позиции нескольких индейских языков. В Штате Амазонас местными властями специальным декретом вторым официальным языком был объявлен лингуа жерал с учетом того факта, что он там сохранился и служит языком общения для многих индейских групп, по тем или иным причинам на него перешедшим.

Результатом всей этой политики стало укрепление позиций и влияния недавно сложившейся индейской интеллигенции, которая бывает достаточно хорошо образованной для использования технических средств и наряду с традиционными общинными властями руководит индейскими движениями. Однако для участия в жизни страны даже на уровне муниципальных, а тем более федеральных, органов, образования им все равно не хватает.

В последнее время у нас много пишут об экономических и социальных достижениях Бразилии, пишут, мягко говоря, благожелательно, чтобы не сказать с восхищением¹⁹⁸. Да, успехи в экономике были действительно впечатляющие. Но автор данной работы не экономист. И получается интересная ситуация: из этой же литературы следует, что, когда в Бразилии рассуждают о программах по борьбе с бедностью (финансирование, строительство и т.п.), индейцы – везде беднейшее (как отмечалось ранее) население – под эти программы, судя по всему, обычно не подпадают. Более того, за время правления Лулы да Силвы в индейском вопросе произошел крутой поворот, к сожалению, в худшую сторону. И причины этого как раз, прежде всего, экономические: стремление к развитию любой ценой. И здесь опять встал вопрос, сколько у индейцев земли? А на нее претендуют очень многие. Таково мнение, например, одного из самых знаменитых сегодня защитников индейцев в Бразилии, Сиднея Посуэло, с которым трудно не согласиться¹⁹⁹.

При всех положительных примерах индейской культурной политики в Бразилии (двухязычное образование, финансирование исследований по языкам, находящимся под угрозой исчезновения, попытки возрождения таких языков и государственные вложения в создание учебных материалов для индейских школ, создание кое-где общинных радиостанций) она не может быть признана достаточно эффективной. Да и единой модели ее не существует, ибо даже

учебные материалы не отражают культурного своеобразия индейских наций. Опрос общественного мнения в конце прошлого века показал: до сих пор острыми остаются три главные индейские проблемы: защита земель от внешних воздействий, сохранение культуры и здравоохранение. Все три проблемы тесно связаны между собой, и решаться должны также вместе. Впрочем, то же самое можно, пожалуй, сказать и в отношении индейцев Перу, Аргентины и других стран. Только один пример: государство по-прежнему разрешает действовать на индейских землях миссионерам. А они для собственного удобства продвигают много раз доказавшую вред модель собирания индейцев в крупные поселки. Это ведет не только к культурной трансформации, ускорению утраты языка, но и резко отрицательно сказывается на том же здравоохранении и хозяйственной деятельности, особенно тогда, когда в такие миссии собирают бродячие охотничьи группы, которым оседлая жизнь вообще не свойственна. Но видимо, у миссионеров, по крайней мере, традиционного толка другой модели для индейцев просто не существует, как не существует и желания ее выработать²⁰⁰.

Еще одна проблема, тоже до сих пор не решенная: какая-либо политика в сфере культуры проводится государством только для тех индейских обществ, которые официально признаны как таковые. Между тем (это показательно и для Аргентины) многие индейские группы (реально несколько сотен) не признаны таковыми до сих пор, поскольку с фактом признания напрямую связан вопрос наделения их землей. Земля же для индейцев, как уже неоднократно отмечалось, имеет особое значение, как и в других странах Южной Америки, поскольку менталитет коренного населения континента коренным образом отличается от европейского (что вовсе не свидетельствует о его ущербности, никто ведь не возьмется сегодня доказывать, что менталитет, например,

японцев хуже европейского). Для индейца, как уже говорилось, «своя земля» – это та среда обитания, в которой сама культура в широком смысле только и может появиться, сохраняться и развиваться. Поэтому, по верному замечанию чилийской писательницы Г. Мистраль, если индеец теряет землю – все остальное уходит вместе с ней.

Национальный индейский фонд (FUNAI) до сих пор (за 20 лет!) сумел делимитировать, по некоторым подсчетам, только половину индейских резерваций. В результате в области признания прав и выделения соответствующих средств на сохранение индейских культур в особенно тяжелом положении оказываются те группы, которые пытаются восстановить утраченную по разным причинам в прошлом индейскую идентичность. Но пока они не смогут доказать, что действительно являются индейцами (то, что они себя таковыми считают, в глазах чиновников не есть доказательство), никаких средств им не выделяют, никакой культурной политики в отношении них просто не существует²⁰¹. Разве что эти средства они изыщут сами, что обычно нереально.

И все-таки случаи реэтнизации происходят. Из недавних примеров можно назвать общину Оливенсы близ города Ильеус, штат Баия. Давно и прочно оставаясь в сознании соседей не более чем кабокло («метисами»), они добились от властей признания (с возвращением им этнонима) их как тупинамба, коренного населения бразильского побережья. В проведенном в общине исследовании отмечается, что это очень сплотило жителей, которые теперь открыто гордятся своим индейским происхождением. Но это, конечно, своего рода счастливый случай. Они смогли даже отправить делегатов в европейские музеи, что помогло дать хотя бы названия важным предметам материальной и ритуальной доколумбовой культуры. Нет и языковой проблемы, поскольку язык тупи, хотя бы и в форме лингуа жерал, которая чуть

было не стала национальным языком Бразилии и выжила, несмотря на все гонения, и сегодня кое-где распространена среди отдельных групп населения, например, в штате Амазонас, и в устной, и в письменной форме. Но при этом признания пришлось добиваться более 10 лет²⁰².

Перед тупинамба Оливенсы, конечно, стояла и земельная проблема. Восточное побережье – старейший район колонизации, и его земли давно поделены между колонистами и крупными собственниками. Однако деревни, претендовавшие на возвращение их населению этнонима тупинамба, как показали сохранившиеся документы, известны еще со времен иезуитов, создававших так называемые редукции с XVI до XIX века. А сведения об индейских деревнях имеются и для века XX-го. Когда же они, в таком случае, успели стать кабокло в глазах «местного населения»?

В 2009 г. была, наконец, окончательно оформлена индейская территория тупинамба, и штат захлестнула антииндейская кампания. Отчасти причина состояла в том, что правительство не торопилось и не торопится выплачивать земельным собственникам положенную компенсацию за передачу индейцам тех земель, которые они считают своими. А нынешние их собственники и не собираются уходить. Устав ждать помощи от правительства, тупинамба начали занимать земли с помощью самозахвата. Именно этого местным властям, судя по всему, и надо было. Не говоря уже о том, что местные фазендейро развернули против тупинамба волну террора, истребляя их лидеров. Решением президента на подавление протестов безоружных индейцев была брошена не только полиция, но и армия. Один из касиков был обвинен в убийстве и отправлен в тюрьму, причем ему грозила смертная казнь.

Все это происходило на фоне развернутой кампании в печати. Нашли даже антрополога, которая написала именно то, что от нее требовали власти. Что никакие эти тупинамба

не индейцы, а возомнившие себя индейцами кабокло (метисы), позарившиеся на священную частную собственность. К счастью, академические круги, а в Бразилии очень сильная и международно-признанная антропологическая школа, ее не поддержали, наоборот, нашли массу доказательств противного. Более того, направили открытое письмо президенту в защиту тупинамба. Кстати, введение в штат армии, видимо и явилось ответом на это письмо, так как соответствующий приказ президента был отдан уже после его публикации²⁰³.

Другое обвинение могло бы выглядеть забавным, если бы не ситуация, которая его породила. Местные СМИ обвинили FUNAI в том, что она «плодит индейцев» (!). Могла бы тогда хотя бы не устраивать проволочек с признанием ИТ (индейских территорий) в течение 10 лет...²⁰⁴

Даже те индейские народы, которые официально признаны, сегодня постоянно испытывают угрозу своей культурной и этнической самобытности. Это происходит просто в силу того обстоятельства, что, правительство в индейском вопросе нередко декларирует то, что в реальности чаще всего не может, а возможно, и не хочет выполнять. Причина проста – для этого пришлось бы пойти на конфликт с олигархией и определенной частью электората. Но в Бразилии, например, очень высок уровень преступности (коррупция, организованная преступность и т.п.). И разного рода бандитские группировки (например, нелегальные старатели и наемные убийцы), как ни смешно или печально, в состав электората тоже входят, как и крупные земельные собственники и промышленные магнаты, а индейцы – так уж повелось, в выборах, как правило, не участвуют. Конфликтовать же с могущественной олигархией и электоратом никакой президент, скорее всего, не сможет. Как иначе быть тогда с реформами, с прогрессом, с программой ускорения развития, перешедшей уже по наследству от одного прези-

дента к другому (от Лулы к Руссефф) при поддержке этого самого электората? Есть только одно неудобство: мир так устроен (по крайней мере, в Латинской Америке), что за прогресс для одних приходится платить другим. И в нашем случае, как следует из имеющихся данных, платят за него в первую очередь индейцы²⁰⁵.

Так, охрана земель ИТ, хотя и декларированная конституцией, практически отсутствует, что приводит к постоянным вторжениям на них разного рода нелегалов (лесорубов, старателей и т.п., в том числе, например, на земли яноама в штате Рорайма, откуда старателей уже изгоняли с помощью армии, но они и по сей день там открыто или скрытно, действуют при попустительстве властей штата), что, естественно, не только сказывается на состоянии среды обитания, которая ими обычно разрушается, но и сокращает возможности ведения традиционного хозяйства даже там, где его еще практикуют (в той же Амазонии, например).

Но бывают ситуации и еще хуже: так, в штате Пара сохранилась небольшая группа авá-гуажá (300-350 человек, часть из которых избегает контактов с «белыми»). Гуажá – охотники-собиратели (одни из последних, если не последние вообще в Бразилии), живут в трех резервациях. Нелегальные охотники на их землях – только одна из проблем, с которыми они сталкиваются. Через их территорию к тому же проходит железная дорога (ее создание ознаменовало начало президентства Лулы в 2002 г.), дающая прекрасную возможность для вторжения незваных гостей и распространения заносимых ими эпидемий. Владеет же этой дорогой компания Вале-Рио-Досе (с 2007 г. просто Вале), одна из крупнейших в мире производителей железа и стали, разрабатывающая расположенные неподалеку шахты. Каждые полчаса через резервацию проносится состав, груженный сталью (для удобства и удешевления производства выплавленной на древесном угле, т.е. за счет вырубki лесов), есте-

ственно, распугивая даже ту дичь, что еще осталась. Президент Д. Руссефф выражала «озабоченность судьбой гуажá» (впрочем, только после коллективного письма на ее имя, подписанного видными учеными и общественными деятелями, бразильскими и зарубежными). Это отнюдь не значило, разумеется, что президент собиралась пойти на конфликт со стальным магнатом ради каких-то гуажá и прочих (а всего 40 индейских общин испытывают сегодня прямое или косвенное воздействие указанной железной дороги). И средства на спасение гуажа собирало не правительство, а НПО Survival International. Удастся ли им выжить, по-прежнему остается проблемой. Пока же на вопрос о том, какое будущее ждет гуажá при сохранении существующего положения, один из сотрудников FUNAI, службы, призванной защищать индейцев, ответил ясно и просто: вымирание²⁰⁶. Таков пример «культурной политики» в отношении лишь одной конкретной группы.

Правда, впоследствии было объявлено, что под давлением общественности и НПО с земель гуажа бразильские силовики выдворили всех нелегалов (лесорубов, самозванных колонистов и т.п.), которых там уже оказалось в несколько раз больше, чем самих гуажа. Это, безусловно, можно считать хорошей новостью. Однако колонисты, вынужденные уйти, сменили тактику: стали поджигать лес, где живут гуажа, что грозит лишить их среды обитания. Так что в отношении земель гуажа сделано пока лишь полдела. Ведь и пример того же штата Рорайма показывает, что мало выдворить чужаков, нужно еще так организовать охрану, чтобы не допустить повторного нашествия. В Рорайме, как, судя по всему, и на землях гуажа, этого сделано не было. И сегодня нелегальные старатели-бразильцы действуют уже не только в самой Рорайме, но и, как было показано выше, на территориях соседних стран – Венесуэлы, Гайаны и др. И

езде это ведет к росту конфликтности, распространению эпидемий²⁰⁷.

На общем негативном фоне бывают и исключения из правил. Например, небольшой народ каапор на севере страны создал отряд самообороны. Устав от постоянных вторжений нелегальных лесорубов на свою территорию и бездействия полиции, они организовали оборону сами – нечто вроде добровольной народной дружины. На контролируемой территории дежурят специальные наблюдатели, которые, заметив незваных гостей, подают сигнал к сбору группы и нападают на чужаков. Под дулами ружей их вяжут, конфискуют груз и инструменты, грузовики сжигают их же дизтопливом. Затем «гостей» раздевают догола и выдворяют за границы своей территории²⁰⁸. Но это исключение, поскольку оружия у индейцев, как правило, нет (луки и стрелы, разумеется, не в счет).

Проблема прямых захватов индейских земель также остается на повестке дня, особенно на Юге, где резервации и так очень малы по размерам, крайне перенаселены и для сохранения культурных традиций, как правило, недостаточны. Чаще других страдают гуарани, так как их земли как раз оказались в зоне расширяющегося соевого пояса. В Бразилии за последние годы, благодаря льготному кредитованию и другим мерам, рекордно выросло производство сои (трансгенной в первую очередь), сахарного тростника, продукции животноводства и т.п.²⁰⁹. За счет чего или точнее кого это происходит? Вот несколько примеров. В 2005 г. небольшая резервация гуарани-кайовá в штате Мату-Гроссу-ду-Сул, официально только что оформленная, была разогнана бандой наемников при активном содействии *федеральной полиции*, все дома, посевы и документы резервации были сожжены, а один из индейских лидеров был вскоре убит подосланным киллером, оставшимся безнаказан-

ным. С возвращением земель не торопятся – для этого не сделано ничего, да и сами земли уже засеяны.

Аналогичный случай произошел в 2008 г., когда была сожжена вместе со всем имуществом, включая записанные со слов знатоков исторические и другие тексты, деревня гуарани-мбья близ г. Нитерой на побережье. Еще одну резервацию гуарани в Мату-Гроссу-ду-Сул разогнали в 2010 г., как раз в то время, когда президент Лула да Силва передавал власть своей преемнице. Другая резервация в том же штате, воссозданная на части земель гуарани, была разогнана в 2009 г., а ее жители при попытке вернуться на то же место блокированы бандой, нанятой присвоившим их земли помещиком. Она перекрыла индейцам поставки продовольствия и медицинской помощи. Лидеры гуарани обращались за помощью к президенту, призывая не допустить уничтожения их народа. Никакого ответа они не получили. Местные власти и полиция также в лучшем случае ограничиваются ролью сторонних наблюдателей и ни во что не вмешиваются.

В результате в штате Мату-Гроссу-ду-Сул едва ли не привычным явлением стали придорожные индейские лагеря тех, кого согнали с земли. Впрочем, нападения на индейские общины – обычное дело и в других штатах. Например, в Баие, где фазендейро также удерживают, как показано выше, часть уже демаркированных официально индейских земель тупинамба, в 2008 г. в результате нападения *полицейских* на одну из общин была разрушена школа, а ее лидер арестован на основании сфабрикованных обвинений. В 2010 г. в тех же местах подстрекаемые фазендейро (открыто устраивающими антииндейские манифестации) горожане громили индейские общинные торговые точки, а на территории общин вторгались банды наемников, вместе с полицейскими. Список этот можно продолжать едва ли не до

бесконечности. Достаточно посмотреть отчеты Индихенистского миссионерского совета, например, за 2011 году.²¹⁰

Провозглашая на словах лозунги в защиту культуры, правительство в принципе не в состоянии осознать, что культуры индейцев во многом отличны от той единственной, которая насаждается сверху, несмотря на все громкие уверения в мультикультурализме. Есть, например, гуаранимбья, для которых всегда было характерно перемещение групп населения на большом пространстве, сегодня рассеянном границами Бразилии, Аргентины, Парагвая и Уругвая. Занимаемые (временно) территории представляли собой «острова» мбья, переходивших с одного такого «острова» на другой по системе, напоминающей кольцевую миграцию, ставшую в современных условиях трансграничной (что достаточно естественно при охотничье-собирательском хозяйстве в сочетании с подсечно-огневым земледелием). Но как это совместить с тем, что современное законодательство признает только постоянную оккупацию территории?

И вот в «общественном мнении» мбья стали бродягами, отсталыми, ворами, незаконными оккупантами земель, разрушителями регионального экономического развития, пытающимися присвоить плодородные земли трудолюбивых фазендейро и агропромышленных фирм, пригодные еще и для туристической деятельности. Они повсюду воспринимаются как иностранцы, шатающиеся через границы без документов (у них их никогда и не было). И как дикари, для которых противостояние природы и культуры не имеет смысла... И неважно, что вовлеченные в земельные конфликты с мбья разнородные силы и организации со своими частными интересами (фазендейро, корпорации и даже амбиенталисты, «защищающие» заповедные территории от индейцев, но не от браконьеров) действуют с позиции силы – ведь они находятся под защитой современного законода-

тельства, которое, разумеется, все «принимает во внимание». Принимает с позиций «культуры и прогресса», в которых для индейцев места нет. Один из результатов такой политики: у гуарани самый высокий в Бразилии показатель смертности от самоубийств, в том числе среди несовершеннолетних. Включая нашумевший в конце прошлого века во всем мире, но спокойно воспринятый в Бразилии, случай с повесившейся от чувства безысходности 9-летней девочкой. С тех пор количество детских самоубийств среди бразильских индейцев многократно возросло²¹¹. Такова плата за прогресс.

Даже там, где индейцев вроде бы и не сгоняют с земли (ну разве что при случае урежут площадь резервации), вопрос о возможности сохранения ими своей культуры стоит весьма остро. Например, у шокленгов в штате Санта-Катарина в результате постройки еще в середине 1970-х годов дамбы, которая буквально зажала маленькую резервацию в клещи, было затоплено 900 га принадлежавших резервации лучших ее земель. Затем, при содействии незаконных порубщиков и поселенцев, использовавших дамбу как дорогу, была полностью уничтожена местная флора и фауна, что превратило индейцев в наемных рабочих на фермах и фабриках, ибо иных средств к существованию у них практически не осталось. Сначала шокленгов вынудили превратиться из охотников-собирателей в земледельцев, когда FUNAI организовала им резервацию, и земли стало мало. Сегодня же для них практически невозможны не только охота, но и земледелие – подходившие для него земли затоплены. Добыть можно только рыбу, все остальное надо покупать²¹². И подобных примеров можно привести множество.

Итоги изучения ситуации в Бразилии экспертами упоминавшейся выше организации IWGIA достаточно красноречивы. Согласно их заключению, президентская програм-

ма ускорения развития окажет (и можем добавить – уже оказывает) прямое воздействие на индейские территории. За период восьмилетнего правления Лулы очень мало было сделано в отношении законодательного оформления резерваций (Рапоза на границе с Гайаной – один из таких случаев, ИТ была узаконена в 2005 г., хотя указ о ее создании принят президентским декретом еще в 1988 г.)²¹³. Зато с началом реализации выдвинутой тем же президентом Лулой программы ускорения развития, предложено 426 проектов строительства гидроэнергетических объектов. Из них до 2030 г. намечено построить 247, что окажет прямое или косвенное воздействие на индейские земли, с жителями которых никто не консультировался. Это само по себе нарушение конвенции МОТ № 169 и конституции Бразилии²¹⁴. За те же годы правления Лулы погибло от рук киллеров рекордное количество индейских лидеров, боровшихся за земельные права своих народов. По данным Миссионерского индихенистского совета, количество убийств шло по нарастающей на протяжении всего периода президентства Лулы. Последние три года его правления эта цифра держалась устойчиво – по 60 человек в год, пик был достигнут в 2007 г. – 97 человек. Один из многих известных автору случаев подобного рода произошел 11 ноября 2011 г., когда наемниками был убит шаман-гуарани Низио Гомес²¹⁵.

Судя по тому, что такие преступления оставались и остаются безнаказанными, даже когда известны и исполнители и заказчики, невольно напрашивается вывод, что и те и другие пользуются покровительством и/или поддержкой не только местных властей, но и правительства. Иначе чем объяснить участие в нападениях на индейцев сил федеральной полиции? События такого рода, равно как сгон с земли, судебные преследования в районах проживания индейцев ведут к земельным конфликтам и нелегальной добыче сырья. Убийство Низио Гомеса имело неожиданное продол-

жение: исполнителей *впервые* в истории Бразилии привлекли к суду. Только и здесь остается вопрос – понесут ли все они наказание? Почему, если бандитов было 19, а по другим данным и больше (40 человек), под судом оказались только 4?²¹⁶

Кстати, попытки индейцев активно реагировать на беззаконие, встречаются, в отличие от убийств наемниками их лидеров, очень быструю реакцию властей. Когда в июле 2012 г. индейцы мундуруку в штате Пара, после несправедливого, по их мнению, освобождения убийц их соплеменника, напали на полицейский комиссариат и похитили два карабина и револьвер, на территорию тут же была введена целая рота спецназа. А как же иначе? Раз в руках у индейцев оказалось оружие (которого их полностью лишили законы «либеральной» демократии), они могут оказать сопротивление оплаченным фазендейро бандитам. Но индейцы пошли на этот шаг потому, что по праву посчитали виновными в несправедливости государственные власти, частью которых являются суд и полиция²¹⁷.

О том, в каком состоянии находится сегодня медицинское обслуживание индейцев, говорит уже тот факт, что только с 2009 по 2010 год смертность среди детей младше 5 лет возросла на 513%. И это на фоне «особых успехов в снижении детской смертности» по стране, согласно другим, официальным источникам²¹⁸.

Что касается индейских территорий, то за 2010 г., например, вообще не было делимитировано или узаконено ни одной ИТ и десятки ИТ по сей день остаются неоформленными²¹⁹. Безразличие в этом вопросе, восторжествовавшее в правительстве, видно уже хотя бы из того факта, что из 988 территорий, населенных индейцами, 323 до сих пор не имеют легального статуса, дела еще 146 находятся на рассмотрении, причем эти земли до сих пор даже не определе-

ны как ИТ. Из территорий, находившихся в процессе размежевания, 20 были ранее определены как ИТ, 60 заявлены, 35 утверждены и 366 зарегистрированы. По мнению же экспертов Индихенистского миссионерского совета, процесс демаркации ИТ был в последние годы, особенно в течение президентства Д. Руссефф, полностью остановлен, более того, правительство отложило законодательное признание ряда территорий индейскими, хотя они уже были признаны и провозглашены таковыми ранее²²⁰.

К этому можно добавить чрезвычайно неэффективную работу FUNAI и правительственных органов в индейском вопросе: в штате Алагоас индейцы карири, например, ждали полного легального оформления своей ИТ (а эта процедура состоит из шести этапов) 37 лет. Зато урезания территорий ИТ в пользу частных собственников под разными предлогами происходят очень быстро. Сами индейцы подвергают резкой критике деятельность FUNAI. А в 2008 г. с нападками на нее обрушился главнокомандующий расквартированных в Амазонии войск генерал А. Элено. Очень показательным, что именно ставилось при этом в вину Фонду. Его обвинили в препятствовании контактам индейцев с белыми, нарушении прав неиндейцев (по закону им запрещено входить на индейские территории). Генерал призвал защитить интересы бедных рисоводов – они захватили всего-то (!) 1% земель резервации Рапоза, а их производство – это 6% от всей продукции по штату Рорайма. И вообще, по мнению военных, штат не может нормально развивать экономику, так как индейские земли слишком велики²²¹. То есть идея проста: индейские земли надо открыть для всех и до минимума урезать их территорию.

Сама по себе программа ускорения развития – проект, сфокусированный, прежде всего на строительстве дорог и гидроэлектростанций. 44% последних намечено построить именно на индейских землях, многие другие в непосредст-

венной близости от них, то есть они в первую очередь и подвергнутся затоплению. Сегодня уже действуют 83 ГЭС, и еще 247 планируется построить, прежде всего, в бассейне Амазонки, что затронет более 44 тыс. человек. Строительство только одной из этих электростанций – Белу-Монти в штате Пара на р. Шингу (третья по мощности в мире), на которое уже было выдано разрешение и в 2011 г. начаты работы, причем без всяких консультаций с местными индейцами. Это является прямым нарушением подписанных Бразилией документов и конституции. Впрочем, что любопытно, даже если право на консультации соблюдать правом вето индейцы все равно по закону не обладают, эти самые консультации – не более чем формальность. Результатом строительства станет уничтожение лесов на площади в 1500 кв. км, затопление 516 кв. км, лишение воды территории площадью 1066 кв. км. К этому надо добавить прямое разрушительное воздействие на местную флору и фауну: например, загрязнение воды и исчезновение в реках рыбы, что окажет прямое воздействие на индейские территории, ведь в Амазонии есть группы индейцев, не употребляющие мясо, но только рыбу; еще одним последствием станут засухи. И, наконец, побочный эффект: в тропических условиях этот комплекс ГЭС станет мощным генератором парниковых газов, прежде всего метана. Так происходит на всех уже построенных бразильских ГЭС, то же самое ждет и те, что еще строят или собираются строить.

О Белу-Монти написано уже огромное количество литературы, всю ее процитировать или дать ссылки просто нереально. Но подавляющее большинство авторов (даже такого либерального журнала, как «Экономист») сходятся в том, что воздействие этой ГЭС, если ее все же построят, на природу и соседнее население будет разрушительным. И это только пример одной ГЭС. А в том же источнике приведены данные еще по четырем с аналогичными прогнозами²²². На-

до отметить, что в строительство, например, той же Белу-Монти вложено, по разным оценкам, до 15 млрд долларов. При этом, по подсчетам независимых экспертов, ее электроэнергия будет самой дорогой в Бразилии. Кое-кому, однако, все это явно не представляется важным. И вопреки активному сопротивлению строительству ГЭС, в которое вовлечены не только индейцы, но и другие жители штата, строительство продолжается под охраной армии и полиции. А власти доказывают, что стройка принесет только благо населению. Одно из таких «благ» оно уже ощущает – неконтролируемый приток иммигрантов.

Кроме того, что бы там ни говорили президент и ее правительство, по крайней мере, несколько тысяч людей придется переселить. Не захотят «добром» – так насильно. В отношении индейцев кайапо процесс уже «пошел». Проходит он под дулами автоматов спецназа²²³.

Главное заключается в том, что предназначена эта электроэнергия вовсе не населению, как уверяют, а крупным компаниям, разворачивающим на соседних землях добычу золота, бокситов и железа. А то, что при этом обречена на гибель природа, не столь важно. Кто сейчас вспоминает о том, что при строительстве крупнейшей ГЭС Итайпу на границе с Парагваем, дающей миллиарды киловатт двум странам, были уничтожены одни из красивейших в мире водопадов и затоплены огромные индейские территории?²²⁴ Для тех, кто стоит за этим, киловатты важнее.

Неслучайно, в уже прошедших акциях протеста индейцев в разных частях страны выражалось категорическое неприятие именно этой, столь восхищающей наших экономистов, программы ускорения развития Лулы и его продолжательницы – они хорошо знают, чем она оборачивается. Ведь, например, большинство запланированных ГЭС на равнинных реках в условиях Перу и Бразилии, заключивших договор о строительстве таковых в рамках единой сис-

темы, вряд ли проработают больше 30 лет, после чего будут заброшены. В том, что они после себя оставят, сомневаться не приходится²²⁵. Если добавить сюда же незаконную вырубку лесов, сброс токсичных отходов в реки, монокультурное земледелие, то пресловутое «развитие» налицо. Вот почему сегодня сложно говорить о какой-либо продуманной политике в сфере культуры в отношении индейцев, коль скоро сами основы их существования как носителей своих культур продолжают целенаправленно уничтожаться. Эта политика фактически повернута вспять, в сторону игнорирования индейских культур, перед которыми вновь со всей ясностью встал вопрос о самой возможности их выживания (как, впрочем, и их носителей).

То же, что еще делается в смысле культурной политики, унаследовано от прежних времен. Примером могу служить школы, ориентированные на потребности именно индейцев как особых по культуре групп. Но много ли проку от школ тем, кто «живет» в лагерях из построенных из чего попало барачков на обочинах дорог, как гуарани и др.?

Следует признать абсолютно верным выводы, к которым пришла в результате изучения проблем на местах авторитетная организация – Миссионерский индихенистский совет, который регулярно травят в бразильской прессе и общественном мнении. Бразильское правительство не в состоянии гарантировать индейцам права на землю, на жизнь и достойное медицинское обслуживание, не может защитить материальную и духовную культуру индейцев, а их самих от агрессии²²⁶. Если это называется культурной, экономической, социальной или какой-либо еще политикой в отношении индейских народов, то она полностью осуществляется в духе глобализации. Таким образом, перед нами яркий пример фактически антииндейской политики.

Можно сказать, что идя на все, вплоть до прямого нарушения конституции, правительство умышленно перешло на

позиции ликвидации всего того, чего индейцам удалось добиться при его предшественниках. Фактически, власти сейчас действуют вполне в духе тех самых ста с лишним поправок, предложенных для внесения в конституцию (но официально в нее не внесенных) олигархами и фазендейро, которые и предлагали отменить все индейские завоевания. Но ведь установка на реализацию именно антииндейской политики ясно следует из слов самого бывшего президента Лулы, который однажды заявил, что индейцы, метисы и борцы за сохранение природы (амбиенталисты) суть препятствия для прогресса Бразилии. Нечто подобное было сказано и перуанским экс-президентом А. Гарсией. Как видим, страны разные, а риторика одинакова²²⁷. Коль скоро Д. Руссефф являлась продолжательницей дела Лулы²²⁸, было сразу ясно, что и эта политика останется неизменной, о чем убедительно свидетельствуют как события вокруг ГЭС Белу-Монти, так и продолжающийся натиск на земли гуарани и атаки на тупинамба Баии.

В развитие уже принятого курса внесено предложение ввести в конституцию поправку, согласно которой демаркирование и гомологация ИТ передаются от исполнительной к законодательной власти, т.е. в руки именно тех кругов, которые настроены традиционно антииндейски. Против этого решения индейцы активно протестуют, но будут ли их слушать? Плюс в 2012 г. был принят закон, согласно которому уже демаркированная ИТ не может быть расширена. Кроме того, тот факт, что земля находится у индейцев фактически как аренда, а не в собственности, не дает им права противодействовать строительству на их территории общественных сооружений, дорог и размещению средств связи. Хотя совершенно очевидно, что все эти законодательные акты противоречат как конституции, так и конвенции №169.

В результате сохранения напряженности в аграрной сфере продолжается эскалация насилия в штате Мату-

Гроссу-ду-Сул. Будучи штатом с наибольшим индейским населением (74 тыс. человек), он прочно удерживает «почетное» первое место в Бразилии по количеству земельных конфликтов, убийств индейских активистов, самоубийств и насилия в индейской среде. Обычным является применение насилия латифундистами, стремящимися не допустить возвращения земель индейцам. И они в этом весьма преуспевают, поскольку местное правительство им не препятствует. Так, из 123 ИТ, запрошенных индейцами, по 71 работы еще и не начинались. В конце 2013 г., устав от бесплодных ожиданий и обещаний, индейцы направили открытое письмо президенту, в котором подчеркнули, что при сохранении такой политики ее правительство войдет в историю как антииндейское, и предложили ряд конкретных мер по улучшению положения коренного населения²²⁹. Реакции не последовало.

После импичмента Д. Руссефф индейская проблема лишь обострилась. Новый президент, Мишел Темер, вновь поднял вопрос о поправке к конституции, по которой индейские дела передаются от исполнительной власти к законодательной, т.е. в руки откровенно антииндейских кругов (латифундистов, агропромышленников и др.). Это аналогично тому, чтобы поручить волкам пасти овец. Кроме того, был смнен директор FUNAI (финансирование которой к тому же резко сокращалось в последние годы), и на его пост назначен латифундист. На все рекомендации комиссий ООН, заявляющих о продолжении политики ущемления прав индейцев и насилия над ними, никто, как и прежде, не реагирует.

Кстати, еще один любопытный пример того, как проводится эта политика в отношении индейцев: им до сих пор запрещено регистрировать детей под индейскими именами²³⁰.

В заключение обратимся к данным относительно индейских групп, находящихся в состоянии добровольной изоляции или на стадии спорадических контактов с окружающим населением.

Из семи стран континента, в которых зафиксированы индейские группы в состоянии добровольной изоляции, фактически только в Бразилии существует специальная и очень детально разработанная усилиями приверженных своему делу энтузиастов из числа сотрудников FUNAI программа и свод правил работы с такими группами. Здесь необходимо обратиться к событиям конца прошлого века. Уделение индейским изолятам более пристального внимания стало возможным после некоторой переориентации работы FUNAI с середины 1980-х годов, что не в последнюю очередь было вызвано трагическими событиями в штате Рондония. Через его территорию было тогда решено проложить шоссе. После довольно поверхностной разведки, проведенной FUNAI, было сочтено, что индейцев на территории уже не осталось (они будто бы разбежались в связи с наплывом строителей), и дано разрешение начать колонизацию. И вдруг оказалось, что индейцы есть, и их много.

Фонд установил пост для наблюдения за ними, прежде чем вынудить их согласиться на контакт. Но водворившихся в штате крупных скотоводов и колонистов проволоочки не устраивали. Они стремились получить больше земли и немедленно. В середине 1980-х годов нанятые ими банды почти поголовно уничтожили несколько индейских групп. Самый большой резонанс получил случай с народом акунтсу. Сколько их было – никто теперь не знает, да и вряд ли узнает когда-нибудь (попадалась даже цифра в 7 тыс. человек). В результате тщательно подготовленной бойни, следы которой пытались скрыть, заровняв территорию бульдозером, в живых осталось 7 человек – пять женщин и двое мужчин. Сегодня же их уже только 5 человек, и вопрос с исчезнове-

нием акунтсу решен окончательно: среди них нет женщин фертильного возраста. Кстати, бандиты тогда снесли и наблюдательный пункт FUNAI, правда, людей там в то время не было. Обнаружить само место трагедии смогли, несмотря на тщательные поиски, только в 1995 году. А годом позже имела место еще одна, последняя пока (хотелось бы хотя бы надеяться, что все же последняя) в той же Рондонии бойня индейцев. Тогда от некогда соседнего с акунтсу этноса уцелел один-единственный человек, с тех пор скрывающийся в лесу²³¹.

Но вернемся к группам в состоянии добровольной изоляции. По их количеству Бразилия – безусловный лидер в Южной Америке, что, на наш взгляд, свидетельствует как раз об очень неблагоприятной ситуации в политике государства в отношении индейского населения. Без достаточных на то оснований тысячи людей не бегут от контактов в сельву. Для этого опыт однажды имевшегося контакта должен был произвести «незабываемое» впечатление. А примеров тому в недавней истории Бразилии множество. Для иллюстрации приведем только два.

В той же Рондонии индейцы синта ларга на момент вступления в контакт с «цивилизацией» насчитывали 5 тыс. человек. На сегодня их осталось не более одной тысячи. Нет, их не истребляли. Во всяком случае, так, как акунтсу. Но сделали свое дело занесенные извне болезни, от которых иммунитета у индейцев не было. А заниматься их медицинским обслуживанием руки ни у кого не доходили²³².

Другой пример – индейцы хета, вышедшие из леса в середине прошлого века. Их земли тут же захватили колонисты с благословения правительства. Народ численностью в 450 человек оказался маргиналом. Опять-таки их не истребляли. Но хватило 25 лет, чтобы они практически исчезли. Сегодня их осталось всего семь человек. Ограничимся этим,

поскольку приводить подобные примеры можно было бы еще долго.

То, что существовавшая еще в прошлом веке политика в отношении индейцев, проводившаяся как правительством, так и самой FUNAI, не приносит коренному населению страны ничего, кроме вреда, было очевидно. Ведь нацелена она изначально была на ликвидацию индейцев, точнее, как это красиво тогда называлось, на их «интеграцию» в бразильское общество. А для этого с конкретным индейским народом нужно было сначала установить контакт, хочет он того или нет. А потом «приучить его к цивилизации» (под этим понималось насаждение португальского языка, норм жизни и т.д.).

Прорывным стал 1987 г., когда была организована встреча сертанистов (специалистов, работающих с индейцами) с приглашением и других, знакомых с проблематикой лиц, в том числе антропологов. На встрече были определены основные черты будущей индейской политики с учетом необходимости отказа от прежней. Впервые прозвучало заключение, что вступать в контакт с индейскими группами можно и нужно только в том случае, если их существованию угрожает опасность из-за внешних факторов. Была выдвинута задача картографирования всех находящихся в неконтактном состоянии индейских обществ и сбора всей доступной информации о них. Существующие изоляты были объявлены носителями культурного, человеческого и исторического мирового наследия, защита их потому должна быть гарантирована. Индейцы в целом были признаны хранителями природных богатств, основной ролью FUNAI в работе с ними названа образовательная. Форсирование контактов было признано недопустимым²³³. Вот в этих направлениях и начала формироваться программа работы с изолятами, которая, будучи достаточно детальной и основанной

на долгом опыте проб и ошибок, на сегодня является уникальной в Америке.

Надо отдать должное сотрудникам FUNAI – они достаточно хорошо понимают, насколько сложно претворить такую программу на практике в современных условиях Бразилии. Кадры для этой работы у Фонда есть, но их недостаточно. Существуют и специальные подразделения для работы именно с изолятами. Основополагающими принципами их деятельности является не провоцировать контакты, наблюдение вести издали с помощью специальной аппаратуры и привлечения данных космической и аэрофотосъемки и т.п. В то же время группа наблюдателей обязана вести мониторинг ситуации и находиться достаточно близко на случай непредвиденных обстоятельств (например, для оказания при необходимости срочной медицинской помощи). Поскольку изоляты – это, как правило, сегменты, «отколовшиеся» от уже находящихся в контакте индейских обществ, или о них, по крайней мере, имеется информация у соседей, в состав таких групп наблюдателей обязательно должны входить люди, владеющие нужным в данном случае индейским языком.

Ситуация с изолированными группами на сегодня такова. Имеется 8 ИТ, созданных специально для изолятов или групп на стадии начального контакта. В целом же, если считать ИТ, на чьих землях эти группы соседствуют с теми, что уже считаются находящимися в постоянном контакте с внешним миром, то таких ИТ получается 29. Но проблема в том, что сегодня в распоряжении FUNAI уже имеется подтвержденная информация о 23 изолятах, а кроме того, есть еще так называемые не подтвержденные пока сведения, указания и т.п. на наличие еще 47 таких групп. Это официально. Предположительно же, общее число изолятов превышает 100. В отношении 47 вышеупомянутых, но пока достоверно не установленных групп, в настоящее время производится сбор информации. Однако пример штата Рон-

дония показывает, что наемники могут успеть раньше. Сам процесс сбора информации, картографирования и т.д. – дело достаточно медленное, рассчитанное на годы.

Сами сотрудники служб, работающие с изолятами, как отмечено выше, отлично понимают всю сложность стоящих перед ними проблем. В их числе и слабая государственная поддержка, в том числе финансовая, и опасности со стороны нелегальных старателей и крупных компаний с их мега-проектами. Они не считаются ни с чем и ни с кем, и их прогресс, как выразилась одна из сотрудниц Survival International, оплачивается человеческими жизнями²³⁴. Именно поэтому, руководитель подразделения Фонда по работе с изолятами С. Посуэло добился права для его людей иметь при себе оружие. Причина проста: в условиях высокого уровня преступности и неуважения к закону, характерного для Бразилии, судя по всем имеющимся данным, один лишь запрет на вторжение на территории изолятов со стороны невооруженных людей, при желании попасть туда, ни на кого не подействует²³⁵.

Наконец, у этих служб имеет место и элементарный недостаток кадров. Именно вследствие всех этих причин FUNAI в последние годы проводит курс на все более активное сотрудничество с различными НПО, включая даже критически относящиеся к этой службе Индихенистский миссионерский совет Бразилии или Survival International.

На сегодня, после смены правительства, трудно надеяться, что у FUNAI в нынешнем столетии работа будет идти лучше, чем в прошлом. Хотя возможности для этого у Фонда есть, разумеется, при условии, что правительство будет поддерживать его деятельность, прежде всего, в финансовом отношении – для подготовки кадров, обеспечении необходимой техникой и т.п.²³⁶. Полагаться только на добровольные пожертвования такая служба вряд ли сможет.

ЧЕТЫРЕ ОСОБЫХ СЛУЧАЯ

В нижеследующем разделе хотелось бы затронуть вопрос о политике в отношении индейских культур в группе стран, о которых по разным причинам пишут достаточно редко. Да и материала, к тому же не всегда достаточно представительного, по ним соответственно намного меньше, чем по другим странам Южной Америки, так что он будет по необходимости более кратким. Речь пойдет об Уругвае и трех Гвианах: Гвиане Французской (департаменте Франции), Суринаме и Гайане. Для такого странного на первый взгляд объединения есть одно основание: ни одна из указанных стран не ратифицировала до настоящего времени Конвенцию МОТ № 169 о правах коренных народов, и даже само их существование в этих странах нередко отрицается на законодательном уровне.

Уругвай

Данная глава посвящена положению индейцев в стране, где, как часто считается, не только на правительственном, официальном уровне, но и на бытовом, коренного населения нет. По мнению многих ее граждан, в том числе ряда видных историков и антропологов, Уругвай – самая «белая» страна Латинской Америки. На научном уровне эту идею усиленно продвигает, например, известный антрополог Даниэль Видарт, друг Хосе Мухики, занимавшего пост президента в 2010-2015 гг., взгляды которого на индейскую проблему те же: нет индейцев, нет и проблемы (поэтому Уругвай, наряду, кстати, со странами Гвианы, не считает нужным ратифицировать известную Конвенцию МОТ № 169).

Разумеется, человек по этнической принадлежности тот, кем он сам себя считает. У Д. Видарта, согласно его собст-

венным словам, по отцовской линии бабушка индеанка, а по материнской имеется и африканского происхождения прабабушка. Он относит себя, однако, к «белым» и вообще считается «гражданином мира». И это его право. Правда, тогда возникает вопрос, насколько он вообще может называться, например, уругвайцем. Однако есть люди и с другим подходом к данному вопросу. Даже, как выяснилось, в том же Уругвае²³⁷.

До появления европейцев страну населяло несколько небольших по численности индейских этносов (впрочем, это не более чем общепризнанное уругвайской Академией мнение, так как никаких данных о численности индейского населения до конкисты просто не существует). В основном это были охотники-собиратели (геноа, минуан, чана, чарруа и др.). Завоевание и принесенные с ним эпидемии резко уменьшили численность этого населения. Как предполагается, все индейские этносы Уругвая или большинство их были родственны по языковой принадлежности и входили в так называемую макрообщность чарруа, но все эти языки исчезли, практически не будучи описаны (хотя бы на уровне составления словарей), так что речь идет не более чем о гипотезе.

Часть территории современного Уругвая занимали также земли иезуитских миссий, что повлекло за собой приток в страну индейцев гуарани. Они проникали туда и позже – во время войн XIX в., из Аргентины и Бразилии. В 30-х годах того же столетия после известной бойни индейцев чарруа в местечке Сальсипуэдес в 1831 г. и других акций, проведенных уругвайской армией против прежних союзников в борьбе за независимость, индейский вопрос был снят вследствие заявлений властей и активной пропаганды (включая школьные учебники) об отсутствии в стране коренного населения. Остатки его, главным образом пленные женщины и дети, были фактически проданы в рабство в Монтевидео,

а трое мужчин и одна женщина чарруа вывезены в Париж в 1833 г. в качестве экспонатов «диких животных» и вскоре окончили свои дни в лионском цирке как «заменители» дрессированных обезьян. Научную общественность «просвещенной» Франции они не заинтересовали. Сегодня в центре Монтевидео есть памятник этим «последним чарруа», воздвигнутый скульпторами-энтузиастами.

Разумеется, в настоящее время имеется достаточно доказательств того, что чарруа, геноа, минуан и другие индейские группы не были истреблены полностью и на протяжении всего колониального периода к тому же оказывали определенное влияние на формирование генофонда уругвайцев. Еще большим было воздействие гуарани, хотя бы вследствие их большей численности. В итоге, например, недавние исследования, проведенные генетиками, продемонстрировали, что более трети уругвайцев имеют индейских предков с материнской стороны. Это не делает их неким исключением, а напротив, сближает их (по данному показателю) с прочими нациями Латинской Америки²³⁸. Но индейцы, как утверждалось на официальном уровне, были в результате воздействия колонизаторов рассеяны, детрибализированы, утратили собственную культуру и их сегодняшние потомки – не более чем креолы метисного происхождения²³⁹.

Однако опубликованные результаты ценса Национального института статистики, опрос которого включал самоидентификацию по расовому признаку, неожиданно для властей страны показали, что 4% уругвайцев относят себя к лицам индейского происхождения²⁴⁰. Таким образом сегодня их насчитывается приблизительно 160 тыс. человек.

Первые организации, декларировавшие себя как индейские, стали формироваться в Уругвае с 1989 г., через пять лет после падения военной диктатуры. Тогда же впервые начались и серьезные исследования вклада индейцев в

культуру Уругвая. В 2005 г. оформился Совет нации чарруа (CONACHA), включающий в настоящее время, по разным оценкам, 5-10 обществ-подразделений²⁴¹. Он сразу же начал кампанию за подписание Уругваем Конвенции № 169 МОТ, чего до сих пор, однако, добиться не удалось. Потомки чарруа также с конца 1980-х годов ежегодно организуют паломничества памяти в Сальсипуэдес, занимаются изучением того, что уцелело от индейских традиций, в частности музыки, языка и т.д.

Разумеется, сводить указанные 4-5% населения к потомкам именно чарруа, как это делают сегодняшние лидеры, причисляющие себя к индейцам, – довольно большая нагрузка. Чарруа отнюдь не были самой крупной индейской «нацией» Уругвая. В прошлом они занимали земли лишь на западе страны, а также в соседних провинциях современной Аргентины – Энтре-Риос, Санта-Фе, Корриентес, и на восточный берег Уругвая проникли вообще довольно поздно – в середине XVIII в., когда были вытеснены колонизаторами со своих исконных земель между реками Парана и Уругвай. Есть данные, что другая и гораздо более многочисленная индейская «нация» геноа занимала некогда почти всю территорию страны, включая присутствие отдельных ее групп на землях иезуитских миссий. Но так случилось, что когда деятели культуры Уругвая (писатели, художники и др.) стали в конце XIX в., после истребления индейцев, романтизировать прошлое (факт, хорошо известный и по другим странам Америки), именно чарруа вследствие известных фактов их геноцида превратились в своего рода национальный символ. Они объявлены индейцами Уругвая *par excellence*. И те, кто сегодня причисляет себя к потомкам именно чарруа, делают это зачастую просто потому, что не знают, к каким конкретно индейским народам относились их дедушки, бабушки, прабабушки. Потомков тех же гуарани в стра-

не наверняка больше, но они не проявили аналогичного стремления к самоорганизации²⁴².

По данным цензов 2006 и 2010 гг. можно заключить, что современные чарруа – люди с достаточно высоким уровнем образования и определенным положением в обществе по сравнению с другими группами, причисляющими себя, например, к лицам африканского или азиатского происхождения²⁴³. Это, несомненно, делает их в глазах властей и поддерживающих их кругов не более чем неким «интеллигентским» течением романтиков. Любопытный пример: им отказывают в самоидентификации на том основании, что окружающие их никакими индейцами не считают, следовательно, неважно, кем они сами себя вообразили. То есть, их считают «чарруавствующими», но не чарруа²⁴⁴.

В академических кругах чаще всего не видят смысла в стремлении этих людей исполнять некие «индейские» обряды, в попытках возродить язык, от которого осталось записанных всего-то семь десятков слов. Доказывают, что если, например, у человека в четвертом поколении есть предок поляк или каталонец, то это вовсе не значит, что его надо причислять к представителям данных народов или что ему надо говорить на польском или каталанском.

Другие считают сегодняшних чарруа не более чем культурной субгруппой, наподобие хиппи и панков. Стоит напомнить, однако, что, кроме самоидентификации, международным сообществом предусмотрены еще два правила для признания человека аборигеном: доказательства притеснений со стороны господствующей нации и наличие связи с доколумбовым наследием. Понятно, что последние два пункта в условиях Уругвая выполнить сложно. У тех, кто сегодня считает себя чарруа, есть разве что воспоминания о том, что они пришли к осознанию себя индейцами на основании семейных преданий. И именно самоидентификация выходит в этих условиях на первый план.

В итоге, поскольку документы ООН и прежде всего та самая Конвенция МОТ № 169, ставящая во главу угла именно самоидентификацию (после чего не должно удивлять, что уругвайское правительство так упорно отказывается ее подписать), определяют, что если сам человек считает себя отличным от окружающих, то именно за ним последнее слово. И если человек считает себя, например, индейцем, то неважно, кем считают его эти самые «другие», «окружающие». Но уругвайские власти не признают себя обязанными следовать этим документам ООН просто на том основании, что они носят исключительно рекомендательный характер, силу закона не имеют. Впрочем, подобные аргументы чиновников в отношении групп, пытающихся восстановить свою этническую идентичность, хорошо известны и на примерах других стран, в том числе Бразилии и Аргентины.

Статья Д. Видарта о том, что никаких индейцев в Уругвае нет, опубликованная в известном уругвайском журнале, вызвала массу возражений, в том числе и со стороны антропологов, к индейцам себя не причисляющих. Он, разумеется, с критикой не согласился²⁴⁵. Но любопытно, что два человека, считающие себя чарруа (которых в Уругвае официально нет), а именно: Ана Мария Барбоса (заняла в 2006 г. пост вице-президента, а в 2007 г. пост президента) и Энрике Ауйанет (был избран секретарем правительства), возглавляли не столь давно такую организацию, как Индейский фонд ООН²⁴⁶. То есть, исходя из положений Конвенции №169 и Декларации прав коренных народов 2007 г. в ООН наличие индейцев в Уругвае признают, а в самом Уругвае – нет.

Особенности того, что можно называть скорее «неоиндейским» движением в Уругвае таковы. Вследствие исчезновения индейских языков здесь нет, как у других индейцев, проблемы с двуязычным межкультурным образованием. Относящие себя к чарруа (по крови они, согласно старой

классификации, именовались бы кварталонами, т.е. индейцами по происхождению на 1/4) не образуют общин (что понятно, в большинстве своем они, как можно заключить из имеющихся данных, – горожане). И потому, хотя вопрос о выделении им земель как своего культурного пространства они и ставят, но не выдвигают таких требований на землю, как индейцы в других южноамериканских странах. Главные их требования: быть признанными конституционно (и со стороны отдельных официальных учреждений в самом Уругвае это произошло). Добиться пересмотра официальной концепции уругвайской истории (т.е. признать вклад индейцев в уругвайскую культуру, в борьбу за независимость страны, факт геноцида, культуроцида и этноцида). Ратифицировать Конвенцию МОТ № 169. Организовать сохранение индейского культурного наследия (археологических памятников, чаще всего это довольно многочисленные так называемые «индейские холмики» на местах бывших поселений и погребений).

Похоже, что именно боязнь того, что, если их признать как индейцев, они уже с полным основанием потребуют себе еще и землю, заставляет уругвайские власти отказывать им в официальном признании. То, что в последнее время лица, причисляющие себя к индейцам, задумались над вопросом обретения собственной земли, где могли бы жить согласно своим правилам, вызвано, как не странно, внешними факторами. В последние годы Уругвай из страны скотоводческой ускоренными темпами превращается в производителя трансгенной сои и древесины с насаженных лесоплантаций. Таким образом, исчезает традиционный ландшафт, что у определенной части населения, в том числе не только «индейского», вызывает вполне оправданное беспокойство. Кстати, под распашку и т.п. попадают как археологические объекты, так и священные по тем или иным причинам для индейцев места.

Дополнительно осложняет ситуацию то, что в самом «индейском» движении Уругвая отсутствует единство. Так, возникли разногласия по поводу того, можно ли подвергать антропологическому изучению останки последнего касика чарруа Ваймака Перу, как упоминалось выше, вывезенного, с тремя другими соплеменниками в Париж в 1833 году. Уругвайцы вытребовали эти останки из Франции в 2002 г. и поместили в Национальный Пантеон. На этой почве ряд индейских лидеров поссорились даже с теми антропологами, которые на основе генетических исследований много сделали для доказательства того, что у уругвайцев до 40% индейских генов в первую очередь по материнской линии. И есть свидетельства тех же антропологов, что, по меньшей мере, каждый четвертый а то и каждый третий уругваец имеет индейских предков. Но до сих пор даже в Академии наук Уругвая идут дебаты на тему: какого индейского наследия в Уругвае было больше – чарруа, гуарани или какого-то еще? Тут все достаточно понятно: гуарани, воспитанные иезуитами, христианизированные, естественно, более предпочтительны, чем «дикие язычники» чарруа и прочие, которые так до конца и остались кочевниками.

Надо добавить и такой немаловажный факт, что эти неоиндейские организации весьма немногочисленны и часто непостоянны по составу. Они отнюдь не объединяют даже большинства тех, кто признает свое индейское происхождение. Так, CONACHA, крупнейшая из индейских ассоциаций страны, насчитывает вряд ли более 400 членов. А одно из ее подразделений, группа *Guyunusa*, названная в память индейки чарруа, вывезенной в Париж в 1833 г., имеет всего 15-20 постоянных членов. Есть между организациями и политические, идеологические разногласия, например, о важности борьбы за сохранение земель (экология), включая вопрос запрета разработки полезных ископаемых открытым

способом, относительно занятия постов в Индейском Фонде ООН и т.д.²⁴⁷.

Особое внимание сегодняшние индейцы обращают на работу в школах, которая часто ведется на общественных началах, с целью изменить официальное преподавание истории, познакомить учеников с индейским культурным наследием, привлечь их к сохранению природы (лекарственные растения) и памятников культуры (наскальные росписи, археологические объекты – «индейские холмики» и т.д.)²⁴⁸.

В 2009 г. уругвайский парламент принял важный закон, установивший 11 апреля (день бойни в Сальсипуэде) как «день нации чарруа и индейской идентичности»... С 2010 г. идет сбор подписей в пользу подписания Уругваем конвенции МОТ № 169²⁴⁹.

Собственно, индейское население в Уругвае все-таки тоже есть. Это гуарани-мбья, несколько больших семей которых переселились в Уругвай из Аргентины и Бразилии еще в 80-х годах прошлого столетия в ходе миграций, вызванных вытеснением их с родных земель в соседних странах. Они, насколько можно судить по имеющимся данным, вполне адаптировались к местным условиям, но в индейском движении Уругвая участия не принимают²⁵⁰. Что и понятно: местные активисты-чарруа посчитают их, скорее всего, за иностранцев. Это в лучшем случае.

Таким образом, на основании имеющихся фактов движение современных чарруа в Уругвае можно отнести именно к так называемым неоиндейским, когда «национальность» возрождается на, казалось бы, очень шаткой основе. Что отнюдь не делает их менее интересными для изучения, поскольку это – одна из форм очевидного процесса сопротивления стремящейся уравнивать всех и вся глобализации. Показательно и другое: неоиндейцы организуются как раз там, где этого можно было менее всего ожидать. Соответствующие организации существуют сегодня не только в

Уругвае, но и, например, в Пуэрто-Рико²⁵¹. И в случае с Уругваем можно, как представляется, с полным основанием отнести возникновение неоиндейского движения к попытке уругвайцев найти свое место в глобализирующемся мире, свою собственную, но в то же время латиноамериканскую идентичность. Поскольку идентичность прежняя, тоже основанная в общем на изначально мультикультурном характере уругвайского общества (испанцы, итальянцы, баски, евреи, русские и т.д.), индейский компонент под влиянием государственной пропаганды и официального образования просто не учитывала. Разумеется, многие декларации неоиндейцев относительно элементов культурного наследия, которое они считают своим, можно считать достаточно большой натяжкой (это касается возможности возрождения языка, материальной культуры, фольклора). Но это не в последнюю очередь связано с плохой изученностью индейских культур как Уругвая, так и многих других стран. Когда эти исследования только начинались в прошлом веке, многим исследователям представлялось, что индейцы так называемого Южного Конуса в доколумбовый период – это примитивные охотники-собиратели. Сегодня, под влиянием работ археологов и антропологов, такая точка зрения уже пересматривается. И Уругвай в этом смысле не исключение.

Французская Гвиана

В этом заморском департаменте Франции – единственном, сохранившемся на континенте владении европейской страны – имеется индейское население. Шесть этносов, относящихся по языковой принадлежности к тупи (вайяmpi и эмерильон, в основном на юго-востоке), аравакам (локоно и паликур, главным образом на северо-востоке) и карибам (вайяна на юго-западе и калинья на побережье). Таким образом, три этноса располагаются на побережье или побли-

зости от него, три других – в глубине лесов, особенно у рек, пограничных с Суринамом и Бразилией.

Население этого французского департамента составляет около 213 тыс. человек (по данным переписи 2007 г., а по данным на 2013 г. – 250 тыс. человек)²⁵². Значительная часть его – собственно не французы по происхождению или по рождению, а прибывшие в Гвиану выходцы из разных стран Латинской Америки и Азии (венесуэльцы, перуанцы, бразильцы, лаосцы и др.). Сколько в стране индейцев – точно не знает никто, ибо их, как и другие группы, засчитывают в общее число жителей. Согласно французской конституции, все жители данной территории считаются только французами, т.е. государство наличия этнических различий просто не признает, и французский – единственный официальный язык, так что в изучении и преподавании других власти не заинтересованы. На законодательном уровне нет даже понятия «коренные народы», хорошо известного населению прочих латиноамериканских стран и международному праву (но не французскому!). Излишне говорить, что, поскольку Франция не ратифицировала Конвенцию МОТ № 169, она неприменима и к Гвиане. Согласно приблизительным оценкам Федерации индейских организаций Французской Гвианы (FOAG) за 2010 г., в стране, вероятно, насчитывается порядка 19 тыс. коренных жителей, но есть и другие оценки, значительно меньшие: от 3500 до 9000 человек²⁵³.

Традиционно индейцы живут общинами численностью около 100 человек и занимаются рыболовством, собирательством, подсечным земледелием и охотой, хотя часть восприняла и городской образ жизни. Особенно это касается маленьких городков на границах с соседними странами. Карибы, благодаря своему широкому распространению на территории департамента и длительному соседству с французами играют важнейшую роль в обменных операциях между индейскими группами. А их язык среди индейцев занял

позицию лингва-франка. Впрочем, он ее уже, похоже, начинает терять²⁵⁴.

Если сохранение языков и происходит, то лишь на семейном уровне или благодаря деятельности энтузиастов, да еще миссионеров. Но у них – проблемы с деньгами, а креольские школы индейские языки не признают. Хотя в пяти школах для индейцев на юге преподавание родных языков ввести удалось. Спасти положение могла бы разве что изоляция от колониального общества, но это, конечно, крайне затруднительно. Так что сегодня три индейских языка уже реально находятся под угрозой исчезновения, особенно аравакский (локоно). Положение пока лучше у трех южных этносов.

Кстати, по французскому законодательству индейцы, раз уж выпала им судьба быть французами, не являются и не могут быть хозяевами своей земли, так как территория департамента – собственность государства, а если что и принадлежит конкретному индивиду, то это плоды его труда на данной земле. По закону 1987 г. индейцам предоставлено право заниматься традиционными охотой и собирательством в некоммерческих целях. Почвы же – собственность административного центра Кайенны, что противоречит индейскому мировидению. Понятие коллективной собственности во французском праве также отсутствует²⁵⁵. Хотя Французская Гвиана и является департаментом одной из ведущих стран мира, положение автохтонов в ней ничем не отличается от соседей. Индейское население – беднейшее, реже всех могущее пользоваться медицинской помощью, не имеющее часто доступа к образованию, а показатель самоубийств среди них в 13 раз выше общенационального²⁵⁶.

Показательно, что Федерация индейских организаций включает в состав коренного населения не только собственно индейцев, но и потомков черных рабов, марунов (что можно признать редким явлением для континента), с кото-

рыми те объединились для более эффективной защиты своих прав. Между такими расовыми общностями отношения традиционно, мягко говоря, натянутые, а при колонизаторах были и вовсе плохими (индейцев часто использовали в качестве поимщиков беглых рабов).

С проблемами, касающимися нарушений прав индейцев в департаменте, картина такова. В 2007 г. Франция объявила о создании, наконец-то, после сорокалетних затяжек по этому вопросу, огромного Амазонского парка Гвианы, охраняемой территории на площади более 33 тыс. кв. км. Однако ни индейцам, ни экологам с самого начала не понравилось, что соответствующая документация об учреждении парка, как оказалось, не очень-то собирается учитывать «незападный», скажем так, образ жизни местного населения, и к тому же позволяет определенные виды горных разработок не только по соседству с парком, но и непосредственно на его территории. В их числе добыча золота в реках, причем и крупными компаниями, и мелкими «копателями». А ведь это – одно из самых «грязных» производств, учитывая применение ртути.

В чем же тогда смысл создания такой «охраняемой», «заповедной» зоны? С примерами подобной «заботы» о коренных народах мы уже сталкивались выше, в главах, посвященных Эквадору, Перу и Бразилии. Но в Гвиане для французских властей аэрокосмическая отрасль (космодром Куру), туризм и золотодобыча – легальная или нет – основы промышленности департамента. Так что индейское население и здесь находится под постоянной угрозой потери земель в результате натиска «прогресса». Сразу три индейские группы, обитатели «верхней», т.е. южной части Гвианы оказались затронутыми планами создания вышеупомянутого парка – вайана, вайампи и эмерильоны (теко), равно как и некоторые группы симарронов, некогда переселившиеся из Суринама. Когда эти планы разрабатывались, на

индейцев, с точки зрения властей, можно было не обращать особого внимания: все это группы мигрирующие, то и дело пересекающие границы с Суринамом и Бразилией в обоих направлениях, никто даже численности их не знает. В итоге в научных кругах Франции и Европы укрепилось мнение, что план создания парка – это, по сути, просто план геноцида трех обитающих на его территории индейских групп. Ибо слишком много посторонних неизбежно вторгнется на земли парка, не говоря уже об экологическом ущербе²⁵⁷.

Интересно, что впервые проект парка был выдвинут в 1970-х годах как раз для того, чтобы защитить индейские народы, но тогда же оказался заблокирован кайенскими чиновниками, опасавшимися потерять контроль над территорией, которую они хотели эксплуатировать по своему усмотрению. И привели в действие программу принудительных контактов с индейским населением с целью его быстрой декультурации и ассимиляции. Парка создано не было, был лишь ограничен доступ на территорию для определенных групп лиц. В итоге в 1980-е годах появились и индейские организации, слившиеся в 1992 г. в вышеупомянутую Федерацию индейских организаций Французской Гвианы (кроме нее можно также упомянуть Союз индейских народов Гвианы и Ассоциацию индейцев Гвианы, 1981-1992 гг.). Их целью изначально являлись защита прав на землю и противодействие аккультурации. Индейские представители даже вышли на политическую арену департамента, войдя в органы городского управления поселений с большим количеством индейского населения.

В 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию президент Франции Ф. Миттеран пообещал создать на 1/3 гвианской территории природный национальный парк (не менее 3 млн га) для защиты окружающей среды. Первоначально планировалось это сделать в северной части страны. Тогда он затронул бы группы карибов и араваков,

более интегрированных в местное общество (хотя бы в смысле более тесных контактов с ним). Однако такой план не прошел из-за одной детали: количество нелегальных добытчиков золота там уже оказалось настолько большим, что для контроля территории парка не хватило бы всего контингента французских вооруженных сил, размещенного в департаменте. В итоге в проект внесли изменение: в 2004 г. его было решено переместить на юг. Официально парк был создан в 2007 году. Индейцы в вопросах его организации практического голоса не имели (их ассоциации по всей стране единодушно протестовали, но не были услышаны), хотя они на территории этого самого парка и обитают.

Парк занимает территорию в 33900 кв. км, из которых только 20300 являются, точнее, объявлены, полностью охраняемыми, именно там живут общины эмерильонов и вайампи. При этом часть общин эмерильонов и все вайана находятся за пределами данной территории, хотя и в границах парка, но их земли не защищены теми же нормами, и именно там разрешена эксплуатация природных ресурсов. В западной части собственно парка разрешены также эксплуатация лесов и экотуризм (превращение же парка в туристическую зону также беспокоит специалистов, ибо это повлечет воздействия на индейскую культуру и занесение заразных болезней). Разрешена и прочая экономическая деятельность по усмотрению администрации, например, там могут легально действовать золотодобывающие компании, если они уважают соответствующие экологические нормы. Однако как раз о каком бы то ни было уважении норм в подобных случаях говорить сложно.

Таким образом, на территории в 13600 кв. км, где разрешены лесоразработки и добыча золота, при всем признании этих земель ценными для поддержания традиционного для индейцев образа жизни, их сохранности власти не гарантируют, по крайней мере, в долгосрочной перспективе. Тем

самым индейцы – не хозяева своей судьбы. Мнение той же Федерации индейских народов просто не учитывается, если это невыгодно. Парком заправляют власти, доступ к которым, чтобы быть услышанными, индейцам практически закрыт. Им лишь позволяют пока вести традиционный образ жизни, как неким арендаторам своей же собственной территории, но они ни отчего не гарантированы, все решения принимаются в Кайенне. В том числе и о возможной миграции с побережья на территорию парка, если это сочтут необходимым для «развития» территории.

Официально доступ на территорию парка посторонним закрыт без специального разрешения французского префекта в той же Кайенне. Вопрос, однако, в том, собирается ли его кто-нибудь получать? К тому же планируется строительство в зоне парка еще и дорог, что неминуемо привлечет в район тех же золотоискателей. А на территории парка французские этнологи предполагают сейчас существование, по меньшей мере, четырех индейских групп, еще не имевших контактов с белыми. В таких условиях специалисты считают существование парка в его нынешнем виде ведущим к этноциду коренного населения. Впрочем, когда обсуждался проект создания парка, биологов и этнологов, как и индейцев, к этому не привлекали.

Нежелание властей наладить контроль над парком или внести какие-либо изменения в его проект, имеет достаточно очевидные причины: есть добыча золота, а в ней заинтересованы и иностранные «игроки» – немцы и канадцы, чья деятельность уже нанесла вред, например, той же Гайане. Сегодня золото добывают, как крупные компании, так и индивидуалы (последние часто суринамцы и бразильцы, т.е. нелегалы, иногда нанимаемые и «законными» предпринимателями). И здесь те же грабежи индейцев, исчезновение рыбы и дичи, опять та же ртуть, сбрасываемая в реки, как в Бразилии. В чем тогда смысл парка?

Местная жандармерия Гвианы контролирует отдельные районы и проблему нелегальной добычи золота решить не в состоянии. Незаконно применять ртуть в Гвиане? Но законно в соседнем Суринаме, и достаточно переплыть реку Лава, чтобы ее получить. А для индейцев именно рыба – основной источник питания, так уж «сложилось исторически». Загрязнение рек ртутью уже сегодня намного превзошло все так называемые допустимые нормы. Заражения ртутью также вызвали серьезные проблемы со здоровьем буквально у всех жителей приречных районов, но администрация предпочитает этого не замечать. Вероятно, та же коррупция – этот бич Южной Америки – всюду действует и здесь. К тому же часть индейцев на севере уже оказалась вовлечена в нелегальную торговлю золотом, что напрямую воздействует на их культуру, непривычную к рыночным отношениям. Кроме того, сложилась и своя, франко-суринамская по составу, золотая мафия, с которой и власти Кайенны ничего не смогут поделать даже при сильном желании. Все это ведет к нарастанию конфликтности, в том числе этнической (например, между симарронами и задействованными в нелегальной торговле индейцами)²⁵⁸.

Таким образом, и здесь важнейшим условием сохранения индейской культуры является, прежде всего, вопрос контроля над землями, традиционно занимаемыми индейскими группами.

Во Франции существует очень удобное законодательство. Удобное для предпринимателей. А все, что реально сегодня интересует в Гвиане французский бизнес – это отнюдь не природа и тем более не какие-то «дикари», для которых родной дом – лес и которые хотели бы в нем жить и его спасти. Кстати, не только для себя, учитывая его так часто ныне прославляемое биологическое разнообразие.

В результате получается, что в такой «продвинутой» стране, как Франция, положение индейцев Гвианы – одно из

самых трагичных на континенте вследствие отсутствия элементарных прав относительно их культурного своеобразия и его сохранения. А деградация экосистем, во имя сохранения которых (как официально провозглашалось) был создан парк, продолжается, и вместе с ними сокращается возможность сохранения индейских культур.

Суринам

В этой стране с полумиллионным населением к индейцам, согласно имеющейся официальной статистике, относят порядка 3,7%, всех жителей, т.е. более 18 тыс. человек. При этом надо учитывать, что еще 2-3 тыс. индейцев Суринама бежали во Французскую Гвиану в ходе военных действий 80-х годов прошлого века²⁵⁹. Впрочем, суринамская статистика ужасающе неточна и неполна, и доверять ей исследователи не очень-то склонны.

По уточненным данным (перепись 2012 г.) индейцев в стране 20344 человека (3,8% населения). Крупными индейскими группами являются карибы, араваки (живут на севере близ побережья), трио и вайана на юге, кроме того, насчитывается еще 12 мелких, также обитающих в южных районах страны. Среди них есть и такие, что сегодня состоят из 5-10 человек, т.е. практически все эти 12 групп находятся под угрозой исчезновения. В настоящее время в Суринаме насчитывается 8 «живых» индейских языков, из них 6 относятся к карибской группе, один – к аравакской и еще один язык, мавайана, – смешанный, карибско-аравакский. Распространено знание креольского языка, «лингва франка» Суринама, сранан тонга, а среди индейской элиты побережья – также голландского. Передача из поколения в поколения аравакского, например, языка постоянно сокращается. Даже там, где в индейских поселках существуют школы, правительство продвигает как единственно возможную мо-

дель обучения на голландском. Это ставит практически все индейские языки страны на грань исчезновения²⁶⁰.

Таковы на сегодняшний день достигнутые результаты следования устаревшей национальной модели, которая выражается в следующем: законодательство Суринама, основанное на наследии колониального времени, не признает наличия в стране тех, кого можно отнести к коренным народам или племенам. Более того, оно нацелено на то, что эти народы будут в ближайшем будущем аккультурированы и инкорпорированы в суринамскую нацию и полностью утратят свою этническую и культурную идентичность²⁶¹.

Араваки и карибы, традиционно относимые к жителям внутренних районов, сейчас постоянно и во все возрастающем числе мигрируют в городские центры страны (Парамарибо и др.). И это понятно – там легче найти работу. Но меняется этническая картина, традиционная культура в городской среде имеет мало шансов на сохранение. А другие индейцы, даже сохранившие свои традиционные поселения в лесной внутренней зоне (трио и вайана), регулярно посещают зону побережья, где живет подавляющее большинство населения страны. В любом случае ясно, что аборигенные народы в Суринаме есть. Однако никаких законов относительно их прав, включая земельные и культурные, нет. Как следствие нет и гарантии сохранения этих групп в условиях, когда места их обитания все более привлекают внимание своими природными богатствами – неважно, реальными или воображаемыми (бокситы, нефть, золото, древесина, гидроресурсы и т.д.).

Попытки воздействовать на правительство извне, чтобы как-то оказать помощь коренным жителям, просто игнорируются или же работа над ответными действиями откладывается под любыми предлогами. Так было, например, в 2010 г., когда за одну из индейских общин вступился Межамериканский суд по правам человека. Хотя Министерство ре-

гионального развития Суринама и созвало конференцию для налаживания диалога с индейскими и симарронскими (группы «лесных негров», потомков африканских беглых рабов) общинами, ее работа была вскоре прекращена, так и не добившись каких бы то ни было результатов. Хотя при президенте и существует центр по контактам с народами страны, однако как раз вопросы охраны земель и ресурсов его не занимают²⁶².

В настоящее время в связи с плохо развитой системой образования в стране лишь немногие индейцы находят себе долговременную работу в крупных горнорудных компаниях, лесном и сельском хозяйстве. В городских центрах у них больше возможностей обрести посты в администрации или сфере образования, а также в качестве служащих низшего ранга в торговле или горнодобывающей промышленности. Во внутренних же районах они если и находят работу, то лишь краткосрочную. И потому продолжают заниматься традиционным сельским хозяйством, нацеленным на простое жизнеобеспечение, и неформальной торговлей сельскохозяйственной продукцией, которую сами производят (овощи, маниок). Занимаются строительством лодок, охотой, рыболовством, транспортировкой грузов по рекам и в небольших объемах добычей золота для получения денег, нужных им для приобретения продуктов, которые сами не производят²⁶³.

В религиозном отношении индейцев Суринама можно подразделить на католиков, протестантов различных толков и тех, кто сохраняет традиционные верования. Впрочем, даже индейцы, давно считающиеся христианами, как, например, трио, отнюдь не отказываются от широкого использования традиционных культовых практик²⁶⁴.

Каковы сегодня главные угрозы правам индейских народов Суринама? В принципе те же, что и по всему континенту. Прежде всего, это – концессии, которые предоставляют-

ся без предварительных консультаций с коренным населением. Они касаются работ в области гидроэнергетики и горных разработок в первую очередь. Планируемое строительство ряда гидроэнергетических объектов на юге страны напрямую затронет ряд индейских общин, так как потребует их переселения и нарушит существующий водный баланс в нескольких крупных реках. Согласно суринамскому законодательству и конституции, природные богатства являются собственностью нации, что открывает широкий простор для насильственных действий в отношении коренного населения, тем более что, например, община в целом как таковая юридическим лицом, с точки зрения закона, не является. Яркий пример: еще в 1969 г., при создании Природного резервата Галиби эти самые галиби (карибы-каринья) были принудительно выселены со своих «земель предков».

С тех пор ничего не изменилось. Охраняемые территории учреждались без консультаций с индейским населением, и о соответствующих решениях правительства оно узнавало зачастую лишь годы спустя после издания соответствующих декретов. Один из них – о создании охраняемой территории Ванекреек на земле тех же галиби – был подписан в 1986 году. И хотя в нем упоминалось, что права обитающего на данной территории коренного населения должны уважаться в течение периода, необходимого для его вливания в суринамскую нацию, само это население узнало о декрете лишь в 1997 году²⁶⁵.

Что касается добычи полезных ископаемых, то свою деятельность расширяют золотодобывающие компании – канадские и американские. И это не считая постепенного возрастания присутствия на западе страны мелких добытчиков, часто нелегалов, использующих ртуть. Земли без консультаций с населением сдаются в концессии, продолжается наплыв нелегальных старателей, особенно из Бразилии, что ведет к росту уровня конфликтности на местах.

Правительство всячески защищает иностранные группировки, не останавливаясь перед выселением коренных жителей.

Суринамская нефтяная компания Staatsolie Maatschappij Suriname N.V., например, начала нефтеразведку после доклада своего же консультанта (не предоставившего индейцам полной информации о возможных последствиях загрязнения жизненно важных для них рек), просто заявив, что общины «не возражают».

Большую озабоченность у индейских лидеров и общин вызывают также проекты строительства ГЭС, особенно на юге, против чего они активно выступают. Это строительство не только нанесет ущерб природной среде, но и неизбежно повлечет за собой принудительное перемещение населения.

В области лесного хозяйства правительство намерено ввести в действие план, предложенный Всемирным банком для сокращения объемов сведения лесов. Но фактически он передаст все лесные богатства в руки государства и его ставленников на местах, учет мнения индейского населения не предполагается, хотя на нем и настаивает Ассоциация лидеров индейских деревень Суринама, ведущая организация коренных жителей страны. Ассоциация поддерживает связи с индейскими организациями Французской Гвианы и севера Бразилии, участвует в изучении вопросов, связанных с землями и ресурсами индейских общин, возможностями их реальной защиты, сохранения и эффективного использования. В некоторых индейских деревнях удалось своими силами наладить двуязычное обучение с преподаванием конкретных индейских языков. Но эти частные успехи мало что меняют на фоне продолжающегося курса правительства на ассимиляцию коренного населения. Все рекомендации по данному вопросу, например, Межамериканского суда по правам человека, Суринам по-прежнему оставляет без внимания.

Несмотря на полиэтничность, в Суринаме сохраняется значительное «отталкивание», т.е. расизм на бытовом уровне в отношении различных групп населения, индейцев в первую очередь²⁶⁶.

В заключение, в качестве примера, хотелось бы привести данные по положению одного из самых (если не самого) до сих пор фактически изолированного индейского народа Суринама, трио, живущего частично и в Бразилии. Это представляется оправданным хотя бы потому, что вообще специальных исследований, посвященных индейцам и их культуре на современном этапе не только в Суринаме, но и в соседних странах Гвианы ничтожно мало. Даже нижеследующие данные основаны на статье, написанной отнюдь не профессиональным антропологом, а лингвистом, хотя от этого их ценность, на наш взгляд, меньше не становится.

Трио живут на крайнем юге Суринама, их язык относится к карибской группе. Насчитывается их порядка 1500 человек. В отличие от прибрежных карибов и араваков, находящихся в процессе ассимиляции господствующим обществом, трио – в общем самообеспечивающаяся группа, что объясняется сохранением (хотя уже и не в полной мере) традиционного хозяйства (охота, рыболовство, собирательство, подсечно-огневое земледелие). При этом их система расселения уже не традиционная: вместо прежних 25 малых деревень, сегодня все трио сконцентрированы в четырех больших и двух мелких поселках. Это результат деятельности миссионеров, проникших в зону обитания трио лишь в 1960-е годы. В ходе евангелизации трио фактически ассимилировали мелкие соседние группы, которые, как, например, акурио, практически полностью перешли на язык трио.

С другой стороны, создание больших поселений миссионерами разрушило прежнюю систему (одна деревня – один вождь). Все ассимилированные группы образуют тем не менее свои кластеры в поселениях, помнят о своем про-

исхождении и «настоящими трио», т.е. господствующей группой, не считаются. В каждой деревне 2 или 4 вождя, а также ряд их помощников. В таких условиях вождям крайне сложно сохранить свою роль посредников в разрешении споров между жителями, что порождает рост конфликтности и стремление некоторых групп к отделению и созданию собственных поселков. Сегодня благодаря миссионерам каждое из больших селений имеет свой аэродром, но по-прежнему не обеспечено в должной мере медицинским обслуживанием (нет достаточно квалифицированного персонала, больниц). Не хватает также школ, поскольку учителей надо приглашать из столицы, а ехать в такую глушь они не желают. В результате трио в целом сохраняют монолингвизм, хотя молодежь, по мнению людей старшего поколения, в результате проникновения заимствований из других языков уже говорит не на «хорошем» трио. При этом в самом языке трио различаются два диалекта. В ходе недавней попытки миссионеров вести проповедь на одном из них говорившие на другом просто отказались ее слушать.

Таковы результаты полувековой деятельности миссионеров. Ее можно в целом охарактеризовать как разрушительную для трио. Исчезли многие традиционные практики, и даже существовавший торговый пиджин, основанный на прежде довольно тесных торговых контактах между трио и марунами группы ндьюка, уже не существует.

Если обратиться к воздействию на трио современных государственных структур, картина получается не лучше. Только в двух деревнях трио существуют как-то работающие государственные школы, преподавание в которых ведется, разумеется, на государственном голландском языке, а учителя – почти все креолы с побережья, языка трио не знающие. Итоги такой системы образования: трио не владеют ни официальным голландским, ни «лингва франка» Суринама (сранан Тонга) в достаточной степени даже при

условии некоторых контактов с окрестным населением. Что касается экономики – лишь немногие трио относятся к категории оплачиваемых работников: это деревенская администрация, медицинский персонал (там, где он есть), служащие аэродромов. Зарплаты номинальные, получать их нередко приходится раз в несколько месяцев в столице, проще подрабатывать на месте, продавая торговцам пойманных в сельве животных и птиц.

Наконец, и до трио также добрались, несмотря на удаленность, золотоискатели и лесопромышленники. Даже если не говорить о воздействии этих персонажей на природную среду, они принесли с собой еще и болезни, вплоть до СПИДа²⁶⁷.

Все вышеизложенное, как представляется, достаточно хорошо демонстрирует, что при ассимиляторском курсе правительства Суринама в отношении индейских народов страны даже у достаточно изолированных от внешних воздействий до настоящего времени групп не так много шансов сохраниться как этническое целое. Если, конечно, ситуация не изменится в ближайшем будущем.

Гайана

Кооперативная Республика Гайана – крупнейшее из трех гвианских политических образований не только по территории и населению, но и по численности проживающих там индейцев. И, кстати, единственная из стран Гвианы, которая официально признает наличие на ее территории индейских народов, хотя и с определенными оговорками. Но ни Конвенцию МОТ № 169, ни Декларацию прав коренных народов 2007 г. она не подписывала.

Согласно цензу 2010 г. все население страны – 778 тыс. человек, причем 90% его живет на побережье. Индейцы же, составляющие свыше 9% населения (около 70 тыс. человек),

– основное население внутренних районов²⁶⁸. Признанными сегодня на официальном уровне являются 9 индейских народов, говорящих на языках аравакской (2) и карибской (6) языковых групп, и варрау, язык которых считается изолированным. Основанием для причисления жителей к тому или иному индейскому народу при проведении переписи 2010 г. была самоидентификация. В официальной гайанской статистике данных по индейским группам, однако, немного, и они недостаточны для того, чтобы составить даже общее впечатление (нет сведений, например, по возрастной структуре, образованию, здравоохранению). А некоторые живущие на территории страны индейские народы, такие как трио, тарума и аторад, вообще не признаются государством²⁶⁹ на том основании, что обитают и в соседних странах и потому их можно легко объявить «пришлыми». Но это достаточно типичный ход для политиков в любой Гвиане – французской, Суринаме, а не только в Гайане. В целом можно констатировать, что и в Гайане на сегодняшний день индейское население, с точки зрения экономической относится к беднейшей части жителей страны, и к тому же – наиболее бесправной²⁷⁰.

Если говорить о состоянии дел, например, в языковой сфере, то сегодня практически для всех индейцев страны английский – если не первый, то, по меньшей мере, второй язык. Остается в такой ситуации если и удивляться, то тому, что на данный момент лишь два языка (аравакский и в меньшей степени варрау) в Гайане реально находятся под угрозой исчезновения, другие же сохраняют жизнеспособность. Происходит это не в последнюю очередь благодаря связям с родственным населением по другую сторону той или иной границы, а также помощи различных неправительственных организаций, нацеленных на деятельность по созданию системы двуязычного образования. На языке макуши, например, транслируются также 15-минутные про-

граммы по радио. Однако в принципе в школах вообще, в том числе и в школах для индейцев, стремятся по возможности использовать только английский язык.

Еще одним примечательным в смысле культурного своеобразия индейцев Гайаны и их попыток сохранить свои языки фактом является наличие у двух соседних народов – акавайо и патамона на западе страны собственной, формально христианской церкви (официально все индейцы сегодня христиане – католического, англиканского или евангелического вероисповедания). Форма культа, отправляемая в ней, именуемая арреруйа, появилась после 1850 г. под влиянием пророка из народа макуши Бичивуна после его личной беседы с Господом. Новая церковь быстро распространилась благодаря широкому использованию не изжитых еще в то время доколумбовых практик: песнопений на языке акавайо и танцев при исполнении богослужения. Это отличает культ арреруйа, поскольку в Гайане и богослужение стараются проводить только на английском языке. Поначалу встретив оппозицию со стороны протестантских миссионеров, новая церковь получила, однако, в прошлом столетии официальное признание и поддержку со стороны Джона Дормана, священника англиканской церкви в Гайане, что и позволило культу укрепиться.

Обратимся к земельному вопросу. Гайана с первых дней своего существования и по сей день прямо нарушает важнейшее условие, которое страна должна выполнять согласно документам о предоставлении ей независимости в 1966 г.: признание индейских территорий. Из 111000 кв. км, на которые претендуют индейские народы, на 2012 г. за ними были официально закреплены только 16000 кв. км²⁷¹. Но как можно вернуть, например, индейцам саванну Рупунуни, 2/3 территории которой были захвачены колонистами-скотоводами еще в прошлом веке? Неважно, что индейцы в Рупунуни – это 9/10 ее населения. Экономические приори-

теты важнее. Проще заставить индейцев заниматься отходничеством, как это было еще при англичанах.

Впрочем, численность индейского населения и тот факт, что оно поддержало мятеж местных землевладельцев против центрального правительства в 1969 г., имели здесь и некоторые положительные последствия. Получилось, что союзников не совсем забыли. Так, некоторые индейцы смогли получать образование, достаточное для того, чтобы занимать административные должности. Один из них занимал недавно пост префекта, а другой – вице-префекта города Летем, центра провинции, точнее IX округа Гайаны. Случай достаточно уникальный и не только для Гайаны. Заметим, кстати, что местная индейская партия – Ассоциация америндских народов (АРА) пользуется в округе все возрастающим влиянием, особенно в вопросах борьбы за землю с центральным правительством, которое стремится если и раздавать землю, то мелкими разрозненными участками, что индейцев не устраивает²⁷².

Несмотря на имеющийся Америкиндейский Акт (2006 г.), согласно которому правительство признает наличие в стране 63 индейских общин и двух индейских дистриктов, большинство индейского населения находится вне сферы действия законодательства, так как ни указанные общины, ни дистрикты не охватывают в сумме все индейское население. К тому же Акт попросту не действует, поскольку против него выступает мощнейшая в стране сила – горнодобывающие компании²⁷³. Причина проста: согласно этому самому Акту они должны были бы направлять 20% доходов в пользу индейского населения, на территории которого действуют. Разумеется, компании, контролирующие данную сферу экономики (канадские и бразильские), считают такие требования завышенными. Добавим также имеющее место, как и везде по континенту, активное сведение лесов и непризнание государством всех требуемых индейцами зе-

мель как их собственности – и картина получается достаточно ясной. О каких правах местного населения на землю может идти речь, если, например, территория размером с Португалию сдана в концессию зарубежным лесопромышленным компаниям без предварительных консультаций с жителями, а более десятой части страны – в концессии компаниям горнодобывающим? И это после того, как именно они еще в 1995 г. устроили Гайане катастрофу национального масштаба. Тогда в результате прорыва дамбы в главную реку страны Эссекибо попали миллионы тонн воды, загрязненной цианидом²⁷⁴.

Сегодня Геологическая комиссия Гайаны имеет право разрешать разработки любых видов минерального сырья где бы то ни было, в том числе и на территориях, признанных в качестве индейских. Теоретически в последнем случае предварительно надо получить согласие соответствующей общины. Но только в том случае, если она официально признана, т.е. имеет документы на землю. Если же нет, то нет и вопроса о согласии. И вот результат: по данным канадских экспертов к 2002 г. 25% территории страны оказалось сданным в концессию под предложенные мегапроекты по горнодобыче.

Но даже если община и имеет официальный статус, это также ничего не значит. Например, в 2013 г. Верховный суд Гайаны вынес приговор в пользу частного лица, имеющего концессию на добычу минерального сырья на узаконенной официально индейской территории. Это было сделано на том основании, что все документы он оформил до вступления в силу в 2006 г. специального Индейского закона (т.е. вышеупомянутого Америкиндейского Акта, обязывающего получить предварительное разрешение индейской общины – собственника указанной территории). А потому-де и не обязан подчиняться его требованиям²⁷⁵. Стоит добавить, что компенсации за ведущиеся на их землях работы, несмотря

на весь наносимый с точки зрения экологии вред, индейцы не получают в принципе. Впрочем, положения Акта не выполняются не только в данном пункте. Так, например, общины традиционно управляются капитанами и выборными советами. При этом законом предусмотрено создание особого Национального совета капитанов, одной из задач которого должно быть признание и использование индейских языков. При этом, однако, совет должен представлять собой всего лишь лишенный реальной власти придаток к министерству по делам индейцев. Неудивительно, что создан совет так и не был²⁷⁶.

В такой ситуации постоянного и сильнейшего прессинга на индейские общины не стоит удивляться, что их культура претерпевает быстрые изменения в сторону деградации.

Все вышеизложенное хорошо объясняет, почему индейцы Гайаны оказались вынужденными начать организовываться для защиты своих прав. В 1997 г. был создан Индейский совет из представителей общинных лидеров индейцев ваи-ваи, вапишана и макуши, также Ассоциация индейских народов Гайаны. Однако тот факт, что индейцы расселены во внутренних районах страны мелкими общинами, транспортная сеть там развита слабо, в основном по рекам, а местные административные структуры малоразвиты и недостаточны – все это тормозит процесс более активного вовлечения индейцев в участие в деятельности правительственных органов, не только национальных, но даже локальных²⁷⁷.

В 2013 г. вроде бы, наконец, была запущена Фондом развития индейцев Гайаны правительственная программа по защите земельных прав индейцев и улучшению их экономического положения. Но сообщению об этом была посвящена лишь заметка в прессе. Как пойдет дело дальше – судить пока невозможно²⁷⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное выше, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что глобализация в Южной Америке вылилась в ухудшение положения аборигенных культур и в ущемление прав коренных народов, несмотря на все декларации о мультикультурализме и уважении этих самых прав. Если даже и считать на общем фоне некоторыми исключениями Боливию, Венесуэлу и Чили, то и в этих странах, при всех отмеченных положительных сдвигах, пренебрежение правами коренных жителей до сих пор имеет место.

Причины натиска на индейские культуры, бедственного положения коренного населения во всех странах континента напрямую, на наш взгляд, связаны с тем обстоятельством, что все без исключения южноамериканские правительства в своей экономической политике во многом следуют одной и той же, экстрактивистской модели экономики, считая ее панацеей от всех проблем (источником средств, прежде всего), хотя уже давно очевидно, что она их не решает, а только усугубляет. Ведь элементарное падение цен на сырьевые ресурсы, которое и наблюдалось в последние годы, может «обрушить» любую, самую разрекламированную программу помощи коренным народам. Весь южноамериканский континент находится в зоне экспансии транснационального капитала. ТНК же континент интересует как поставщик сырья – минерального, углеводородного, сельскохозяйственного, лесного. Именно в эти отрасли вкладываются наибольшие иностранные инвестиции, на их продукцию – огромный спрос. Вопросы же сохранения и развития культур коренных народов ТНК безразличны. А зависимые от этих корпораций правительства вынуждены учитывать их интересы. Примечательно, что в тех, достаточно редких случаях, когда самим индейцам в данном направлении (культурной политике) что-то удастся осуществить, это происходит чаще

всего при поддержке либо местных властей, либо отдельных энтузиастов, или опять же при помощи извне. Такие примеры, как положение народа мучик Перу, тимоте Венесуэлы в этом смысле достаточно показательны. Но это – лишь редкие исключения, подтверждающие правило. Безусловно, в имеющемся на сегодня определенном прогрессе в области культурной политики немалая заслуга принадлежит и сформировавшейся за последние десятилетия собственно индейской интеллигенции. Во всяком случае, несомненна ее роль в появлении таких феноменов, как неоиндихенизм (индейским движением теперь руководят сами индейцы, а не рассуждающие о том, как их спасти интеллектуалы, от собственно индейских проблем достаточно далекие), ревитализация, казалось бы, исчезнувших культур, возрождение утраченной индейской идентичности. И таких примеров достаточно много: аргентинские уарпе и óна, чилийские диагиты, бразильские тупинамба, колумбийские канкуамо, уругвайские чарруа – и это далеко не полный перечень.

Автор отнюдь не утверждает, что в сфере государственной политики в отношении индейских культур не происходит никаких положительных сдвигов, инновационных процессов. Одним из самых продуктивных нововведений следует считать внедрение во второй половине прошлого века двуязычного образования практически во всех рассмотренных выше странах. То, что оно далеко не везде оказалось удачным, зависит от степени понимания проблемы теми, кто его проводит. Успешным в этом смысле можно признать бразильский вариант, где был взят курс на подготовку именно местных, индейских, кадров учителей, в результате чего в стране и сформировалась новая индейская интеллигенция, прежде всего именно из числа коренного населения. Дальше других пошла Боливия, где сегодня чиновникам на местах вменено в обязанность изучение местных языков.

Это, впрочем, инновация относительная. Как известно, например, еще в Российской империи, в той же Средней Азии, чиновникам специально доплачивали за владение местными языками. Но в любом случае остается проблема фактически приниженного положения тех же индейских языков: почти во всех случаях мы видим именно один подход – индейцы должны учить национальный язык, а вот носителям последнего освоение индейских языков необязательно.

Необходимо учитывать и сложность приложения инновационных инициатив на пространстве южноамериканского континента. Индейские народы, его населяющие, слишком разные в культурном отношении и интересы у них различны, что, как кажется, не всегда принимается во внимание при планировании того, что можно называть индейской политикой. Как повелось со времен Колумба, индейцами называют всех подряд. Но сколько общего у кечуа, канкуамо, яноама, айорео, мапуче, óна Огненной Земли и т.д.? Тем не менее рассматривают их всех с одинаковых позиций. Довольно много программ по борьбе с бедностью не удалась именно потому, что местная культурная специфика совершенно игнорировалась. Так было на севере Бразилии с попыткой приобщения к сельскохозяйственной деятельности индейцев, что нарушало устои их общественной организации, само общинное сознание. Важно и то, что реализуют такие программы зачастую совершенно не подготовленные к этому люди, пусть даже и специалисты-антропологи. И направлены эти программы, как правило, на подчинение индейских экономик современному рынку, в котором они не выживут вследствие своей неконкурентоспособности. Получается, что иначе, как рыночными категориями инициаторы этих программ не умеют мыслить. И кроме вреда для индейских культур, никакой пользы чаще всего в итоге нет²⁷⁹.

Нужно ясно понимать, что культуры, например, Амазонии и Патагонии слишком разные сами по себе и иначе и быть не может. Но общие, базовые основания для рассмотрения индейских культур все же есть. Это, прежде всего, определенная общность в индейском мировоззрении. Хотя новшества, им предлагаемые, они воспринимают по-разному, в зависимости от конкретных условий, что естественно. И часто «проводникам» цивилизации не понятно, почему одни инновации индейцы принимают, а другие нет. В результате чаще всего эти самые инновации просто навязывают «сверху». А индейцам приходится так или иначе к этим нововведениям приспосабливаться. Тем же, кто их категорически отрицает, остается один путь – добровольная изоляция, но возможностей для нее все меньше, а риск физического уничтожения этих групп со стороны пришельцев извне или гибели от болезней слишком велик.

Представляется, что Запад (в широком смысле) до сих пор не в состоянии понять, что индейский мир – это особая цивилизация (или даже цивилизации), и такую «особость» необходимо учитывать. Но все, даже самые благие попытки «включить» индейский мир в современную цивилизацию чаще всего делаются, исходя именно из западных представлений о цивилизации как таковой. Никто не говорит, что нет специалистов, в проблеме разбирающихся, но «правят бал» не они. Приведем только несколько примеров. Для индейца земля – как уже не раз отмечалось, не предмет купли-продажи, не товар, а равноправный партнер в отношениях, требующий уважения своих прав. А если говорить о «демократии», то в индейском традиционном обществе, каким мы его знаем сегодня, в отличие от западной демократии, меньшинство вовсе не обязано подчиняться мнению большинства. В прошлом несогласные с таким мнением просто откочевывали, создавали новые поселки, новые общины. Сегодня, в условиях перенаселенности и борьбы за земли

это стало практически невозможным. Не случаен и тот факт, что индейцы в Южной Америке везде рассматриваются именно как меньшинство, лучше всего, если оно незначительное (которое почему-то должно еще и доказывать свою идентичность, чего не требуют от тех же коренных австралийцев или маори Новой Зеландии, например). А сделать его таковым достаточно просто, надо только «грамотно» составить опросник при переписи. Как это и произошло недавно в Боливии, где прежде индейцы считались большинством населения, а вдруг оказалось, что это не так. Часто совершенно не учитывается принципиальная разница в подходах к природе индейца, для которого жить в гармонии с природой – обязательное условие нормальной жизни, и человека «цивилизованного», которому нужны, в конечном счете, денежные средства. Но стоит напомнить, что именно индейцы, в силу особенностей своей культуры, тысячелетиями domesticiровали природу в целом (а не только скот, как в Европе), по выражению некоторых антропологов, «ответственны» за создание земель, именуемых в Бразилии *terra preta* – самых плодородных земель страны на сегодняшний день. А что с землей сделали и делают европейские пришельцы своим монокультурным хозяйством – достаточно хорошо известно на примере той же трансгенной сои, неумеренного скотоводства в Амазонии, разрушение которой уже достигло катастрофических масштабов²⁸⁰, и т.п. И прозорливым людям эта разница в подходах к эксплуатации природы была ясна уже довольно давно, достаточно почитать «Печальные тропики» К. Леви-Стросса.

Разумеется, западная демократия в своем отношении к проблемам той же экологии, которые так волнуют индейцев, отнюдь не сводится в целом к потребительским устремлениям. В Европе и Америке существует множество экологических, природоохранных, правозащитных организаций, достаточно сильных, финансово неплохо обеспечен-

ных. И подчас они добиваются определенных успехов, в том числе и в деле поддержки индейцев. Но все это – в постоянной борьбе с транснациональным капиталом. И перевес – обычно на его стороне. Во всяком случае – пока. Так, полемика по проблемам защиты от климатических отклонений в конечном счете с огромным трудом привела к консенсусу, зафиксированному в Парижском соглашении 2015 года. Но затем соглашение было, по существу, торпедировано выходом из него США. Трудно рассчитывать на положительный результат – модель не изменится. А на нее воздействует еще неконтролируемый прирост населения, сопровождаемый распространением бедности, и опять же давление на природную среду, которая явно не «резиновая».

Личное мнение автора, которое, как он отлично понимает, вряд ли понравится современным поборникам экономического развития, таково: для индейских народов, если они хотят сохранить свою культуру (тех, разумеется, которые сами этого захотят), лучшим выходом была бы возможно бóльшая защита от внешнего мира. Недаром одним из острых вопросов сегодня является требование ими автономии, в условиях которой они могли бы сами решать, какой «прогресс» для них приемлем. И, вероятно, автономия, будь декларированные права на нее действительно реализованы (а этому всячески препятствуют), могла бы стать лучшим вариантом вместо изоляции. Но вопрос: как ее добиться в современных условиях? Ведь, например, когда сегодня ведущие мировые специалисты рассуждают об уровне жизни/благосостояния и т.п. индейских народов, они исходят опять же из европейских мерок, стандартов, разработанных ООН и т.д., по которым страны континента в целом весьма отстают, если сравнить с Европой или США²⁸¹. Результат такой заботы о коренных народах – опять же навязывание им чуждых установок, вполне в духе агрессивной глобализации, стремящейся всех нивелировать. Но для индейцев

эти мерила совершенно другие – за богатством они в большинстве своем не гонятся. Для них достаточно того минимума, с которым сегодня ни один европеец, избалованный обществом потребления, не согласился бы, но при условии комфортной экологической обстановки и возможности самим решать, как эту обстановку сохранить и оздоровить. И права такие по международному законодательству у них есть. Только очень сложно в современных условиях добиться их реализации. Для этого, очевидно, нужно перестроить на новых основах само государство. Вопрос в том, будут ли и готовы ли к тому государственные элиты континента.

Поиски же путей решения этой проблемы, к сожалению, до сих пор осложняются следующими факторами. Крайнее социальное неравенство в странах континента создает условия для криминализации общества, т.е. уровень преступности стал настолько велик, что несоблюдение государственных законов и того же международного права (при всех их недостатках или достоинствах) стало чем-то обыденным, говорим ли мы о коррупции на верхних этажах власти или о наркотрафике и нелегальных старателях. Отсюда и частые вторжения чужаков на индейские территории. Получается парадокс: все конституции гарантируют индейцам определенные права, но лишь формально, на практике же их трудно реализовать, даже при всем желании.

Государственные же структуры, как правило, оказываются недостаточно состоятельны для того, чтобы полноценно контролировать ситуацию, к чему добавляется еще и недостаток средств. Если даже власти небольшой по территории Французской Гвианы не в состоянии контролировать положение дел с теми же нелегалами в своем департаменте, то что тогда говорить о государствах более крупных. До сих пор нигде не выработано четкой программы относительно того, как совместить сбалансированное развитие индейских обществ с потребностями экстрактивной экономики, в ко-

торой доминирует тенденция экстенсивного развития, захватывания все новых и новых территорий. Тип развития получается тупиковым, так как рано или поздно таких территорий, пригодных для экспансии, вообще не останется. А их истощение не только грозит экологическими проблемами, но и ставит под вопрос само существование индейских народов, живущих на этих землях. Но альтернативной экстрактивизму модели до сих пор нет. Хотя мировой опыт показывает, что никакого особого развития даже с европейской точки зрения на индейских землях, затронутых такой экономикой, не наблюдалось и не наблюдается. Наоборот, как раз там, где она прилагается, уровни бедности экстремальные. А возникают к тому же проблемы со здравоохранением и просто продовольственным обеспечением. Есть и другая проблема: нередко имеющееся противостояние в индейском вопросе федеральных и региональных властей, хорошо известное, например, по Венесуэле, Бразилии, Перу, Аргентине. На сегодня можно считать наилучшими в отношении индейских народов соответствующие программы Боливии, Венесуэлы и Чили. Но вопрос в том, удастся ли их реализовать с учетом сопротивления крупного капитала, как, например, в Чили, или колебаний в правительственной политике, как в Боливии, или сопротивления оппозиции, как в Венесуэле. К тому же частая смена правительств при демократической модели не способствует выработке долгосрочных программ для индейского населения. Кроме того, в условиях растущей бедности и социального неравенства, характерных пока для стран континента, несмотря на все реформы и программы развития, те из них, которые касаются в том числе и индейцев, ориентируются, прежде всего, на обеспечение базовых потребностей. Речь идет о питании, медицинском обслуживании, обеспечении жильем, образовании, что неизбежно делает их излишне приземленными и прагматически краткосрочными.

Именно поэтому в условиях Южной Америки сегодня сложно говорить о наличии продуманной, а тем более разработанной на перспективу государственной политики в отношении коренного населения. Простая смена правительства может все изменить. А кроме экономических, существуют еще и политические факторы (осложнение отношений с крупными державами, как в настоящее время, начиная еще со времен У. Чавеса, в Венесуэле с США), которые в любой момент могут отодвинуть на задний план индейские программы.

По данным неоднократно упоминавшейся выше организации IWGIA, практически ни в одной стране Южной Америки каких-либо отрядных сдвигов в индейском вопросе с начала века не произошло²⁸². Яркий пример неспособности или нежелания определенных государственных структур навести порядок на своих территориях – нелегальное старательство, процветающее в Амазонии, и пренебрежение защитой окружающей среды. Об этом в соответствующих главах уже писалось. Результаты такой политики, если брать лишь первые попавшиеся на глаза примеры, весьма показательны. Исчезновение второго по величине андского озера Поопо в Боливии, которое просто «испарилось» (как это скажется на жизни индейского населения, использовавшего его ресурсы – вопрос остается открытым), или продолжающиеся столкновения индейцев Венесуэлы с нелегальными золотодобытчиками и незаконными вооруженными формированиями, проникающими из Колумбии. Оба факта относятся к 2016 году²⁸³.

Что же касается всех так называемых программ развития в странах континента, для индейцев они сводятся, фактически, к одному: им предлагают совершенствование образования, здравоохранения и т.д., лишь бы только они не мешали ТНК и государственным органам распоряжаться их землей и ее ресурсами по своему усмотрению. В итоге возникает

замкнутый круг. Улучшить, например, здравоохранение только для того, чтобы бороться с болезнями, привнесенными ухудшением экологической обстановки в результате промышленной деятельности. То есть имеются программы по отдельным пунктам, но нет комплексных, которые увязывали бы решение земельного, образовательного, медицинского и прочих вопросов, от которых зависит само сохранение культур индейских народов. Таким образом, фактически получается, что законы и декларации о защите прав индейского населения во многих случаях по-прежнему не работают и остаются не более чем именно декларациями.

Все происходящее – отнюдь не вина отдельных государственных деятелей. Просто другой логики у вульгарного капитализма до сих пор нет. И пока она остается таковой, сложно ожидать и положительного решения проблемы сохранения аборигенных культур, разве что в исключительных случаях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sullivan L.E. *Icanchu's Drum: An Orientation to Meaning in South American Religions*. New York, Macmillan, 1988.

² Gómez Suárez A. *Identidades colectivas y discursos sobre el sujeto indígena*. – AIBR. *Revista de Antropología Iberoamericana*, 2005, №41.

³ *Cartilla Vivir bien/ Comité boliviano UICN*, 2;011; Huancani Mamani F. *Buen Vivir/Vivir Bien: Filosofía, políticas, estrategias y experiencias regionales andinas*. Lima, CAOI, 2010. P. 48-51; Мичурин И.В. *Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений*. Изд. 3-е. М., 1934.

⁴ Энгельс Ф. *Диалектика природы (1873-1883 гг.)*. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т. 20. С. 495.

⁵ Litaiff A. “Sem tekoa não há teko – sem terra não há cultura”: estudo e desenvolvimento autosustentável de comunidades indígenas guarani. – *Espaço Ameríndio*. Porto Alegre, 2008. V. 2, n. 2. P.115-118; Wilde G. *De la depredación a la conservación. Génesis y evolución del discurso hegemónico*

sobre la selva misionera y sus habitantes. – *Ambiente & Sociedade*. Campinas, 2007. V. X, n.1. P. 95 -97; Porantim, Brasilia D.F., 2010. № 323. P. 2; Sobode Chiquenoi M. El pueblo Ayoreo y su territorio. – El caso Ayoreo. Informe IWGIA, 2009, 4. P. 4; Ramírez S. Igualdad como Emancipación: Los Derechos Fundamentales de los Pueblos Indígenas. – www.anuariocdh.uchile.cl

⁶ Delgado Ramos G.C. (coord.). *Ecología política del extractivismo en América Latina: casos de resistencia y justicia socioambiental*. Buenos Aires, CLACSO, 2013. P. 304-588.

⁷ Salazar-Soler C. ¿Qué significa ser indio o indígena? Reflexiones sobre estas categorías sociales en el Perú andino. – <http://nuevomundo.revues.org/66106>; Bastidos Valecillos L. De los timoteuicas a la invisibilidad del indígena andino y a su diversidad cultural. – *Boletín Antropológico*, 2003. N. 59. P. 294.

⁸ Ракуц Н.В. Индейский вопрос в Перу. – *Индейский мир перед вызовами XXI века*. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 73-105.

⁹ См.: *Индейский мир перед вызовами XXI века*. М.: ИЛА РАН, 2011.

¹⁰ Gavilán V.M. ¿Los Mapuche un grupo étnico o una nación Indígena? – www.Mapuchenews.com 2006.

¹¹ Об этом см., например: Clavero B. *Instrumentos internacionales sobre los derechos de los pueblos indígenas: Declaración de las Naciones Unidas y Convenio de la Organización Internacional de Trabajo*. – *Thule*, n.26/27, 2009. P. 17-37.

¹² *Ibid.* P. 18-21; Ordóñez Sifuentes J.E.R. *Declaración Universal de los Derechos de los Pueblos Originarios, Convenio 169 de OIT Administración de justicia indígena. Perduración de la herencia colonial*. – *Ibid.* P. 79-81; Gómez Suárez A. *Op. cit.* P. 17-18; см. Ramírez S. *Op. cit.*; Carmona Caldera C.G. *Pueblos indígenas y la tolerancia occidental: Los derechos humanos como forma sublimada de asimilación*. – *Polis*, 2009. Vol 8, n.23.

¹³ Ракуц Н.В. Индейский вопрос в Перу. – *Индейский мир перед вызовами XXI в.* М.: ИЛА РАН, 2011. С. 76-78, 80.

¹⁴ Gómez Suárez A. *Op. cit.*

¹⁵ Ракуц Н.В. *Указ. соч.* С. 81.

¹⁶ Vigil N. El uso asistemático de las lenguas en las mal llamadas escuelas EBI del Perú. – *Tarea. Revista de Educación y Cultura*, 2004. N59. P. 44-46, 49-50.

¹⁷ Ракуц Н. В. *Указ. соч.* С. 91, 95.

-
- ¹⁸ Renker T.A. El uso del quechua en el Perú: Una investigación de identidad y performance cultural (2014). Honors Theses. Paper 174. University of New Hampshire, 2014.
- ¹⁹ Saroly A. Puede el Quechua sobrevivir? – www.kausacgunperu.com December 13, 2015.
- ²⁰ En Cajamarca reconocen como lenguas oficiales al castellano, quechua y awajún. – La República. Lunes, 15 de diciembre de 2008.
- ²¹ Perú; Reconocen cinco lenguas oficiales en la región de Junín. – <http://servindi.org/actualidad/4715>
- ²² Agurto J. Perú – El Mundo Indígena 2014. Copenhagen, IWGIA. P. 172; Ракуц Н.В. Указ. соч. С. 76-77.
- ²³ Agurto J. Perú. – El mundo Indígena 2013. Copenhague, IWGIA, P. 145; Idem. Perú. – El mundo Indígena, 2014. P. 180.
- ²⁴ Murillo P.V. 19.12.2014. Greenpeace atenta contra las líneas de Nazca-Perú. – www.geoextrema.com/2014/12/greenpeace-atenta-contra-las-lineas-de-nazca-peru/; Ojeda H. 30.01.2015, Nazca Lines:Ministry of Culture Finds Informal Mine. – www.peruthisweek.com/news-nazca-lines-ministry-of-culture-finds-informal-mine-105156
- ²⁵ Ракуц Н.В. Указ. соч. С. 91-92; Renker T.A. Op.cit.
- ²⁶ Chero Zurita J.C. Muchik: una lengua viva. – Thzoecoen. Chiclayo, 2009. N2. P. 190-198.
- ²⁷ Перу – перспективный партнер на тихоокеанском направлении. М.: ИЛА РАН, 2008. С. 76; Перу: поиск новых ориентиров на исходе экономического чуда. М.: ИЛА РАН, 2014. С. 111.
- ²⁸ Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений. – Индейский мир перед вызовами XXI в. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 24-26.
- ²⁹ Agurto J. Perú – The Indigenous World 2011. Copenhagen, IWGIA, 2011. P. 159-171; Agurto J., Ugaz J. Perú. – The Indigenous World 2012. Copenhagen, IWGIA, 2012, P. 156-165; Шинкаренко А.А. Указ. соч. С. 28.
- ³⁰ Salazar-Soler C. Op.cit.
- ³¹ Agurto J. Perú – El Mundo Indígena, 2014. P. 173-177, 179-181.
- ³² Salazar-Soler C. Op.cit.; Vittor L. CONACAMI y el despertar del movimiento indígena. – ALAI, América Latina en Movimiento, 10/02/10; Chuecas Cabrera A. El Derecho de los Pueblos Indígenas y Comunidades en el Contexto Histórico del Perú. – http://www2.congreso.gob.pe/sicr/cendocbib/con4_uibd.nsf/CD62A7B22B15

803A05257BCD00771534/\$FILE/Derecho_de_los_pueblos_ind%C3%ADgenas_y_comunidades.pdf

³³ Rummenhoeller K. Pueblos indígenas en aislamiento y contacto inicial: algunas reflexiones conceptuales. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonia y el Gran Chaco. Copenhagen, IWGIA, 2007. P. 52-56.

³⁴ Agurto J. Perú – El Mundo Indígena 2014. P. 177.

³⁵ Itzamná O. Perú despoja de territorio y cultura a los indígenas amazónicos. – <http://otramerica.com/solo-texto/radar/peru-despoja-territorio...>, 22 de enero de 2014.

³⁶ Huertas Castillo B. Perú: Despojo territorial, conflicto social y exterminio. – Pueblos Indígenas en Aislamiento Voluntario y Contacto Inicial. Copenhagen, IWGIA-IPES, 2012, P. 58-64.

³⁷ Huertas Castillo B. Perú: Autodeterminación y protección. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonia y el Gran Chaco. Copenhagen, IWGIA, 2007. P. 34; Payaba Cachique J., Matos Tuesta J. El trabajo de AIDSESEP. – Ibid. P. 67; Indigenous Peoples in Voluntary Isolation and Initial contact in the Americas: Recommendations for the Full Respect of Their Human Rights. IACHR, 2013. P. 31. – <http://www.cidh.org>

³⁸ Huertas Castillo B. Perú: Autodeterminación y protección..., p. 34-41.

³⁹ Huertas Castillo B. Perú: Despojo territorial, conflicto social y exterminio..., p. 78-79; Perú es el cuarto país del mundo más peligroso para activistas medioambientales. – <http://www.americatv.com.pe/noticias/actualidad/peru-cuarto-pais-mundo...>, 17.11.2014; Alvarado C. Perú: Gobierno busca proteger a indígenas. – <http://Infosurhoy.com> 2013-08-15.

⁴⁰ Ibid. P. 44-45; Payaba Cachique J., Matos Tuesta J. Op. cit. P. 67-68.

⁴¹ Huertas Castillo B. Perú: Despojo territorial, conflicto social y exterminio..., p. 82-84.

⁴² Agurto J. Perú – El Mundo Indígena, 2014. P. 178-179.

⁴³ Tamburini L. Bolivia. – The Indigenous World 2011. Copenhagen, IWGIA, 2011. P. 172; Cancino R. El mosaico de las lenguas de Bolivia. Las lenguas indígenas de Bolivia – ¿Obstáculo o herramienta en la creación de la nación de Bolivia? – Diálogos Latinoamericanos (Universidad de Aarhus), 2008, número 13; Sichra I. Bolivia Andina. – Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas de América Latina, t. 2. Cochabamba, UNICEF, 2009.

-
- ⁴⁴ Tamburini L. Bolivia. – El Mundo Indígena, 2014. P. 183; Tabra S. Bolivia: Resultados del Censo 2012 causa polémica por reducción de población indígena. – <http://servindi.org/actualidad/91607>
- ⁴⁵ Боливия – время левоиндихенистского эксперимента. М.: ИЛА РАН, 2009. С. 26-27. (Конституция Боливии, часть 1, раздел 1, глава 1, статья 5; часть 4, раздел 2, глава 7, параграф 2, статья 384).
- ⁴⁶ Cancino R. Op.cit. Согласно другим данным, его рейтинг упал до 64% (что все равно значимо). См.: Воротникова Т.А. Боливия: становление индейского политического сознания. – Индейский мир перед вызовами XXI века, с. 117-118, 124.
- ⁴⁷ Cancino R. Op.cit.
- ⁴⁸ Directorio preliminar de los pueblos indígenas en la Comunidad Andina, s. l. 2010: 2-3.
- ⁴⁹ Tamburini L. Bolivia, 2011. P. 175-177; Боливия – время..., с. 53.
- ⁵⁰ Боливия – время левоиндихенистского эксперимента. М.: ИЛА РАН, 2009, С. 18, 21-22.
- ⁵¹ Там же. С. 24.
- ⁵² См.: Конституция Боливии, часть 4, раздел 2, глава 9, статья 398.
- ⁵³ Fontana L.B. Evo Morales at the Crossroads: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia. – Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. Stockholm University, 2013. Vol. XLIII. N. 1-2. P.22-25, 33, 35; Delgado Ramos G.C. (Coord.). Ecología política del extractivismo en América Latina: casos de resistencia y justicia socioambiental. Buenos Aires, CLACSO, 2013. P. 357-359, 448-449.
- ⁵⁴ Cáceres E. Territories and Citizenship: the Revolution of the Chiquitanos. – Territories and citizenship From Poverty to Power. – www.fp2p.org
- ⁵⁵ www.gobernabilidad.org.bo/.../704-bolivia-...
- ⁵⁶ Воротникова Т.А. Указ. соч. С. 120-121.
- ⁵⁷ Catacora G., Jocelijan F. Soya convencional y transgénica en Bolivia: ¿Quiénes realmente se benefician? – Tierra Viva, Febrero 2006.
- ⁵⁸ АВТ, noticias, 16 de noviembre de 2011; Rivero R. Horrorosa deforestación. – Pueblo de leyenda, 2009. No1. Trinidad de Mojos. P. 20-23; El País, 14 de mayo de 2010: Menonitas desforestan 1.000 hectáreas en Tarija; En Bolivia anuncian desalojo de menonitas – AP. La Paz, 22 de Julio del 2010.
- ⁵⁹ <http://www.eldeber.com.bo/2009/dyf/2010-04-20/ver.php?id=100419201407>

-
- ⁶⁰ Portugal Mollinedo P. De San Juan al Año Nuevo Aymara. – Pukara, La Paz, 15 de julio de 2009: 3.
- ⁶¹ <http://www.boliviaentusmanos.com/noticias/bolivia/articulo26342.php>
- ⁶² <http://www.indigena.ربول.com.bo/noticia.php?identificador=2147483926900>
- ⁶³ <http://www.laestrelladeloriente.com/noticia.php?idnoticia=31432>
- ⁶⁴ Jiménez M. La situación de los pueblos indígenas de Bolivia. – COICA: Amazonía; Alianza del clima. Indigene Bolivia.mht.
- ⁶⁵ Dourojeanni M. Vitória indígena na Bolívia. – O eco Amazonia, 14 de Noviembre de 2011.
- ⁶⁶ Tamburini L. Bolivia. – El Mundo Indígena, 2012. Copenhague, IWGIA, 2012. P. 159-160.
- ⁶⁷ Tamburini L. Bolivia. – Indigenous World 2011. Copenhague, IWGIA, 2012. P. 166-172.
- ⁶⁸ Tamburini L. Bolivia. – El Mundo Indígena, 2014. P. 183-185, 191.
- ⁶⁹ Pérez Arias E, ¿Autonomía o desaparición? Pueblos indígenas en Sudamérica: Chile y Bolivia. Warszawa, Centro de Estudios Latinoamericanos, Universidad de Varsovia, 2007. P. 180-182.
- ⁷⁰ Albó X.C., Barrios F.X.S. Por una Bolivia plurinacional e intercultural con autonomías. Cuaderno de futuro 22, La Paz, IDH, 2007. P. 43-44; Albó X.C., Molina R. Gama étnica y lingüística de la población boliviana. La Paz, s.e., 2006.
- ⁷¹ Rojas G. Pueblo Weenhayek bloquea carretera nacional número 9 que conduce a la Argentina. – <http://eju.tv.noticias>, 17/02/2012; Pueblo Weenhaywk denuncia los efectos del Pilcomayo en su sobrevivencia. – Los Tiempos.com Nacional, 15/06/2011; Indígenas bolivianos anuncian juicio contra Paraguay y Argentina. – <http://spanish.peopledaily.com.cn/31617/7768396.html>
- ⁷² См.: Воротникова Т.А. Указ. соч. С.127.
- ⁷³ Camacho Nassar C. Consolidar los territorios de los pueblos aislados. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonia y el Gran Chaco. Copenhague, IWGIA, 2007. P. 277-278.
- ⁷⁴ Comegna M.A. Políticas de proteção aos povos indígenas isolados no Brasil e na Bolivia. – Diez años de cambios en el Mundo, en la Geografía y en las Ciencias Sociales, 1999-2008. Actas del X Coloquio Internacional de Geocrítica, Universidad de Barcelona, 2008: <http://www.ub.es/geocrit/xcol/89.htm>; Brackelaire V., Azanha G. Últimos pueblos indígenas aislados en América Latina: reto a supervivencia. – Lenguas y tradiciones orales de la Amazonía. ¿Diversidad en peligro? La Habana, Casa de las Américas, 2006. P. 327-331; Díez Astete A., Cingolani P. Zona de Reserva Absoluta

-
- Toromona. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonia y el Gran Chaco. Copenhagen, IWGIA, 2007. P. 257-268.
- ⁷⁵ Camacho Nassar C. Violencia y etnocidio en las Tierras Bajas. – Pueblos Indígenas en Aislamiento Voluntario y Contacto Inicial. Copenhagen, IWGIA-IPES, 2012. P. 124-125.
- ⁷⁶ Ibid. P. 106, 109-110.
- ⁷⁷ Ibid. P. 118-124.
- ⁷⁸ Meentzen A. Políticas públicas para los pueblos indígenas en América Latina. Lima, KAS, 2007. P. 108; Ortiz-T. P. Ecuador – El Mundo Indígena, 2014. P. 157.
- ⁷⁹ Ray I. La lingua della terra. Pisa, BFS 2010. P. 132; Montaluisa Chasiquiza L. Diversidad cultural. – Informe cero. Ecuador 1950-2010. Quito, Estado del país 2011. P. 49.
- ⁸⁰ Ortiz-T. P. Op. cit. P. 157; Montaluisa Chasiquiza L. Op. cit. P. 48-49; Meentzen A. Op. cit. P. 123.
- ⁸¹ Ortiz-T. P. Op. cit. P. 158; Meentzen A. Op. cit. P. 125.
- ⁸² Meentzen A. Op. cit. P. 108.
- ⁸³ Meentzen A. Op. cit. P. 127; Meentzen 2007. P. 107, 124; IWGIA 14. P. 159; Op. cit. P. 157; Tinajero F. Las políticas culturales del Estado (1944-2010). – Informe cero..., 2011. P. 40.
- ⁸⁴ Meentzen A. Op. cit. P. 125-128; Ortiz-T. P. Ecuador. – El Mundo Indígena, 2013. P. 136.
- ⁸⁵ Ortiz-T. P. Ecuador. – El Mundo Indígena, 2013. P. 136-138.
- ⁸⁶ Montaluisa Chasiquiza L. Op. cit. P. 48.
- ⁸⁷ Ibid. P. 49-59.
- ⁸⁸ Шинкаренко А.А. Указ. соч. С. 19, 23; Montaluisa Chasiquiza L. Op. cit. P. 59-60.
- ⁸⁹ Meentzen A. Op. cit. P. 107, 124; Meentzen 2007. P. 107, 124; Ortiz-T. P. Ecuador. – Mundo Indígena, 2014. P.159.
- ⁹⁰ Ortiz-T. P. Ecuador. – El Mundo Indígena, 2014. P. 166-167.
- ⁹¹ См. ^ Constitución de la República del Ecuador 2008: art.57.
- ⁹² Ortiz-T. P. Ecuador. – El Mundo Indígena, 2013. P. 138-141.
- ⁹³ Ortiz-T. P. Ecuador. – El Mundo Indígena, 2014. P. 167-168.
- ⁹⁴ Vera C.A. Taromenani, la estocada final. – <https://polificción.wordpress.com/2013.09/03/>
- ⁹⁵ Cabodevilla M.A. Pueblos ocultos – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. Copenhagen, IWGIA, 2007. P. 111-112; Colleoni P., Proaño J. Los pueblos en aislamiento

de la Amazonía ecuatoriana. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial. Copenhague, IWGIA. P.170.

⁹⁶ Colleoni P., Proaño J. Op. cit. P. 171; Ortiz-T. P. Ecuador . – El Mundo Indígena, 2014. P. 161.

⁹⁷ Ortiz-T. P. Ecuador . – El Mundo Indígena, 2014. P. 163-166; Gobierno de Ecuador se enfrenta a ecologistas e indígenas por explotación de petróleo en Parque Yasuni. – EFE, 16/08/2013; Giménez J. Naturaleza contra el petróleo. – http://elpais.com/elpais/2016/06/02planeta_futuro/

⁹⁸ Cabodevilla M.A. Pueblos ocultos. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. Copenhague, IWGIA, 2007. P.110-122; Gudynas E. La ecología política del giro biocéntrico en la nueva Constitución de Ecuador. – Revista de Estudios Sociales. Bogotá, 2009. No.32. P. 34-47; Vera C.A. Taromenani, la estocada final; Vera C.A. Los Taromenani no existen. – <https://polificcion.wordpress.com/2013.08/23/>

⁹⁹ E. Jaramillo Jaramillo Colombia. – El Mundo Indígena, 2014. P. 124.

¹⁰⁰ Даль Г. Последняя река. М.: Мысль, 1973. С. 56-57, 63; Jaramillo Jaramillo E. Colombia. – El mundo indígena, 2013. P. 108, 110, 112, 114-115; Jaramillo Jaramillo E. Colombia. – El mundo indígena, 2014. P. 118, 123-124; Alvarado M. Situación de los pueblos indígenas en Colombia, revision e iniciativas. – <http://www.buenastareas.com/ensayos/Situaci%C3%B3n-De-Los-Pueblos-Ind%C3%ADgenas-En/231465.html>; Regeneración, 25 de abril, 2014; Informe 1, 2012. P. 20; El Tiempo, 28 de octubre de 2013; www.rebelion.org, 22 de agosto 2013; El País, 21 de abril, 1995; Caracterización del pueblo Embera Katío – <http://www.mincultura.gov.co>; PSTColombia, Septiembre 11, 2012: Pueblos indígenas y afrodescendientes: Víctimas de los megaproyectos mineros; Duro Montealegre R/M/ pueblos Indígenas e industrias extractivas en América Latina. – www.congresoreedes.unican.es/actas/PDFs/209.pdf

¹⁰¹ León Díaz R. E., N.J. Cortez Perdomo. Comunidades indígenas: ¿víctimas pasivas o agentes reflexivos frente al ecoturismo? – Trabajo Social, No.9 (2007). P.75-87; Сулейманян А.Г. Права личности и народов или «права человека»? – Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Латинской Америке. М.: ВШЭ, 2012.

¹⁰² Talco Arias, J. Un pueblo indígena en reconstrucción. Bogotá, Onic, 1995; Arango R. y Sánchez E. Los Pueblos Indígenas de Colombia en el Umbral del Nuevo Milenio. Departamento Nacional de Planeación de Colombia.

-
- Bogotá, 2006; Gros Ch. Políticas de la etnicidad, Estado y modernidad. Bogotá, ICAH, 2012. P. 10, 60-63, 67.
- ¹⁰³ Jaramillo Jaramillo E. Colombia. – El Mundo Indígena, 2013. P. 108.
- ¹⁰⁴ Jaramillo Jaramillo Colombia. – El Mundo Indígena, 2014. P. 125-127.
- ¹⁰⁵ Rubiel Mazabuel O. Los pueblos indígenas y la minería en Colombia. – Aranibar A.M. (ed.). Inclusión de los Pueblos Indígenas, Comunidades Campesinas y Afrodescendientes en la Minería Iberoamericana. La Paz, Gelomin, 2009. P. 98-100.
- ¹⁰⁶ Palomino S. Amnistía Internacional denuncia el riesgo de las comunidades indígenas de Colombia. – http://internacional.elpais.com/internacional/2017/04/22/colombia.1492871876_796596.html
- ¹⁰⁷ Dany Mahecha R. y Carlos Eduardo Franky C. (ed.). Los Nükak, el ultimo pueblo de tradición nómada contactado oficialmente en Colombia. Copenhague, IWGIA-IPES, 2012. P. 202.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 206.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 208-210.
- ¹¹⁰ Ibid. P. 211-212, 215.
- ¹¹¹ Ibid. P. 218.
- ¹¹² Ibid. P. 219-220, 222-223, 225-226, 229.
- ¹¹³ Ibid. P. 236.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 243.
- ¹¹⁵ Moreno C. J. A. El Tiempo, Sábado 9 de agosto de 2014.
- ¹¹⁶ Зубрицкий Ю.А. Индейцы Венесуэлы и их культура. – Культура Венесуэлы. М.: Наука, 1984. С. 33; Медведева Т.А. Индейский мир Венесуэлы. – Индейский мир перед вызовами XXI века. М.: ИЛИ РАН, 2011, С. 151; Mattei Müller M.C. Venezuela en la Orinoquia. – Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas de América Latina. Cochabamba, Unicef, 2009. Vol. I. P. 482; Tillet A. Venezuela. – El Mundo Indígena, 2013. P. 118-119; Idem. 2014. P. 130; Programa Venezolano de Educación-Acción en Derechos Humanos (далее:PROVEA). Caracas, 2012. P. 144, 147.
- ¹¹⁷ См.: Медведева Т.А. Указ соч. С. 173-176; см. также: PROVEA 2012. P. 135.
- ¹¹⁸ Медведева Т.А. Указ. соч. С. 166; Tillet A. Venezuela. – El Mundo Indígena, 2014. P. 130.
- ¹¹⁹ PROVEA 2012, P. 131; Yves J. La particular integración a la modernidad de la comunidad indígena timote. – Boletín Antropológico, 2010, No.80. P. 72-73.

-
- ¹²⁰ Медведева Т.А. Указ. соч. С. 170-171; Tillet A. Venezuela. – El Mundo Indígena, 2013. P.120-121; Ibid. 2014. P. 143; PROVEA 2012. P. 136; PROVEA 2013. P. 153; PROVEA 2014. P. 174, 180, 182-183, 185; PROVEA 2012. P. 137, 150; Lemoine M. Viaje a las regiones indígenas, (2007). – www.aporrea.org/actualidad/a39763.html
- ¹²¹ Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2014. P. 139.
- ¹²² PROVEA, 2014. P. 179.
- ¹²³ PROVEA 2014. P. 178-179.
- ¹²⁴ PROVEA 2012. P. 136; PROVEA 2013. P. 154; PROVEA 2014. P. 180; Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2013. P. 122.
- ¹²⁵ Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2013. P. 123.
- ¹²⁶ PROVEA 2014. P. 182-183.
- ¹²⁷ Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2013. P. 124-127; PROVEA 2014. P. 184.
- ¹²⁸ PROVEA 2014. P. 186.
- ¹²⁹ Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2014. P. 130.
- ¹³⁰ Lemoine M. Op. cit.
- ¹³¹ Yves J. Op. cit. P. 53-86.
- ¹³² PROVEA 2013, P. 149-150; Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2014. P. 134-135.
- ¹³³ Tillet A. Venezuela. El Mundo Indígena, 2014. P. 132-133.
- ¹³⁴ Ibid. P. 136.
- ¹³⁵ Ibid. P. 137.
- ¹³⁶ Ibid. P. 141.
- ¹³⁷ Медведева Т.А. Указ. соч. С. 156, 158; Alarcón Puentes J. The Wayuu society, between Chimera and reality. – Gaceta de Antropología 2006, 22, artículo 21. – <http://hdl.handle.net/10481/7098> Versión HTML; PROVEA 2012. P. 139-140; PROVEA 2014. P. 189; Ortíz B. Nuevos recolectores: Los Guahibos recicladores de basura en Ciudad Bolívar. – Boletín Antropológico, 2002. No.54. P. 483-498.
- ¹³⁸ L. Jesús Bello. La situación de los pueblos indígenas aislados o con poco contacto. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial. Copenhague, IWGIA-IPES, 2012. P. 136.
- ¹³⁹ Ibid. P. 144-145.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 146-147, 150-151.
- ¹⁴¹ Ibid. P. 152-153.
- ¹⁴² Ibid. P. 154-157.
- ¹⁴³ Ibid. P. 158-161.
- ¹⁴⁴ Ibid. P. 162-163.

¹⁴⁵ Ibid. P. 164-167.

¹⁴⁶ Carrasco M. Argentina. – The Indigenous World 2011. Copenhagen, IWGIA, 2011. P. 200, 208; Ray L. La lingua della terra. Pisa, BFS 2010. P. 113; Revista, 05 de noviembre de 2000. Lanacion.com.

¹⁴⁷ Ray L. Op. cit. P. 26.

¹⁴⁸ Rodríguez M.E. De la “extinction a la autodeterminación”: Procesos de visibilización de la comunidad tehuelche Camusu Aike (provincia de Santa Cruz, Argentina). PhD Diss. Washington DC, 2010. P. 1-2, 302, 315.

¹⁴⁹ Все вышеизложенные данные относительно Аргентины приведены в основном по ранее опубликованной главе в коллективной монографии (поскольку особых сдвигов в индейском вопросе за прошедшее короткое время не наблюдалось). См. Ракуц Н.В. Культурные процессы в малых этнических группах (к вопросу о ревитализации индейских языков и культуры). – Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX – начале XXI веков. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 186-206. Rodríguez M.E. De la “extinction a la autodeterminación”: Procesos de visibilización de la comunidad tehuelche Camusu Aike (provincia de Santa Cruz, Argentina). PhD Diss., Washington DC, 2010; Enriz N. Políticas públicas para familias indígenas en Misiones. – Runa, XXXII (1). P. 27-43.

¹⁵⁰ Carrasco M. Argentina, p. 202-205, 209; Martínez C. La política pública indígena en la Argentina. – Debate Público, Año 2, No. 4. P. 133-142.

¹⁵¹ Martínez C. Op. cit. P. 136-137.

¹⁵² Aguirre M.A. El guaraní correntino es más antiguo que el paraguayo. – Marandu.com Diario online/2006.10.22. – www.amanoticias.php.htm; [http://www.argentinafolkloreprovincias.es/Provincia -de-Corrientes-Argentina](http://www.argentinafolkloreprovincias.es/Provincia-de-Corrientes-Argentina)

¹⁵³ Lanacion.com Revista, 05 de noviembre de 2000. www.lanacion.com.ar/213094-la-argentina-

¹⁵⁴ Ray L. Op. cit. P. 109, 125-130.

¹⁵⁵ Ibid. P. 169-177, 183-184.

¹⁵⁶ Carrasco M. Argentina. – El Mundo Indígena, 2014. P. 214-221.

¹⁵⁷ Leguizamón B., Jaquille Ovejero C., Fernández Almeida V. Argentina. – El Mundo Indígena, 2017. P. 239-251.

¹⁵⁸ Fernández V. Lenguas en el norte grande de Chile: antecedentes históricos y situación actual. – Tinkuy, 2010. n.12.

¹⁵⁹ Дьякова Л.В. Индейское население Чили и политика государства. – Индейский мир перед вызовами XXI века. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 131; Чили. – Латинская Америка. Энциклопедия. М. ИЛА РАН, 2013. С. 821; Censo 2002. Santiago, INE, 2003. P. 23; Censo 2012. Santiago, INE, 2013.

-
- P. 172; Silva Neriz H. Chile. – El Mundo Indígena, 2013. Copenhague, IWGIA 2014. P. 195; Jiménez Cortés. Construyendo memorias e identidades compartidas. La Serena, 2007. P. 161; Idem. Dilemas ecoterritoriales de la integración regional: IIRSA en las sociedades de Bolivia y Chile, s.f., p. 7 biblioteca.clasco.edu.ar/gsd/collect/.../ INFORME.pdf ; Ray L. Op. cit. P. 20, 75, 131-132.
- ¹⁶⁰ Silva Neriz H. Chile. – El Mundo Indígena, 2013. P. 195; Aylwin J., Silva H. Chile. – El Mundo Indígena, 2014. Copenhague, IWGIA, 2014. P. 222; Aylwin J., Guerra F., Silva H., Yáñez N. Chile. – El Mundo Indígena, 2017. Copenhague, IWGIA, 2014. P. 252, 254.
- ¹⁶¹ Дьякова Л.В. Указ. соч. С. 133-134; 138-140, 143, 240; Ray L. Op. cit. P. 155.
- ¹⁶² Дьякова Л.В. Указ. соч. С. 136, 288.
- ¹⁶³ Дьякова Л.В. Указ. соч. С. 17; Jiménez Cortés, Dilemas ecoterritoriales..., p. 75-77, 79; Pérez Arias L. T. ¿Autonomía o desaparición? Pueblos indígenas en Sudamérica: Chile y Bolivia. Warszawa, CESLA 2007. P. 210-212; Ray L. Op. cit. P. 101-102.
- ¹⁶⁴ Silva Neriz H. Chile. – El Mundo Indígena, 2013. P. 202, 204; Aylwin J., Silva H. Chile. – El Mundo Indígena, 2014. P. 227.
- ¹⁶⁵ Ray L. Op. cit. P. 131.
- ¹⁶⁶ Ibid. P. 12-13, 19-21, 26-27.
- ¹⁶⁷ Ibid. P. 181, 187, 192-195.
- ¹⁶⁸ Aylwin J., Silva H. Chile. – El Mundo Indígena, 2014. P. 224-225, 227.
- ¹⁶⁹ Silva Neriz H. Chile. – El Mundo Indígena, 2013. P. 230; Ray L. Op. cit. P. 137-139.
- ¹⁷⁰ Ray L. Op. cit. P. 134-140.
- ¹⁷¹ Ibid. P. 199-200, 231-233.
- ¹⁷² Diagonal 29/04/2013.
- ¹⁷³ Ray L. Op. cit. P. 142-143, 227.
- ¹⁷⁴ Ibid. P. 144-145; Дьякова Л.В. Указ. соч. С. 136.
- ¹⁷⁵ Дьякова Л.В. Указ. соч. С. 147.
- ¹⁷⁶ Ray L. Op. cit. P. 154-158, 230; Cansino R. Los movimientos de protesta del Pueblo Mapuche en Chile (2000-2011): Balance y perspectivas. – Iberoamericana, vol. XLIII: 1-2, 2013. P. 98.
- ¹⁷⁷ Guinan S.N. Official Bilingualism in Paraguay, 1995-2001: An Analysis of the Impact of Language Policy on Attitudinal Change. – Sayehi L., Westmoreland M. (eds.). Selected Proceedings of the Second Workshop on Spanish Sociolinguistics. Sommerville (Ma), 2005. P.24-27.

¹⁷⁸ Ракуц Н.В. Индейские языки Южной Америки. – Латинская Америка, 2009, № 5. С. 97; Couchonnal A., Wilde G. Dossier. Paraguay: reflexiones mediterráneas. Introducción. – Papeles de trabajo. Revista electrónica del Instituto de Altos Estudios Sociales de la Universidad Nacional de General San Martín. ISSN: 1851-2577. Año 3, n° 6. Buenos Aires, agosto de 2010. – www.idaes.edu.ar/.../1%20Introducción%20Wilde%20Couchonnal

¹⁷⁹ Ракуц Н.В. Индейские языки, с. 97; Zarratea T. El guaraní: la lengua americana más viable. – www.euskara.euskadi.net/...zarratea...zarratea/.../Tadeo-Zarratea-cas...

¹⁸⁰ Все эти вопросы подробно освещены в статье: Melià B. Lenguas indígenas en el Paraguay y políticas lingüísticas. – Currículo sem Fronteiras, 2010. V.10, n. 1. P. 12-32. – www.curriculosemfronteiras.org ; см. также: Zarratea T. Op. cit.; Mejenes-Knorr V. Políticas lingüísticas. – <http://artofwordsbiz.wordpress.com> ; Melià B. La interculturalidad y la farsa del bilingüismo. – Abeache (AH), 2012, n.2.

¹⁸¹ Ayala Amarilla O. Paraguay. – Indigenous World 2011. P. 191; Quiroga L., Mendieta Miranda M. Paraguay. – El Mundo Indígena, 2014. P. 205; HOY [Paraguay] jueves 18 de julio de 2013.

¹⁸² Drengson A. and Inoue Y. (eds.). The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology. Berkeley: North Atlantic Publishers, 1995.

¹⁸³ О дефорестации в Парагвае см., например: «Deforestation in Paraguay: Over 1500 football pitches lost a day in the Chaco». World Land Trust, 30 de noviembre de 2009, <http://www.worldlandtrust.org/news/2009/11/deforestation-in-paraguay-over-1500-football-pitches-lost-a-day-in-the-chaco.htm>; «Diputados rechazan deforestación cero». Diario AB Color. Asunción 27 de Marzo de 2009. – <http://archivo.abc.com.py/2009-03-27/articulos/507560/diputados-aceptan-la-depredacion-del-chaco>; Voss P. Tierras y Campos en venta en el Chaco de Paraguay. – <http://www.ventacamposparaguay.com/>

¹⁸⁴ Pueblos indígenas en el Paraguay (exposición), Centro cultural de España Juan de Salazar, la Embajada de España en el Paraguay. Asunción, 2011. – www.juandesalazar.org.py/.../pueblos_indigenas_en_el_paraguay/

¹⁸⁵ Indígenas Ayoreos se quedaron sin chamanes y reclaman a Fernando Lugo. – <http://www.lapatilla.com/site/2011/11/21/indigenas-ayoreos-se-que-daron-sin-chamanes-y-reclaman-a-fernando-lugo/>

¹⁸⁶ Quiroga L., Mendieta Miranda M. Op. cit. P.205; Quiroga L. Paraguay. – El Mundo Indígena, 2013. P. 174; HOY [Paraguay] jueves 18 de julio de 2013.

¹⁸⁷ Ayala Amarilla O. Paraguay..., p. 197-198; положение айорео подробно рассмотрено в специальном издании: Informe IWGIA, 4. Paraguay. El Caso Ayoreo. Copenhagen, IWGIA, 2009.

¹⁸⁸ Приведенные факты, далеко не все из известных, разумеется, изложены по публикациям: Ayala Amarilla O. Paraguay..., p. 191-198; We're Only Asking for What Is Ours'. London, Amnesty International, 2009; Servin J. La exclusión de los pueblos indígenas en el Paraguay. – Pueblos indígenas en el Paraguay (exposición), p. 25.

¹⁸⁹ Ayala Amarilla O. Paraguay..., p. 198-199; The team at Tierraviva a los Pueblos Indígenas del Chaco. Paraguay. – Indigenous World 2012. Copenhagen, IWGIA, 2012. P. 186-194.

¹⁹⁰ Моисеев А. Демократия дала «сбой» в Парагвае. – Международная жизнь, 16/07/2012; Никандров Н. Переворот в Парагвае: четкий хронометраж, неуловимые снайперы. – <http://navoine.info/>

¹⁹¹ AA.VV. Paraguay. – El Mundo Indígena, 2012. P. 180-184.

¹⁹² Quiroga L. Op. cit. P. 174-182.

¹⁹³ Quiroga L., Mendieta Miranda M. Op. cit. P. 208, 210-211.

¹⁹⁴ Mendieta M., Cabello Alonso J. Paraguay. – El Mundo Indígena, 2017. P. 231-238.

¹⁹⁵ Материалы по изолятам Парагвая изложены согласно статьям: Glauser B. El Paraguay. El caso Ayoreo. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial. Copenhague-Pamplona, IWGIA-IPES, 2012. P. 246-259; Glauser B. Su presencia protege el corazón del Chaco Seco. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. Copenhague, IWGIA, 2007. P. 212-225; Vysokolán O. Los totoviegosome selvícolas: entre el ganado vacuno y la biodiversidad. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. Copenhague, IWGIA, 2007. P. 230-241.

¹⁹⁶ Beldi de Alcantara M.L. Brasil – El Mundo Indígena, 2017, P. 226.

¹⁹⁷ Pas G.van den. Indigenous peoples in Brazil. Gesellschaft für bedrohte völker. –

http://www.gfbv.de/popup_druck.php?doctype=inhaltsDock&docid=975; Porantim, Brasilia D.F., 2010. № 323. P. 8; Beldi de Alcantara M.L. Brazil. – Indigenous World 2012. Copenhagen, IWGIA. P. 175; http://odescortinardaamazonia.blogspot.ru/2014_09_01_archive.html; Beldi de Alcantara M.L. Brazil. – El Mundo Indígena, 2014. P. 193; Beldi de Alcantara M.L. Brasil – El Mundo Indígena, 2017. P. 226.

¹⁹⁸ См., например: Бразилия – «тропический гигант» на подъеме. М.: ИЛА РАН, 2011; Симонова Л.Н. Бразилия Лулы: от неолиберальной трансформации к национально-ориентированной экономике. – Латинская Америка, 2011. №2. С. 38-49.

¹⁹⁹ Cal J.C. de la. El último defensor de los indios. Entrevista GEA, 2011. – <http://www.geaphotowords.com/blog/entrevista-gea-sydney-possuelo/>

²⁰⁰ Ракуц Н.В. Индейцы Бразилии в современном мире. – Латинская Америка, 2010, № 10. С. 75-81; Pozzobon J. Maku. – Vamonte G. (a cura di). I Macù. La ricerca sul campo tra gli indios della foresta. Roma, Bulzoni Editore, 2004. P. 135-138.

²⁰¹ Pas G. van den. Op.cit.

²⁰² Navarro de Almeida Couto P. Os Filhos de Jaci: Ressurgimento étnico entre os Tupinambá de Olivença –Ilhéus – BA. Dipl da bacharel. Salvador, Universidade Federal da Bahia, 2003. P. 66-80.

²⁰³ Arimatéa Nogueira Alves J. Indios em Salvador (identidade, memória e alteridade) – IV Encontro de Estudos Multidisciplinares em Cultura, Salvador-Bahia-Brasil, 2008; Pacheco de Oliveira J. ¿Una etnología de los indios misturados? Identidades étnicas y territorialización en el Nordeste de Brasil. – Desacatos, 2010, n. 33. P. 13-32; Almeida Carvalho T. “Somos indios (...) Somos que nem piaçava!” – Anais Eletrônicos – VI Estadual de História – ANPUH/BA-2013; Completion of the demarcation process of the Tupinambá of Olivença Indigenous Land is Urgent. Open letter, August, 2013

– https://campanhatupinamba.files.wordpress.com/2013/09/nota_pesquisadores_tupinambc3a1_en1.pdf

²⁰⁴ <http://www.r2cpress.com.br/v1/2014/03/22/demarcacao-tupinamba-de-olivenca-uma-etnia-fabricada-pela-funai-3a-parte/>

²⁰⁵ Souza Lima A. C. de (coord.), Políticas indígenas e políticas indigenistas no cenário brasileiro contemporâneo – subsídios e informações. Comissão de Assuntos Indígenas. Gestão 2006-2008. <http://www.abant.org.br/index.php?page=3.4>

²⁰⁶ Forline C. 2010, Awá- Guajá . – asccarlosbhiali.com.br/index.php?option=com/content&view...guaja; Pas G.van den. Op. cit.; Brasil: pesquisadores expressam preocupação com índios Awá-Guajá em carta à Dilma. – http://www.biodiversidadla.org/Principal/Contenido/Noticias/Brasil_

¹⁷⁵ <http://www.survival.es/awa>; Povo Awá-Guajá toma posse definitiva de terra no MA. Portal Brasil.htm; Governo conclui retirada de não índios de Reserva Awá-Guajá. Awa-Guajá_Amazônia.htm, 27/04/2014.

²⁰⁸ Амазонские воины. – Лента.Ру. 18 ноября 2014; Индейцы каапор решили сами защитить лес Амазонии от нелегальных лесорубов. – Мир индейцев. – htm, 05.09.2014; Борьба за деревья. – inoСМИ.Ru, 10/09/2014.

²⁰⁹ Ракуц Н.В. Индейцы Бразилии..., с. 78; Бразилия – “тропический гигант»..., с. 45-46.

²¹⁰ Dados Gerais. Povos e Terras Indígenas no Brasil. Brasília, CIMI, 2011.

²¹¹ Указанные здесь примеры и многие другие для краткости опущены, приведены, например, в следующих публикациях: Campos C.R., Reis M. Traetória histórica Guarani Mbyá: de Paraty Mirim a Niterói. – XXVI Simpósio Nacional de História da ANPUH. São Paulo, 2011; Eede J. How the health of tribal people suffers when they are dispossessed of their land. Survival International, 8 April, 2011. – <http://www.survivalinternational.org/>; Pas G. van den. Op.cit.; Pereira da Siva M. Estratégias e rearranjos de vida dos índios Kaiowá de corredor. – <http://www.ram2009.unsam.edu.ar/GT/GT%2059%20-%20Estudos%20rurais%20e%20etnologia%20ind%20C3...>

Porantim 2010; Progress Can Kill: How Imposed Development Destroys the Health of Tribal Peoples. A Survival International Publication, 2007.

²¹² Xokleng. – Encyclopedia of World Cultures, 1996; Encyclopedia.com. 2012. – <http://www.encyclopedia.com>; Marçani L.C., Pereira S.W. de Assis. Índios Xokleng: onde foram parar seus costumes? – www.intercom.org.br/.../EX16-0930-1.pdf (2009)

²¹³ Ракуц Н.В. Индейцы Бразилии..., с. 86.

²¹⁴ Beldi de Alcantara M.L. Brazil. – Indigenous World 2011. Copenhagen, 2011, IWGIA. P. 182; Ее же: Brazil. – Indigenous World 2011. Copenhagen, 2012, IWGIA. P. 176.

²¹⁵ Conselho Indigenista Missionário denuncia política de genocídio indígena em Brasil. – www.malcolmallison.mht (Candango solidario, 05/07/2011): <http://candangosolidario.worldpress.com/2011/relatorio-sobre-a-vilencia-em-2010-denuncia-o-governo-por-nao-promover-os-dereitos-humanos/>; Masked gunmen attack Brazilian Indian leader in shock execution. 18 November 2011. – <http://www.survivalinternational.org/news/7887>

²¹⁶ BRASIL: Violência e resistência no sul do Mato Grosso do Sul, 28/10/2012. –

-
- http://redportiamericabrasil.blogspot.ru/2012_10_01_archive.html ;
http://odescortinardaamazonia.blogspot.ru/2014_09_01_archive.html
- ²¹⁷ <http://www.itar-tass.com/c11/453807.html>
- ²¹⁸ Conselho Indigenista Missionário denuncia política de genocídio indígena en Brasil...; Бразилия – “тропический гигант»..., с. 31.
- ²¹⁹ О состоянии дел с оформлением ИТ см., например, Ракуц Н.В. Индейцы Бразилии в современном мире. – Латинская Америка, 2010, №10.
- ²²⁰ Beldi de Alcantara M.L. Brazil. – Indigenous World 2011. P. 182-184; Pas G. van den. Op.cit.
- ²²¹ Nogueira I. Política indigenista é lamentável e caótica, diz general. – Folha, 17/04/2008.
- ²²² Beldi de Alcantara M.L. Brazil. – Indigenous World 2011. P. 184-187.
- ²²³ <http://armonicosdeconciencia.blogspot.ru/2012/08/desplazamiento-forzado-de-la-tribu.html>
- ²²⁴ Norte Energia Central Belo monte preserva áreas indígenas. Comunicado de prensa, Brasilia, junio 2011; Beldi de Alcantara M.L. Brasil. – El Mundo Indígena, 2014. P. 194-196; Dams in the Amazon. The rights and wrong of Belo Monte. – The Economist' May 4th 2013; La represa hidroeléctrica Belo Monte. – <http://www.aida-americas.org>
- ²²⁵ Afirman que hidroeléctricas en la Amazonía sólo servirán por tres décadas – <http://www.raoni.com/noticias-318.php>
- ²²⁶ Pas G. van den. Op.cit.
- ²²⁷ Conselho Indigenista Missionário denuncia política de genocídio indígena en Brasil...; Pichonelli M. Ambientalistas criticam discurso de Lula. – Folha de São Paulo, 25 de novembro 2006; Gudynas E. La ecología política del giro biocéntrico en la nueva Constitución de Ecuador. – Revista de Estudios Sociales, 2009, n. 32. P. 44.
- ²²⁸ Окунева Л.С. Дилма Руссефф – первая женщина-президент в истории Бразилии. – Латинская Америка, 2011, №1. С. 27-40.
- ²²⁹ Beldi de Alcantara M.L. Brasil. – El Mundo Indígena, 2014. P. 195-200.
- ²³⁰ Bedinelli T. La lucha por la tierra de los indios gamela. – http://internacional.elpais.com/internacional/2017/05/13/america/1494629966_27196.html; Hierro L. Lucharemos hasta el final, solo nos queda perder la vida. – http://elpais.com/elpais/2017/03/15/planeta_futuro/1489602317_985698.htm; Beldi de Alcantara M.L. Brasil. – El Mundo Indígena, 2017. P. 226-230;
- ²³¹ <http://www.survival.es/indigenas/akuntsu>;
<http://www.bolpress.com/art.php?Cod=2010012102>

<http://fronterasblog.wordpress.com/2011/11/17/el-hombre-mas-solitario-de-la-tierra/>

²³² Vaz A. Política de estado: de la tutela a la política de derechos – ¿una cuestión resuelta? – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial. Copenhague, IWGIA, 2012, p. 14; Kozak V., Baxter D., Williamson L., Carneiro R. L. The Heta Indians: Fish in a dry Pond. New York, The American Museum of Natural History, 1979.

²³³ Vaz A. Op. cit. P. 14-16.

²³⁴ Документальное исследование о прогрессе, который убивает, см.: El progreso puede matar. Informe resumido. – www.survival.es

²³⁵ Conferencia de Sydney Possuelo. – www.upf.edu/arteymito_amazonico_sydney...

²³⁶ O работе Фунай с группами в состоянии добровольной изоляции см.: Vaz A. Op.cit. P. 12-57; Dos Santos M., Nobre Méndez A. El trabajo de FUNAI. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. Copenhague, IWGIA 2007. P. 200-209; Narayamoga Surui A. Ayudemos a salvar la vida de los indígenas en aislamiento. – Ibid. P. 196-199; Possuelo S., Brackelair V. Insumos para una estrategia regional de protección. – Ibid. P. 184-194.

²³⁷ Vidart D. No hay indios en el Uruguay contemporáneo. – Antropología Social y Cultural en Uruguay. Anuario 2012. Montevideo, Instituto de Antropología. P. 251-257; Arocena F., Aguiar S. (eds.) Multiculturalismo en Uruguay, Trilce, 2007.

²³⁸ Delgado Gerez M. "Es la primera vez que el Estado uruguayo toma nota de esta multiculturalidad de la población uruguayana, acercando los números a la realidad de la identidad nacional", expresa el Consejo de la Nación Charrúa (Conacha). – Noticias Uruguay. LARED21 – LR21.com.uy.htm; Arocena F., Aguiar S. Op. cit. P. 25.

²³⁹ Arocena F., Aguiar S. Op. cit.; Bracco D. Los errores de Charrúa y Guenoa-Minuán. – Jahrbuch für Geschichte Lateinamerikas, 2004. No. 41; Klein F. El destino de los indígenas del Uruguay. – Nómadas, 2007. No.15; Lescano G., Stolovich L. La gestión del patrimonio natural y cultural en Uruguay. Montevideo, 2000.

²⁴⁰ INE, 2010. P. 79; Uriarte Bálamo P. Hacia un Plan Nacional contra el Racismo y la Discriminación. Informe Final. Montevideo, MEC, 2011. P. 6.

²⁴¹ Servindi.org, 11 de mayo 2012; CONACHA Informe sobre la situación de los pueblos indígenas de Uruguay 2012 –https://www.google.com/?gws_rd=ssl#q=consejo+de+la+nacion+charrua+informe+2012

²⁴² Bracco D. Op. cit. P. 123-126,136; Klein F. Op. cit.

-
- ²⁴³ Bucheli M., Cabella W. El perfil demográfico y socioeconómico de la población uruguaya según su ascendencia racial. – Notas de población, N°91, CEPAL, 2008. P. 186-194.
- ²⁴⁴ Uriarte Bálamo P. Op. cit. P. 11; Klein F. Op. cit.
- ²⁴⁵ Romero Gorski S. (ed.) Antropología Social y Cultural en Uruguay. Anuario 2012. P. 251-257, 259-267.
- ²⁴⁶ Arocena F., Aguiar S. Op. cit., p. 25-28, 79-88.
- ²⁴⁷ Cabrera S. La garra minuana. – El País, lunes, 03 de febrero de 2014 www.elpais.com.uy/que-pasa/los-abuelos-indios.html; Arocena F., Aguiar S. Op. cit. P. 79-88.
- ²⁴⁸ Olivera A. Reseña de documental etnográfico-participativo “Buscando a los Charrúas, del recuerdo al presente” – Romero Gorski S. (ed.) Antropología Social y Cultural en Uruguay Anuario 2012. P. 269-271.
- ²⁴⁹ Cabrera S. Op. cit.
- ²⁵⁰ Pérez Landa A. Presencia mbyá-guaraní en Uruguay. – Encuentros uruguayos. Revista digital, 2013. No. 4.
- ²⁵¹ www.taino-tribe.org/jatiboni.html
- ²⁵² Латинская Америка. Энциклопедия. М., ИЛА РАН, 2013, с. 927; Havard J. P., Kulesza P., Merlet R. Op. cit. P. 151.
- ²⁵³ Havard J. P., Kulesza P., Merlet R. Op. cit. P. 151; Renault Lescure O. Op. cit. P. 380; Amérindiens de Guyane – www.gitpa.org
- ²⁵⁴ Havard J. P., Kulesza P., Merlet R. Guayana francesa. – El Mundo Indígena, 2014. P. 151-152; Amérindiens de Guyane – www.gitpa.org; Pauzé E. El último territorio europeo en Suramérica: los amerindios de Guyana francesa contra la legislación francesa en el caso del Parque Amazónico de Guayana. México, UAM, 2010; Renault Lescure O. Guyana francesa. – Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas de América Latina, vol. I, Cochabamba, UNICEF, 2009. P. 385.
- ²⁵⁵ Renault Lescure O. Op. cit. P. 381-382, 385, 388-389, 391; Pauzé E. Op. cit.
- ²⁵⁶ Havard J. P., Kulesza P., Merlet R. Op. cit. P. 155.
- ²⁵⁷ Havard J. P., Kulesza P., Merlet R. Op. cit. P. 155-156; Sallantin Th., Keulig S. France plans to ethnocide of three indigenous tribes are responsible for the genocide on the Wayana Indians in French Guiana. – Friends of Peoples close to Nature 2006. – www.naturvoelker.org ; www.fpcn-global.org; Amérindiens de Guyane – www.gitpa.org; Pauzé 2010.
- ²⁵⁸ Pauzé E. Op. cit.; Sallantin Th., Keulig S. Op. cit.
- ²⁵⁹ Латинская Америка. Энциклопедия. М.: ИЛА РАН, 2013. С. 783, 786; Ooft M. Surinam. – El Mundo Indígena, 2013. P. 130.

-
- ²⁶⁰ Migge B. Surinam. – Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas de América Latina, vol. I, Cochabamba, UNICEF, 2009. P. 400-401, 408; Ooft M. Surinam. – El Mundo Indígena, 2014. P. 144.
- ²⁶¹ Migge B. Op. cit., pp. 397-398; An Analysis of International Law, National Legislation, Judgments, and Institutions as they Interrelate with Territories and Areas Conserved by Indigenous Peoples and Local Communities. Report No. 11, Stockholm, 2012: 19, 23, 52 – <http://naturaljustice.org/wpcontent/uploads/pdf/ICCALegalReviewSURINAME.pdf>.
- ²⁶² Ooft M. 2013. P. 132; 2014: 146-147.
- ²⁶³ Migge B. Op. cit. P. 398.
- ²⁶⁴ Ibid. P. 399.
- ²⁶⁵ An Analysis of International Law..., p. 51-52.
- ²⁶⁶ Ooft M. 2013. P. 132-134; Idem. 2014. P. 147-149; Theije M. de and Heemskerk M. Moving Frontiers in the Amazon: Brazilian Small-Scale Gold Miners in Suriname – European Review of Latin American and Caribbean Studies 87, October 2009. P. 5-25; Heemskerk M. and Duives C. Small-Scaled gold Mining and Conflict in Suriname. – Cremers L., Kolen J., Theije M. de (eds.). Small-Scaled Gold Mining in the Amazon. Amsterdam, Cedla, 2013. P. 85-102.
- ²⁶⁷ Carlin E.B. Speech Community Formation: a Sociolinguistic Profile of the Trio of Suriname. – New West Indian Guide 1998, vol. 72. No.1-2. P. 4-42.
- ²⁶⁸ Латинская Америка. Энциклопедия. М.: ИЛА РАН 2013. С. 503; Nota técnica de país sobre cuestiones de los pueblos indígenas: República de Guyana, s.l. FIDA-CADPI, 2012. P. 1. – https://www.google.com/?gws_rd=ssl#q=república+de+guyana+nota+técnica+de+pais; Bulkan J. Guyana. – Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas de América Latina. Cochabamba, UNICEF, 2009. Vol. I. P. 409-410.
- ²⁶⁹ Nota 2012. P. 2.
- ²⁷⁰ Bulkan J. Op. cit. P. 413-419.
- ²⁷¹ Nota 2012. P. 3; <http://www.indigene.de/31.html?&L=2>
- ²⁷² Файнберг Л.А. Из истории индейцев Британской Гвианы. – Гвиана: Гайана, Французская Гвиана, Суринам. М.: Наука, 1969. С. 83; Baines S.G. Os povos indígenas Warichana e Makuxi na fronteira Brasil-Guiana, região do Maciço Guianense. – Revista Brasileira do Caribe, São Luis-MA, Brasil, Vol. XIII, nº25, Jul-Dez 2012. P. 144-145, 149.
- ²⁷³ Ibis Frade Brito/Prensa Latina,_2 de junio de 2013, Guyana: territorios indígenas, en “la mira” de transnacionales – <http://www.voltairenet.org/article178754.html>
- ²⁷⁴ Nota 2012. P. 7-9.

-
- ²⁷⁵ Colchester M., La Rose J., James K. La minería y los amerindios en Guyana. Ottawa, The North-South Institute, 2002; <http://www.forestpeoples.org/es/topics/gobernanza-ambiental/news/2011/10estudios-de0cifor-y-elbanco-mundial-evaluados-por-expertos>
- ²⁷⁶ Bulkan J. Op. cit. P. 413; Colchester M., La Rose J., James K. Op. cit.
- ²⁷⁷ Ibid. P. 411.
- ²⁷⁸ Frade Brito I. 2013-06-07, Derechos de los amerindios a la tierra, asunto pendiente en Guyana: <http://www.bolpress.com/art.php?Cod=2013060704>
- ²⁷⁹ Ракуц Н.В. Индейцы Бразилии в современном мире..., с. 85.
- ²⁸⁰ Meirelles Filho J. Amazonia. Milano, Cobaccio, 2007.
- ²⁸¹ Ramírez Hita S. Salud, globalización e interculturalidad: una mirada antropológica a la situación de los pueblos indígenas de Sudamérica. – Ciencia & Saúde Coletiva, vol. 19, №.10. Río de Janeiro, 2014. P. 4063-4065.
- ²⁸² El Mundo Indígena, 2015. Copenhague, IWGIA, 2015.
- ²⁸³ <http://www.forestpeoples.org/topics/mining/news/2016/02/venezuela-armed-assaults-yabarana-indigenous-peoples-illegal-miners>